

КАМЧАТКА. Ключевской вулкан.

Москвич Володя Дьячков по окончании десятилетки уехал на Камчатку; здесь он работает коллектором в геологической экспедиции.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 39 (1632)

21 СЕНТЯБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

С этого номера мы начинаем печатать очерки «По русской земле».

Двадцать корреспондентов «Огонька», сменяя друг друга, пролетели от Командорских островов над Тихим океаном, побывали на Камчатке и Сахалине, плыли по Амуру, объехали вокруг Байкала, пересекли Енисей, исколесили Алтай, спустились по Оби до Карского моря, проехали от Салехарда до Череповца, плыли по Волге, прошли от Сталинграда до Брянска и через Великие Луки, Псков, Новгород вышли к Ленинграду, к Балтике.

Славный почин москвичей

Страна готовится к XXI съезду Коммунистической партии. Коммунисты обсуждают решение сентябрьского пленума ЦК КПСС на собраниях партийного актива. Единством, сплоченностью отличаются эти собрания. Отмечая успехи, достигнутые страной, коммунисты выражают твердую уверенность в том, что решения предстоящего съезда, который утвердит программу развития нашего государства на ближайшее семилетие, будут с честью выполнены советским народом.

Прозвучал мощный голос московских рабочих. К их почину присоединяются горняки Украины, машиностроители Урала, нефтяники Азербайджана, хлеборобы Казахстана, ленинградские металлисты, иркутские гидростроители...

Что же сказали всей стране москвичи? Коллектив Автозавода имени Лихачева берется выполнить годовой план 16 декабря. Металлурги «Серпа и молота» объявили, что завершат выполнение годового плана 20 декабря. Раньше срока обязуются выполнить годовую программу металлисты завода имени Владимира Ильича, ткачи «Трехгорки», рабочие завода малолитражных автомобилей, станкостроители завода имени Орджоникидзе, труженики «Каучука», электролампового завода, фабрик «Красный Октябрь» и «Парижская коммуна».

В тот же день раздался голос строителей Москвы. Сократить сроки строительства жилищ, станций метрополитена, резко увеличить производство строительных материалов — такими трудовыми подарками встретят XXI съезд партии рабочие, инженеры и техники московских строек.

Обязательства москвичей радуют весь народ. Нет сомнения, что их слово будет услышано во всех уголках нашего государства. Вдохновленные примером рабочих столицы, на трудовую вахту в честь съезда встают миллионы и миллионы людей. Дать стране больше продукции, поработать так, чтобы наш народ получил много сверхпланового угля, нефти, чугуна, стали, машин, товаров широкого потребления, — с этой мыслью идут на трудовые подвиги советские рабочие, колхозники и интеллигенция!

Москва. Первый государственный подшипниковый завод. Коллектив участка сборки цеха мелких серий № 3 обязался досрочно выполнить годовой план, дать продукции на 200 тысяч рублей сверх задания, освоить три новых типа подшипников. На снимке: слесари-сборщики В. Е. Мурзин, Б. А. Пешков и мастер Н. Г. Вавилкин проверяют собранный подшипник.

Фото А. Новикова.

Навстречу XXI съезду КПСС

НОВЫЕ ПОБЕДЫ В ТРУДЕ —

«Химия и автоматика должны идти рука об руку»

Карачаровский завод пластмасс— одно из ведущих в нашей стране предприятий, выпускающих различную продукцию из синтетических материалов — полистирола, фенопласта, мелолита, фторопласта...

— Мы производим до 600 наименований изделий,— рассказывает заместитель главного инженера Б. М. Ноткин,— от детских игрушек до важных деталей машин. Машиностроители и полярники, электротехники и торгующие организации все больше и охотнее имеют дело с пластмассами — «незаменимыми заменителями», теснящими на разных участках производства сталь и стекло, дерево и кожу. В будущем семилетии карачаровцы должны увеличить производство изделий из чудесных материалов почти в 3 раза.

Сырье поступает в прессовый цех. Огромный зал. Полуавтоматы, автоматы. Здесь стоит до полутораста одних гидравлических прессов, образующих длинные коридоры.

Вот лучшая прессовщица цеха Мария Александровна Козлова нажала кнопку. Верхняя плита пресса крепко стиснула пресс-формы, и через одну — две минуты готово гладкое, блестящее изделие. Это бачок для проявления фотопленки. Скоро он появится на прилавках магазинов. Множество предметов, разноцветных, переливающихся в свете ламп дневного света, лежит возле каждого пресса. Тут и посуда и технические изделия: катушки для текстильных фабрик, корпуса и детали электросчетчиков, цоколи для электроламп.

Мария Александровна вместе с другими рабочими цеха стала на трудовую вахту в честь XXI внеочередного съезда КПСС.

— Наша работа очень своеобразна,—говорит Мария Александровна.— Мы имеем дело с полуавтоматами и, по существу, только следим за их работой. Сэкономить сырье и дать сверхплановую продукцию можно лишь при условии отличного ведения технологического процесса. К этому и стремится весь коллектив нашего цеха. В честь предстоящего съезда мы обязались выпустить сверх плана на 156 тысяч рублей продукции, сэкономить 2 тонны сырья.

Повышенные социалистические обязательства взял и коллектив цеха литья. Пятьсот изделий высокого качества дает за смену литейщица Анна Галкина. Возле ее станка стоит мешок, заполненный крохотными сверкающими гранулами полистирола — продукта переработки угля и нефти. Литейная машина расплавляет порошок и затем вытискивает под давлением в холодные формы. Каждую минуту Анна Викторовна кладет на стол прозрачную, сверкающую тарелку.

Это поднос. По красоте, изяществу он может поспорить с настоящим хрустальным. Но хрусталь хрупок, а этот поднос трудно разбить даже молотком.

— Возможность прессовать или отливать из пластмассы сразу готовое изделие,— говорит начальник цеха коммунист Владимир Александрович Лысенков,— важное преимущество синтетических материалов. Ведь чтобы приготовить металлическую деталь, надо сначала отлить или отковать заготовку, а затем обработать ее на металлорежущих станках. При этом много металла уйдет в стружку. Литье из пластмасс почти не дает отходов, ускоряет и удешевляет получение нужных форм и деталей во много раз. Не удивительно, что после майского пленума ЦК КПСС мы начали, так сказать, новую жизнь. У нас меняется старое оборудование, устанавливаются более мощные пресс-формы, литьевые машины. Вместе с конструкторами коллектив работает над созданием новых высокопроизводительных автоматов. Полностью будет автоматизирован процесс выпуска деталей для электросчетчика. Химия и автоматика в наше время должны идти рука об руку! Так нас учит партия.

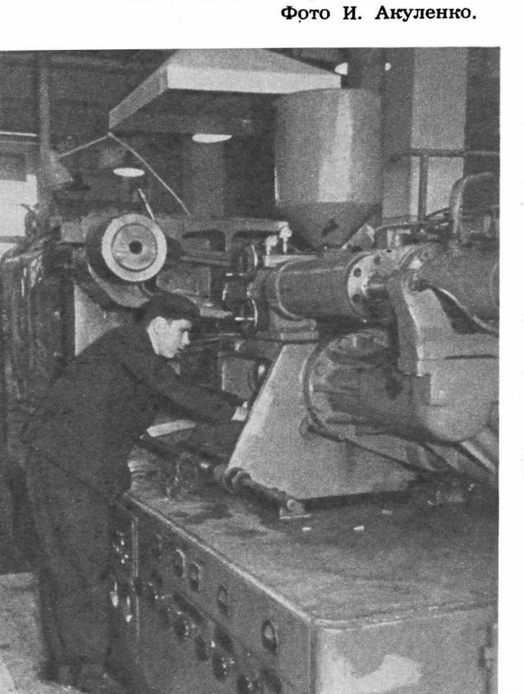
В цехе литья недавно смонтированы три новейших отечественных термопластавтомата. Эти замечательные механизмы созданы в Одессе. Существующая техника позволяет пока штамповать из пластмасс детали небольших размеров — от нескольких до полутораста граммов. Новые термопластавтоматы позволят получать крупногабаритные изделия: корпуса радиоприемников, электроарматуру, формы для металлургической промышленности весом до тысячи граммов.

Около нового автомата склонился слесарь Виктор Бацких. Он ведет наладку одного из узлов агрегата.

— К 27 января обязательно пустим машину,— говорит он.— Это будет нашим подарком съезду партии.

К. ВЛАДИМИРОВ,
И. ФРОЛОВ

Слесарь Виктор Бацких за наладкой нового термопластавтомата.
Фото И. Акуленко.

Бригада вальцовщиков, возглавляемая Н. С. Черных, обсуждает предсъездовские социалистические обязательства.
Фото И. Тюфякова.

НА СТАРОМ УРАЛЬСКОМ ЗАВОДЕ

В кабинете директора Верх-Исетского металлургического завода стоит чугунная скульптура льва. Она отлита в 1827 году литейщиком Александром Чернавиным, когда этот старейший на Урале металлургический завод отмечал свое столетие. Фамилия нынешнего директора завода тоже Чернавин, и еще не так давно он стоял у печи: был рядовым прокатчиком. Борис Иванович Чернавин рассказывает о соревновании, которым охвачен коллектив завода в честь предстоящего XXI съезда КПСС. Новое социалистическое обязательство — 6 тысяч тонн электротехнической стали и проката сверх плана. Этим живут сейчас все рабочие, инженеры и техники.

Плакаты, развешанные в цехах и на заводском дворе, рассказывают об успехах передовиков. Сталевар Анатолий Чугунов выдал на мартеновской печи очередную плавку за 7 часов 45 минут вместо 9 часов по норме. Скоростную плавку в честь XXI съезда партии за 3 часа 45 минут выдал на своей электропечи Герой Социалистического Труда Федор Петухов.

На одном из стендов вывешены портреты лучших бригадиров-вальцовщиков. В листопрокатном цехе № 1 мы познакомились и с оригиналами этих портретов. Вот бригадир Николай Черных — высокий, плечистый, с золотой медалью «Серп и Молот» на лацкане пиджака. Это он, которого многие на заводе помнят еще подростком в форме ученика ремесленного училища, создал новую технологию проката.

Сегодня, собравшись после смены, бригада берет новые, дополнительные обязательства. Тщательно взвешиваются возможности, учитываются все резервы, и Н. Черных записывает: «Выполнить годовой план к 1 декабря; ко дню открытия XXI съезда КПСС досрочно завершить январское задание и дать сверх плана 15 тонн трансформаторного листа».

Решено также повысить сортность против плановой на полтора процента и добиться экономии металла. Поставив свои подписи, люди расходятся. У каждого еще дела. Бригадир Николай Черных торопится в вечернюю среднюю школу, он учится в 10-м классе. А подручному нагревальщика Александру Белобородову, который пришел в цех шесть лет тому назад прямо из десятилетки, предстоит работа над дипломным проектом. Он заканчивает вечерний факультет политехнического института.

На следующий день мы позвонили на завод. К концу смены бригада Героя Социалистического Труда Николая Черных прокатала 900 пакетов вместо 745 по норме.

А. ГРИГОРЬЕВ

Наше завтра

Саттар СЕЙТХАЗИН

Былью отошли многовековой
Афоризмы о дорогах в Рим.
И сейчас мы о дороге новой
Новыми словами говорим.

Я за жизнь продумал дум немало.
Где я был, о том не рассказать.
Партия пути мне освещала,
Не давала сердцу остывать.

Партия! Твоим живым дыханьем
Каждый человек у нас согрет.
Ты зовешь на подвиг и дерзанья,
Ты ведешь дорогами побед.

Годы мчатся... Пусть быстрее мчатся!
Наше завтра — утра голубей.
Нам быстрее надо повстречаться
С новою победою своей.

Мой народ
Одной семьею дружной
За великой партией идет.
И вовеки никаким оружьем
Нас никто с дороги не свернет.

Перевел с казахского
Ю. СМЫШЛЯЕВ.

ЛЮБИМОЙ РОДИНЕ

К новому подъему

А. П. НИКАНОРОВ,
первый заместитель председателя совнархоза БССР

Когда наш корреспондент входил в кабинет, Александр Парфентьевич Никаноров заканчивал чтение телефонограммы. Сложив бумаги, он сказал:

— Это с Минского радиозавода. В связи с решением Пленума ЦК о созыве XXI съезда партии коллектив обязался досрочно завершить годовой план, выпустить продукции сверх программы на 5 миллионов рублей, закончить подготовку производства нового 12-канального телевизора «Беларусь-5», получить 150 тысяч рублей экономии от рационализаторских предложений, механизировать 10 ручных процессов на сборке.

— А какими успехами готовятся ознаменовать XXI съезд предприятия Белорусского совнархоза в целом?

— Республика, как известно, готовится отметить свое 40-летие. К празднику коллектив каждого предприятия идет с трудовыми достижениями. Обсуждая предварительные планы на семилетие, рабочие и инженеры выявляют новые резервы. Есть полная уверенность, что, завершив год, предприятия нашего совнархоза выпустят продукции сверх задания примерно на 600 миллионов рублей. Производительность труда по сравнению с прошлым годом увеличится на 5 процентов, план по накоплению также будет превышен. Автозавод и станкостроительный завод имени Ворошилова в Минске, а также Могилевский завод подъемно-транспортного оборудования перешли на семичасовой рабочий день. К XXI съезду КПСС количество таких предприятий значительно увеличится.

— Выпуск какой продукции растет особенно быстро?

— Если взять для сравнения текущий и минувший годы за первые восемь месяцев, то силовых трансформаторов изготовлено в 6 раз больше, станков повышенной точности—в 2, 4 раза, подшипников—на 51 процент, пропашных тракторов — на 16 процентов, выпуск сборного железобетона возрос на 76 процентов, торфобрикета — на 29 процентов, выработка электроэнергии — на 16 процентов. Что касается товаров широкого потребления и продуктов, то швейных машин выпущено на 22 процента больше, шерстяных тканей — на 33, шелковых тканей — на 21, кожаной обуви — на 10, пианино — на 11, сахара — в 3 раза больше, колбасных изделий — на 34 процента, молочных продуктов — на 21.

— Какие новые изделия выпустят предприятия совнархоза?

— Минский тракторный завод освоит производство модернизированного трактора «МТЗ-5М». В отличие от предыдущих моделей эта машина легче по весу, на изготовление ее идет меньше металла, она будет иметь более разностороннее применение. На Гомсельмаше для этого трактора будут выпускать прицепные приспособления для перевозки грузов и внесения удобрений на поля. Минский мотовелозавод начнет выпуск нового 15-сильного двухцилиндрового мотоцикла «М-101». Вместо фотоаппарата «Смена» предприятия нашего совнархоза будут выпускать новую любительскую фотокамеру «Эстафета»; вместо радиолы «Дружба» будет запущена в производство радиола первого класса «Неман».

— Что дало хозяйству развитие местной инициативы?

— С ликвидацией ведомственных барьеров возросла творческая активность, и это позволило отдельным коллективам взять на себя такие задания, которые изменяют самый профиль завода или фабрики. Мощный одноосный тягач, например, сконструирован на Минском автозаводе, а производство этой машины оказалось целесообразнее поручить Могилевскому заводу подъемно-транспортного оборудования. Теперь он станет Могилевским заводом тягачей. Белорусский автомобильный завод в Жодино специализируется на выпуске 40- и 25-тонных самосвалов. В Борисове создан завод запасных частей к тракторам.

— Каковы перспективы химической промышленности в Белоруссии?

— Если не считать Могилевского завода искусственного волокна, химия для республики — новинка. В Полоцке скоро вступит в строй завод стекловолокна. Там же начато строительство мощного нефтеперерабатывающего завода. В Минске дал первую продукцию завод металлопластмассовых изделий. А в Старобинском районе на базе больших залежей солей создается калийный комбинат, который обеспечит республику минеральными удобрениями.

— Что сделали белорусские строители?

— В этом году они закончат основные работы на Минском камвольном комбинате, на Минском заводе автоматических линий и агрегатных станков и Полоцком стеклозаводе. Много будет введено в строй и жилья: 173,5 тысячи квадратных метров, в том числе 58,4 тысячи квадратных метров только в Минске...

В кабинет А. П. Никанорова вошел начальник отдела главного механика и энергетики совнархоза В. С. Крылов:

— Радостная весть, Александр Парфентьевич! Сегодня строители и монтажники Василевичской ГРЭС закончили монтаж турбины и генератора, начали тепловые и электрические испытания. Этим коллектив Василевичской ГРЭС начинает социалистическое соревнование в честь XXI съезда КПСС.

Заканчивая беседу, А. П. Никаноров сообщил:

— Скоро войдет в строй также Смолевичская тепловая электростанция.

Минский тракторный завод. Ежедневно с главного конвейера в сдаточное отделение завода поступают новые тракторы «Беларусь» для прохождения испытаний перед отправкой по месту назначения.

Фото Ф. Короткевича.

Танкер «Пекин»

Стальная громада строящегося танкера сразу бросается в глаза среди других кораблей, высящихся на стапелях Балтийского завода. Еще бы! Высота от киля до верхней точки носовой части танкера — 22,4 метра.

По временным железным трапам и деревянным настилам поднимаемся на палубу, просторную, как городская улица.

— Корпус нового танкера водоизмещением в 40 тысяч тонн собирается на стапеле из крупногабаритных секций,— рассказывает инженер Н. Ф. Калашников.— Прямо из цеха подаются готовые «куски» корабля весом по 50—80 тонн каждый.

На корме оглушительно стрекочут пневматические молотки. Это рубщики зачищают фаски, подготавливая фронт работ для сварщиков. За два десятилетия работы на Балтийском заводе рубщик Василий Кузьмич Кузьмин участвовал в постройке барж, лесовозов, ледоколов. С первого дня закладки танкера он работает здесь — начал с носа, шел по бортам и сейчас в корме.

Верхнюю кормовую палубу собирает бригада Ивана Сергеевича Себина. В канун XX съезда партии он работал на постройке рефрижераторов для рыбных промыслов. С тех пор спустили на воду целую серию этих «плавучих заводов». Сейчас балтийцы, соревнуясь в честь XXI съезда партии, осваивают производство большегрузных танкеров. И первый из них, головной, решено спустить на воду досрочно. Монтаж средней надстройки ведут бригады Василия Александровича Смирнова и Василия Ивановича Варламова. Первый ярус они собрали раньше срока на два дня, второй — на три.

С металлического настила палубы, трапы ведут в грузовые танки, рассчитанные на 27 тысяч тонн горючего трех разных сортов.

Каждый танк наглухо отделен друг от друга гофрированными переборками. Замеры количества груза в танках будут производить автоматические приборы дистанционной станции.

В отдельном отсеке разместится машинное отделение. Мощные турбоагрегаты, установленные здесь, будут вращать пятилопастный гребной винт весом свыше 30 тонн. Впервые в заводской практике балтийцам приходится отливать гребные винты такого типа и размера.

На судне предусмотрены максимальные удобства для экипажа. В кормовой надстройке оборудованы удобные одноместные каюты. Соседние помещения столовой и красного уголка легко превратить в кинозал: для этого надо только раздвинуть переборки. На судне будут электрифицированная пекарня и камбуз, холодильники, буфет, лазарет, спортивная площадка с рингом для бокса и турником для гимнастов, плавательный бассейн. Головной танкер этой серии, который будет спущен на воду досрочно, в честь XXI съезда партии, назван именем столицы братской Китайской Народной Республики — «Пекин».

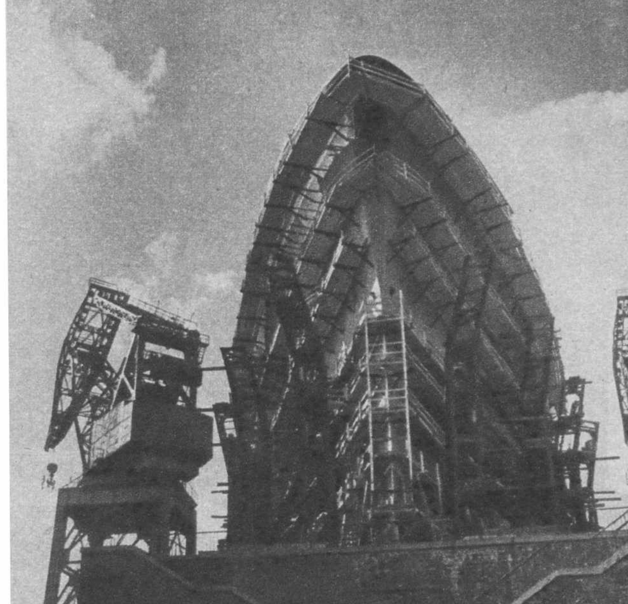
К. ЧЕРЕВКОВ

Ленинград.

Строители нового корабля (слева направо): бригадир судосборщиков В. А. Смирнов, инженер Н. Ф. Калашников, бригадир И. С. Себин, рубщик В. К. Кузьмин.

На стапеле высится стальная громадина танкера «Пекин».
Фото Б. Уткина.

ДЕРЖАТЬ СЛОВО ПО-СТАЛИНГРАДСКИ,

←
Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица на строительстве Сталинградской ГЭС.

Верность слову — в традициях нашего народа.

Еще совсем недавно советские люди рукоплескали сталинградцам, которые дали обязательство засыпать в закрома государства 150 миллионов пудов хлеба! Это обязательство выполнено! На элеваторы и ссыпные пункты поступило 152 миллиона пудов сталинградского хлеба — в 2,7 раза больше, чем было предусмотрено планом.

За Сталинградом — Саратов... Сто пятьдесят четыре миллиона пудов хлеба, или почти в 2 раза больше, чем предусмотрено по плану, сдали стране колхозы и совхозы Саратовщины.

Великая победа на хлебном фронте Поволжья была по достоинству оценена страной. Ста-

ПО-САРАТОВСКИ!

лииградская область награждена орденом Ленина. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР поздравили трудящихся Саратовской и Сталинградской областей с выдающимся успехом. На многолюдном митинге в Сталинграде с речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев. Вместе с ним у сталинградцев побывали члены Президиума ЦК КПСС Л. И. Брежнев, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов. В Саратове трудящихся области от имени партии и правительства поздравил член Президиума Центрального Комитета партии, секретарь ЦК КПСС А. И. Кириченко.

Битва за хлеб не утихает на просторах страны. Центр ее переместился на восток. Хлеборобы Сибири также взяли повышенные обязательства по хлебозаготовкам. Труженики Алтая дали слово сдать Родине 300 миллионов пудов, новосибирцы — 100 миллионов, омичи — 90 миллионов. За миллиард пудов зерна борются герои покорения целины — трудящиеся Казахстана. Так пусть же пример сталинградцев и саратовцев вдохновит всех тружеников сельского хозяйства страны на образцовое выполнение своих обязательств. Пусть и впредь законом для всех будет старое большевистское правило: взял слово — сдержи его, дал обязательство — выполни!

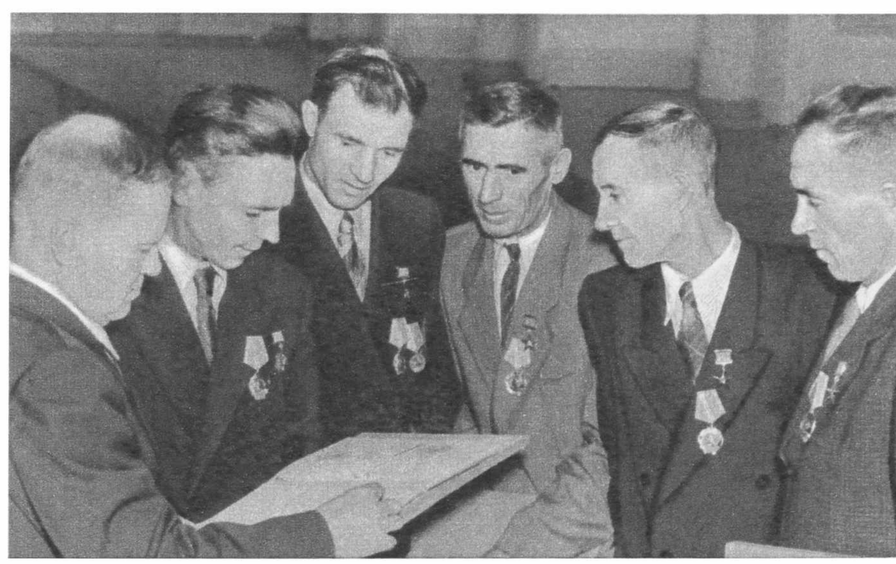
↑ Сталинград. Митинг, посвященный выполнению Сталинградской областью социалистических обязательств. Выступает с речью Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Фото С. Раскина.

Митинг трудящихся Саратова, посвященный выполнению областью социалистических обязательств. Выступает член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. И. Кириченко.

Фото М. Савина.

В Кремле состоялось вручение орденов и медалей СССР большой группе строителей и работников строительных организаций. На снимке: группа строителей, удостоенных звания Героя Социалистического Труда (слева направо): каменщик треста «Мосстрой» № 4 Я. Р. Цыцаркин, бригадир маляров треста «Мытищистрой» П. И. Пикалов, бригадир штукатуров треста «Электростальстрой» И. В. Ялагин, производитель работ треста «Союзпроводмеханизация» С. С. Караколев, машинист цементных мельниц Подольского цементного завода С. М. Журавкин, машинист вращающихся печей цементного завода «Гигант» С. Н. Владимиров.

Фото А. Гостева.

Первенство Европы по волейболу в Праге закончено. Советские волейболистки — чемпионки Европы; команда мужчин завоевала бронзовые медали. На снимке: советские спортсменки поздравляют друг друга с победой после финальной игры.

Фото Б. Светланова.

Гостивший в Советском Союзе Поль Робсон побывал у рабочих московского завода «Красный пролетарий». Станкостроители тепло встретили Робсона и его супругу Эсланду Робсон, показали цеха завода, а затем пригласили в клуб, где состоялся концерт певца. На снимке: Поль Робсон в сборочном цехе завода.

Фото А. Гостева.

Трудящиеся Китайской Народной Республики решительно протестуют против вооруженных провокаций США.

Фото На И (агентство Синьхуа).

С ФУЦЗЯНЬСКОГО ФРОНТА

А. КОЖИН

Каждый раз, когда я встречаю в газете заголовок «Фуцзяньский фронт», передо мной вновь и вновь с необычайной яркостью оживает все, что только что довелось увидеть во время поездки по берегу моря от Фучжоу (главный город провинции Фуцзянь) до Сямыня (Амой). Я видел, как днем и ночью все население побережья вместе с воинами неусыпно стоит на страже рубежей родины, пресекая попытки чанкайшистов и их покровителей забросить на материк замаскированных диверсантов и лазутчиков. Все напоминало здесь о близости врага: бомбоубежище, щели, белые полоски бумаги, крест-накрест наклеенные на оконные стекла, мешки с песком на улицах Сямыня, предохраняющие от снарядных осколков. Время от времени воздух пронизывал резкий вой сирены. По ночам прожекторы ощупывали море и небо.

Враг совсем рядом. С наблюдательного пункта передовой обороны, расположенного на скалистой горе, я ясно видел в бинокль Цзиньмыньдао и другие захваченные врагом острова, ряды колючей проволоки, темные зигзаги траншей, выцветшие гоминдановские флаги, гору Бэйтаньшань, на которой размещена резиденция американских военных инструкторов чанкайшистского гарнизона Цзиньмыньдао. В те дни, когда я был в Сямыне, ветер, дующий с моря, время от времени доносил гулкие разрывы артиллерийских снарядов. То чанкайшисты били по побережью в том месте, где расположена волость Хыцо и где проходит передний край Фуцзяньского фронта. Жители волости не захотели покинуть родные деревни и вместе с бойцами остались в траншеях. Здесь можно увидеть крестьян, вооруженных автоматами и винтовками,— ополченцев. Под покровом ночи они выходят на родные поля. Выждав, пока погаснут вражеские осветительные ракеты, они вновь и вновь выполняют свою привычную крестьянскую работу: ухаживают за посевами, роют колодцы, вносят удобрения, собирают жатву. Женщины стирают ополченцам и воинам белье, кипятят воду, перевязывают раненых.

Я встречался со многими тружениками, бывал в деревнях, на заводах, в университете Сямыня и всюду видел необычайный прилив отваги, непоколебимую стойкость, мужество, решимость армии и народа преодолеть все испытания, вызванные вражеской блокадой побережья, и подготовиться к полному разгрому врага, к освобождению исконных территорий Китая.

Раньше, как и теперь, змеиные укусы гоминдановского отребья далеко не всегда сходили безнаказанно. Китайский народ терпелив и великодушен; он не раз предоставлял гоминдановскому командованию возможность одуматься, но есть предел и терпению китайского народа. Сокрушительные удары артиллерийских частей Фуцзяньского фронта напоминают гоминдановцам о возмездии, которое постигнет их неизбежно.

Вскоре после одного из огневых боев, которые вела Н-ская артиллерийская часть, я побывал на позициях офицера Го Фуй-линя.

Го Фуй-линь, политрук батареи Юй Шу-хе и свободные от дежурств бойцы охотно поделились со мной подробностями боя. В каждом их слове чувствовался неостывший накал недавнего напряжения. Первыми открыли огонь гоминдановцы, обрушив снаряды на расположенную неподалеку деревушку. В клубах дыма рушились крестьянские хижины, падали люди, гибли на полях буйволы. Ненависть клокотала в сердцах бойцов. И каждый из них стискивал зубы, ждал одного: команды к бою!

И вот она прозвучала призывным набатом, вдохнув в людей такую силу, которая, казалось, могла в один миг перенести их через морское пространство, туда, где можно встретиться с врагом лицом к лицу и беспощадно мстить за слезы, за кровь женщин, детей, стариков, погибших от гоминдановских снарядов. Раскаты выстрелов покрыли грохот взрываемых вражеских батарей. Гоминдановцы перенесли огонь на позиции Народно-освободительной армии, но здесь никто словно и не замечал ближних разрывов.

С лицами, почерневшими от порохового дыма, бойцы четкими, стремительными движениями безукоризненно выполняли каждую команду. У орудийного расчета офицера Хы Тянь-цуня упал вражеский зажигательный снаряд. Загорелась маскировочная сетка. Еще минута — и могут взорваться лежащие рядом снаряды. С командного пункта передан приказ:

— Орудию Хы Тянь-цуня прекратить огонь! Расчету отойти в укрытие!

В первое же мгновение командир орудия крикнул двум из своих солдат:

— Отнести снаряд в безопасное место! — Но тут же добавил: — Отставить!

Он сам бросился к брызжущему пламенем снаряду, схватил его голыми руками и, корчась от нестерпимой боли, отбросил в сторону. Позднее Хы Тянь-цуня спрашивали, почему он отменил свой первый приказ.

— Два бойца выбыли бы из строя,— ответил он.— А орудию надо было еще вести огонь.

Вернувшись к орудию, Хы Тянь-цунь быстро перевязал обожженные руки, доложил командованию обстановку и попросил разрешения возобновить стрельбу. Через несколько секунд его орудие, как и соседние, вновь вело огонь.

Напряженность боя все возрастала. К грохоту полевых орудий присоединили свои мощные голоса дальнобойные. Наводчик Лу Цзян-вынь, у которого шла кровь из ушей, продолжал свое дело, хотя разрывы вражеских снарядов стали нащупывать его укрытие. Упал, обливаясь кровью, заряжающий. Лу Цзян-вынь, не оставляя своего дела, заменил товарища.

И вот он теперь передо мной, маленький шанхаец Лу Цзян-вынь, краснеющий от смущения, как девушка, при словах товарищей, которые хвалят его за мужество и стойкость. Только после настойчивых просьб он рассказывает о себе:

— Мой брат сражался добровольцем в Корее с американскими захватчиками. Был ранен. Когда провожал меня в армию, он сказал: «Будь бесстрашным в боях, которые могут выпасть на твою долю. Ты будешь сражаться за правое дело, за нашу родину и, может статься, встретишься с тем же врагом, с каким мы боролись в Корее. Американские захватчики всюду суют свой нос, они хотят, как раньше, заниматься разбоем в чужих странах. Но время для этого прошло!..»

— Вот что они делают теперь,— продолжал Лу Цзян-вынь, кивая головой в ту сторону, где лежали руины разрушенной деревни.— Если бы не американцы, мы давно бы расправились с чанкайшистской кликой!

Боль и гнев слышались в словах молодого солдата. Но в них звучали и мужество и непреклонная сила, которая помогла победить в трудном бою.

Бой кончился тем, что артиллеристы Народно-освободительной армии подавили три вражеских батареи, заставили замолчать несколько крупнокалиберных орудий. С наблюдательного пункта было видно, как из леска, откуда вели бой чанкайшисты, санитары вынесли до двух десятков носилок. Воины показали нам огневые позиции, незачехленные орудия с белыми листками бумаги на броневых щитах; на листках были начертаны слова священной солдатской клятвы биться с врагом до полного освобождения Тайваня и всех прибрежных островов. Нам показали убежища, вырытые в каменистом грунте, где артиллеристы спят, не раздеваясь. Показали молоденькие сосенки, посаженные ими в перерывах между боями в знак своей несокрушимой веры в торжество дела мира.

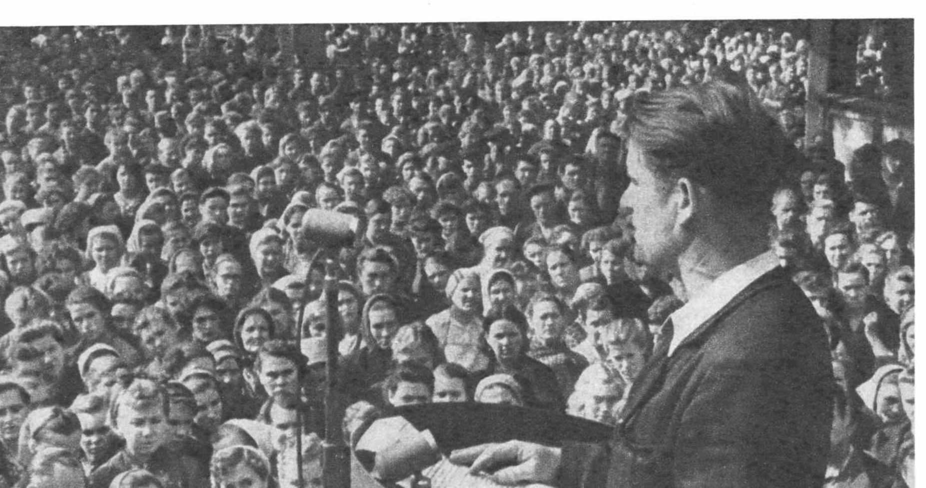
На переднем крае Фуцзяньского фронта, где удалось мне побывать, теперь клубится дым еще более жарких боев с гоминдановскими стервятниками, науськиваемыми американскими агрессорами. В памяти моей живо воскрешается все увиденное, пережитое там, сливаясь в единый яркий образ несокрушимой мощи китайского народа, мощи, о которую вдребезги разобьются все происки врагов человечества и мира.

Пекин, сентябрь.

На одном из крупнейших предприятий Ленинграда, фабрике «Скороход», состоялся многотысячный митинг в связи с посланием Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева президенту США Д. Эйзенхауэру. Как и все советские люди, рабочие «Скорохода» гневно протестовали против провокационных действий американских империалистов на Дальнем Востоке и выразили братскую солидарность с китайским народом.

На снимке: выступает рабочий вырубочного цеха А. Алексеев.

Фото П. Федотова (ТАСС).

В ПОИСКАХ «ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ»

Владимир ОРЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

На холмах по берегам Женевского озера, отражаясь в голубой воде, дремлют древние рыцарские замки. По ночам их иллюминируют лучами прожекторов. И когда наблюдаешь с парохода эту магию, творимую светом, они кажутся воздушными замками, парящими в темном ночном небе.

Вместе с делегатами второй Международной конференции Организации Объединенных Наций по применению атомной энергии в мирных целях мы в свободное время посетили некоторые из них. Перед нами опускались подъемные мосты, раскрывались тяжелые кованые двери. Мы вступали на узкие площади — прототипы городских площадей, пробирались по закоулкам — прототипам городских улиц, и старинный замок представал перед нами, как каменный бутон, в котором заключен еще не распустившийся город.

Подземелья и башни замков дышат атмосферой легенд о жестоких ревнивцах и несчастных красавицах. Но живут здесь и легенды о древних алхимиках. С нескрываемым интересом осматривали мы толстостенные кельи, где, должно быть, трудились эти фанатики, чьи упрямые и тщетные поиски «философского камня» породили современную химию. Но ни колб, ни реторт, ни плавильных печей не сохранилось в замках. Молодые голоса советских физиков звучали гулко в пустынных подземельях и башнях. Знаменательным было их пребывание здесь. Именно этим жизнерадостным экскурсантам, представляющим современную физику, удалось осуществить вековую мечту средневековых алхимиков о превращении элементов.

Конференция почтила вставанием память великого ученого-гуманиста Фредерика Жолио-Кюри, одного из открывателей искусственной радиоактивности. Он нашел пути такого превращения элементов, при котором они, не теряя своих химических свойств, становились бы элементами радиоактивными. Эти так называемые радиоактивные изотопы оказались для человечества нужнее драгоценных камней. Драгоценные камни сияют отраженным светом, радиоактивные изотопы сами испускают невидимые лучи небывалой действенной силы. Каждый атом радиоактивного изотопа как бы мечен своим ядерным излучением, как автомобиль отмечен фарами, пароход — гудком, самолет — радиостанцией. «Меченые атомы» служат науке Ариадниной нитью, помогающей пролагать пути по самым запутанным лабиринтам природы. Они позволяют проследить, в частности, за судьбой эволюции молекул, вступающих в сложные химические соединения.

Радиоактивные изотопы, заключенные в ампулу, испускают невидимый, глубоко проникающий луч. Этот луч стал ныне незримой, но важной «деталью» многих современных приборов и машин, бдительным инструментом контроля, активным орудием технологии.

Обзорный доклад о применении радиоактивных изотопов в СССР вице-президента Академии наук СССР академика А. В. Топчиева, И. Т. Аладьева и П. С. Савицкого, сделанный на пленарном заседании конференции и прослушанный с огромным вниманием, многочисленные доклады советских ученых на заседаниях секций, разнообразные сообщения научных работников множества зарубежных стран, наконец, интереснейшие экспонаты, демонстрируемые на выставке, показали, что работы в этой области ведутся широким фронтом.

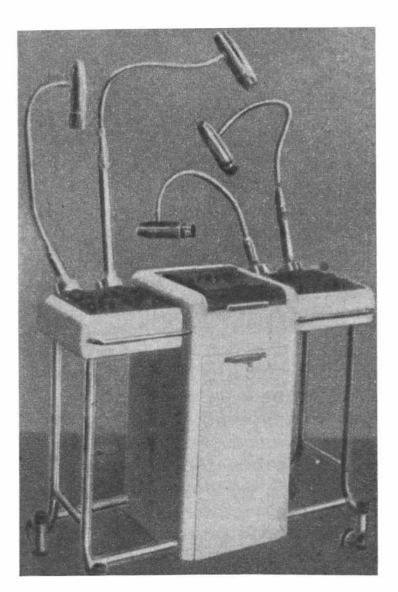
Тысячи учреждений, десятки тысяч людей в одной лишь нашей стране используют радиоактивные изотопы. Сейчас уже трудно найти такую область знаний, такую отрасль народного хозяйства, где радиоизотопы еще не нашли своего применения.

Протоколы секции по радиоизотопам в связи с предполагающимся 30-томным изданием работ конференции, вероятно, заполнят несколько томов. Поневоле нам приходится затронуть лишь малую часть проблем.

Даже беглый обзор материалов показывает, как окрепла и созрела за это короткое время творческая мысль. Уже нет и в помине наивных, неоправданных применений радиоизотопов, вроде счетчика пивных бутылок, применений, продиктованных младенческими увлечениями в технике, лишь недавно совершавшей первые шаги.

Мы видим, какое серьезное значение приобрели радиоактивные изотопы в тончайшем химическом анализе, в технологии сверхчистых металлов. Сверхчистые металлы — основа не только ядерной энергетики, но и другого «кита» атомного века — техники полупроводников.

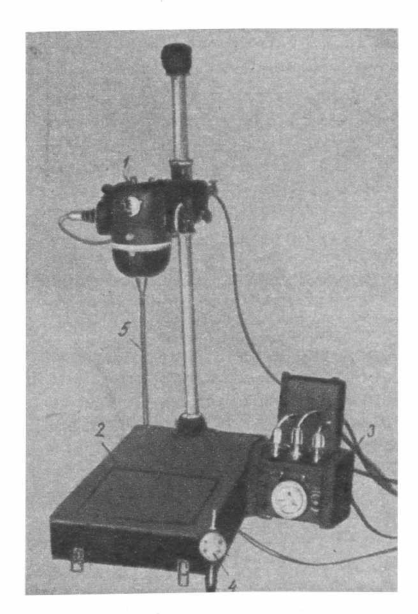
«Меченые атомы» стали теми микроскопическими фонариками, которые как бы осветили изнутри таинственную жизнь растения: его «цехи» и «склады», его «производственные коммуникации». Тут были опрокинуты многие сложившиеся представления. То, что считалось «цехом», оказалось «складом», и наоборот. Применительно к сахарной свекле опровергнута народная притча о полезности «корешков» и бесполезности «вершков». Установлено, что основным местом синтеза сахара в свекловичном растении являются листья. Сахаристые вещества, образовавшиеся в зеленом листе в процессе фотосинтеза, поступают в проводящие пути растения и по ним со скоростью до 70 сантиметров в час спускаются в корень. «Корешки» являются лишь сахарным «складом», а ответственна за сахарную продуктивность растения его листовая часть — «вершки».

Четырехканальный радиограф, позволяющий следить за продвижением радиоактивных веществ в организме.

Представляется в совершенно новом свете деятельность корней. С помощью радиоактивных изотопов фосфора и серы показано, что наряду с поглощением из почвы питательных веществ через корни происходит выделение продуктов жизнедеятельности растения обратно в почву. Выделения попадают обратно в почвенный раствор и поглощаются корнями соседних растений. Если нанести, например, химические вещества, ядовитые для насекомых-вредителей, на листья одного растения, то через некоторое время яды обнаруживаются в соседних растениях, которые приобретают опасные для вредителей свойства.

Метод «меченых атомов» позволил подобраться к изучению тонких процессов, протекающих в высших организмах и наиболее сложных их отделах, таких, как центральная нервная система — мозг. Были получены данные по обмену белков, нуклеиновых кислот, гликогена и других соединений в нервных тканях и построена своеобразная «химическая топография» мозга. Изучались темпы этого обмена при покое и возбуждении, наркотическом сне и переохлаждении организма. Таким образом, были положены первые камни в фундамент той науки, которая, быть может, впоследствии будет названа «химией мысли».

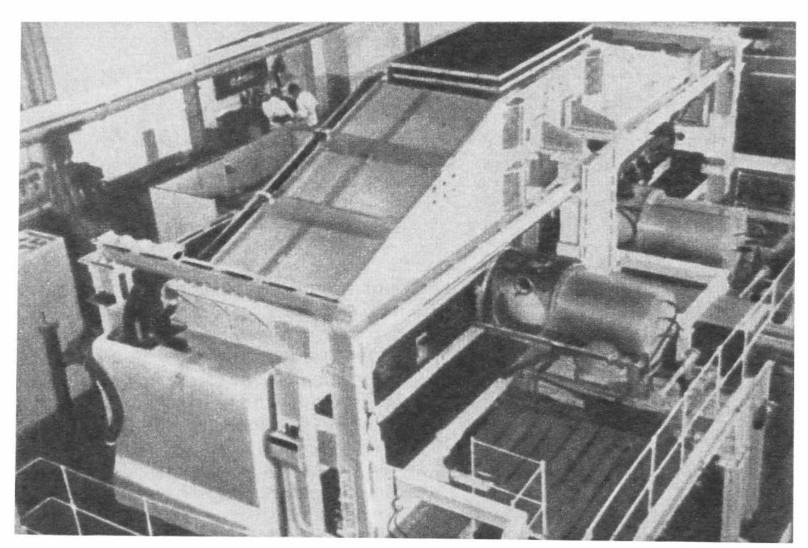
Переносная установка для радиографического контроля «РК-1», применяемая на производстве.

Но не следует думать, что «меченые атомы» помогают решать лишь абстрактные вопросы теории. Вот конкретный практический результат: при посредстве изотопов фосфора и кальция были изучены процессы круговорота веществ в наших водоемах. На основании полученных данных обоснована и введена в повседневную практику рыбоводных хозяйств Северного Кавказа и Прибалтики система комплексного, органо-минерального удобрения прудов. В результате увеличилась плотность посадки рыбы в пруды, водоемы стали богаче рыбой более чем в пять раз.

В кратком перечне наиболее заметных открытий прошлых веков, приведенных в «Диалектике природы», Фридрих Энгельс не случайно упомянул изобретение способа соления сельди. Это было одной из замечательных находок своего времени.

Проблема сохранения продуктов питания, консервирования пищи всегда была одной из благороднейших задач науки и техники. Уметь сохранить продукты — это значит сберегать тяжелый труд миллионов земледельцев, поливающих пóтом поля нашей планеты. Каждый новый существенный шаг в этой области равносилен освоению миллионов гектаров целины. Не случайно в консервную промышленность переносятся все новейшие достижения физики, химии и технологии: инфракрасная сушка и высокочастотный радионагрев, электронные ускорители и антибиотики. Целям сохранения продуктов питания ученые стараются подчинить и могущественную технику радиоизотопов.

Здесь играют на способности радиоактивных излучений приостанавливать размножение живых клеток. Стоит лишь облучить радиоактивным кобальтом картофель в складе, как он потеряет способность к прорастанию, и картофель можно будет хранить на теплых складах. Облучение зерна на элеваторах умертвит часть амбарных долгоносиков, да и остальные продержатся недолго — ведь они потеряют способность к размножению. Современные способы консервирования продуктов основаны на тепловой стерилизации герметически укупоренной тары. Как известно, в результате такой обработки продук-

Четырехкамерная электромагнитная установка для разделения изотопов.

ты теряют свой естественный вкус. Облучение продуктов при помощи радиоизотопов убивает вредные микроорганизмы, сохраняя в продуктах их первоначальную свежесть. Установлено, что сырое мясо, свекла, морковь, картофель после облучения сохраняются в герметической таре месяцами, не теряя своих вкусовых качеств.

Но ученые убедились также, что микроорганизмы очень стойки, в тысячи раз более стойки к лучевому поражению, чем человек. Приходится применять огромные дозы облучения, при которых в ряде продуктов происходят заметные химические изменения. Так, сырые яблоки и масло теряют естественный вкус и цвет. Ученым придется основательно поработать, чтобы преодолеть это.

В 1959 году у нас будет введена в строй экспериментальная продуктовая база, оборудованная кобальтовым источником излучения, равносильным 200 килограммам радия, и линейным ускорителем электронов в 5 миллионов электроновольт с выходной мощностью в полкиловатта.

Человек, впервые посетивший завод органического синтеза пластмасс или красителей, чувствует себя в положении муравья, заползшего внутрь радиоприемника. Он блуждает в дремучей чаще разноцветных труб, пересекающихся, как монтажные провода, и идущих к аппаратам, похожим на гигантские радиодетали. Незримые таинственные процессы протекают за броней труб и котлов. И хотелось бы иметь рентгеновский аппарат, чтобы взглядом проникнуть за эти стальные стены.

Такая возможность имеется. Не подумайте только, что придется поставить у завода грандиозный экран и ловить на нем рентгеновские тени. Тут существует более реальное решение. Во многих точках цеха, в его решающих узлах, устанавливаются ампулы с радиоактивным кобальтом, испускающим пронизывающие сталь гамма-излучения. Разнообразного типа датчики улавливают результаты и передают на диспетчерский пульт управления. Так можно увидеть уровень жидкости в непрозрачном сосуде, замерять плотности, температуры, скорости, давления. Все важнейшие узлы завода оказываются как бы под присмотром тысяч глаз.

Но особенно необходимы эти методы контроля на металлургических заводах, где мартены и домны похожи на организмы, живущие в пламени, как сказочные гигантские саламандры. Около 30 научно-исследовательских организаций и 20 металлургических заводов страны (среди них Кузнецкий и Магнитогорский комбинаты, «Азовсталь», «Запорожсталь», «Электросталь» и другие) применяют радиоактивные изотопы для исследования, регулирования, контроля технологических процессов в черной металлургии.

Применение радиоактивных изотопов дало возможность сократить продолжительность плавки в мартеновских печах на 20—40 минут, увеличить их производительность на 5—10 процентов, предложить мероприятия по реконструкции доменных печей, осуществление которых повысит выход металла на 10—20 процентов.

По предварительным подсчетам, внедрение радиоизотопов в промышленно ть дало народному хозяйству в прошлом году экономию порядка 1,2—1,5 миллиарда рублей.

Удивительны действия техники радиоизотопов — неэнергетической атомной техники. Появляется в цехе узкий невидимый луч, и цех как бы вырастает в размерах, как бы увеличиваются объемы печей, ускоряется ход станков, растет выпуск продукции. Неэнергетическая техника действенна тем, что она умножает величайшую из сил на земле — силу человеческого знания. Человек начинает разумней вести процессы, полнее использовать технологические резервы. Результаты налицо!

В очерке, посвященном атомному ледоколу, мы упоминали уже о разрушительном влиянии ядерного излучения на металлы. «Второй огонь» атомного века может действовать, оказывается, не менее губительно, чем обычный огонь. Но обычный огонь одновременно является мощным средством технологии. В огне выплавляется железо и закаляется сталь.

Прогрессивная линия развития техники заключается в том, что разрушительные силы природы она превращает в инструмент созидания. Так нельзя ли, спрашивается, опираясь на радиоактивные изотопы, построить «атомный горн», где при помощи «второго огня» улучшались бы, а не портились свойства металла?

Современная атомная техника положительно отвечает на этот вопрос. Облучение меди и железа приводит к росту микротвердости, повышению предела прочности, уменьшению ударной вязкости и др. Но использовать эти эффекты для улучшения свойств металла пока не представлялось возможным. Слишком долго «остывал» (выражаясь в ядерном смысле) кусочек металла, слишком долго не мог он расстаться с приобретенной при облучении радиоактивностью.

В связи с этим представляют значительный интерес обнаруженные советскими учеными изменения свойств металлов, возникающие под действием излучений низкой энергии. При помощи радиоактивного кобальта облучались алюминий и цинк, железо и золото, платина и бериллий. Мощность дозы лучей была совсем маленькой. Неожиданно оказалось, что твердость металлов существенно возрастала, а стойкость в отношении износа увеличивалась в несколько раз. Ведутся дальнейшие исследования по подбору оптимальных доз и видов излучений для различных металлов.

«Второй огонь», обретенный человечеством, будет мирно использован в кузницах атомного века.

В грандиозной программе подъема химической промышленности, намеченной майским Пленумом ЦК КПСС, радиоизотопы найдут свое достойное место. Речь идет о дальнейшем радиационном направлении химической технологии. Под воздействием ядерных излучений происходят распады и сшивание молекул. Это позволяет отказаться от ряда технологических процессов, требовавших ранее высоких температур и давлений или введения посторонних примесей, портящих конечный продукт. Это позволяет вести производство при нормальных температурах, невысоких давлениях и без посторонних примесей. Радиационная полимеризация такой ценной пластмассы, как полиэтилен, приведет к получению продукта, обладающего высокой степенью кристалличности и плотности. С помощью радиоактивного излучения можно вулканизировать автопокрышки, придавать им особую прочность. Поразительны опыты по «лучевому крашению». Ткань, пропитанная бесцветным кубовым красителем, при облучении радиоактивными изотопами приобретает яркую, стойкую окраску.

Радиоактивные изотопы внесут революцию и в нефтеперерабатывающую промышленность, позволяя осуществить «лучевой» крекинг нефти.

Для исследования процессов радиационной химической технологии проектируются экспериментальные установки с источниками излучения, равносильными одной тонне радия! В качестве излучателей в них будут применяться отработанные тепловыделяющие элементы реакторов атомных электростанций. В золе атомных топок и содержится «философский камень» современных алхимиков, дающий человечеству небывалую власть над веществом.

Они чем-то похожи на старинные замки, эти грандиозные установки радиационной технологии. Маленькие комнатки тонут в толщине почти крепостных стен, возвышаются бетонные башни лучевой защиты, а предохранительные слои воды напоминают крепостные рвы. Это не воздушные замки; они строятся на реальной, земной, практической почве. Это не военные крепости, а цитадели мира, оплот лучшего будущего для людей на земле.

Женева (по телефону).

ГАСТРОЛИ «МАЗОВШЕ»

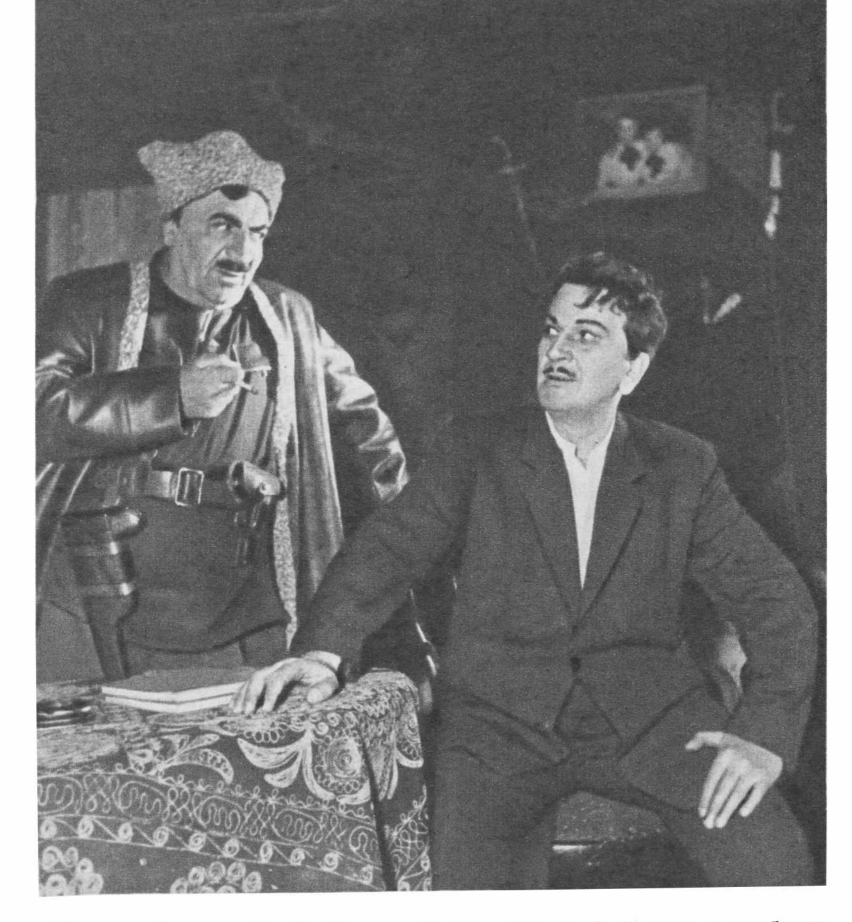
Выступление танцевальной группы «Мазовше» в эстрадном театре «Эрмитаж» в Москве.

Фото С. Раскина.

Советские зрители тепло встретили новые гастроли талантливых артистов Польского Государственного ансамбля народной песни и танца «Мазовше». Киев и Харьков, Львов и Днепропетровск, Черновцы, Одесса, Симферополь и, наконец, Москва, Ленинград, Минск — таков был маршрут гастролей «Мазовше». И всюду — переполненные концертные залы и площадки, горячие рукоплескания, дружеские улыбки большому артистическому мастерству, огневому темпераменту, обаянию чудесного народного колорита, каким пронизана обширная программа польских артистов.

Наши гости исполняли не только свои родные песни — из их уст звучали народные украинские мелодии и задорные русские частушки. На одном из концертов, экспромтом, на частушечный лад запели артисты «Мазовше» о том, что здесь, в Советской стране, они, уезжая, «оставят свое сердце»...

«До новой встречи!» — говорят полюбившимся дорогим гостям советские зрители.

«Под одной крышей» Г. Боряна. Врам — народный артист республики А. Аветисян и Арташес — народный артист республики Д. Малян.
Фото В. Джейранова.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

В Ереване не так давно была открыта необычная выставка: «2 000 лет истории армянского театра». А если вы попадали на спектакль вслед за осмотром выставки, то вам могло показаться, будто выставка продолжается и здесь, в здании, где под сенью высоких деревьев расположился Драматический театр имени Габриэла Сундукяна.

Из экспонатов выставки можно было узнать, что уже в древнейших столичных городах Армении — Тигранакерте и Арташате — имелись свои театры. Но затем на протяжении многих веков на армянской земле национального театра не существовало. Армянская драматургия, армянские актеры, целые труппы и театры, игравшие на армянском языке, были и в Тифлисе и в Ростове, существовали и за рубежом, например, в Константинополе, но только не у себя. И лишь спустя многие и многие годы в столице Советской Армении собрались под одну крышу развеянные по всей стране актерские силы.

Под одной крышей! Какой это, кстати, благодатный повод для старейших представителей армянского театрального искусства, таких, как Ваграм Папазян, Вагарш Вагаршян, Грач Нерсесян, Ольга Гулазян, рассказать о дореволюционной судьбе армянского актера, а может, и сыграть на сцене, если появится такая пьеса... самих себя...

Может, и стоило бы создать такой спектакль в Ереванском театре, а пока, названная «Под одной крышей», здесь идет пьеса Гургена Боряна, посвященная годам борьбы за установление в Армении Советской власти. Эту пьесу поставили еще в начале прошлого сезона, но и теперь, когда идет спектакль, все еще вывешиваются у кассы объявления: «Билеты распроданы». Спектакль пришелся зрителю по душе своей острой сюжетной линией, яркими сценическими портретами, а главное, тем особым ощущением добротной, слаженной работы драматурга, постановщика, актерского коллектива. Это, очевидно, имелось в виду, когда на Всесоюзном фестивале театров спектакль «Под одной крышей» был отмечен дипломом 1-й степени, так же как и автор пьесы, ее постановщик, главный режиссер театра народный артист республики Вартан Аджемян и шесть ведущих исполнителей.

И лед тронулся! Вслед за боряновской театр поставил пьесу А. Араксманяна «Розы и кровь» — на ту же тему. Потом появились «Последние гвоздики» Г. Тер-Григоряна — насыщенный высоким драматизмом спектакль о моральном облике советского ученого.

А однажды в театр пришел робкий, смущающийся юноша — фельдшер Ж. Арутюнян. Главному режиссеру попалась в руки написанная юношей пьеса. Собственно, писал он ее «для души»: работает Арутюнян заведующим здравпунктом на заводе и одновременно учится в медицинском институте. Опытный режиссер почувствовал в авторе меткий глаз и хорошее, острое перо. Пьеса носила медицинское название — «Порок сердца», однако повествовала о пороках совершенно иного, морально-этического свойства. И вот родилась на свет веселая сатирическая комедия, тут же увидевшая сцену.

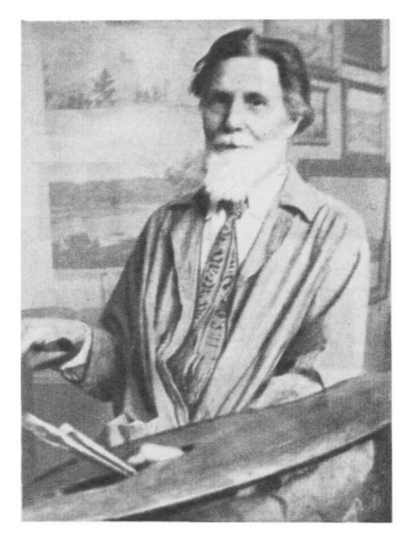
И еще одна постановка — «Большое испытание» Гургена Маари — была первой пробой пера ее автора в драматургии. В ней показан сложный процесс перестройки психологии людей, возвратившихся на родину после долгих скитаний по свету.

Так в театре имени Габриэла Сундукяна водворилась наконец современная тема, заняв свое законное место.

И. МЕСХИ

Ереван.

Талант и труд

А. Жмуйдзинавичюс за работой в своей мастерской.
Фото автора.

В мастерской старейшего литовского живописца Антанаса Жмуйдзинавичюса в городе Каунасе можно видеть небольшую книгу в темном, потершемся от времени переплете. Это своеобразная автобиография, которая ведется уже на протяжении нескольких десятков лет. Все записи здесь предельно кратки — названия картин, год написания, места экспонирования, нахождение. Первые строчки сделаны около шестидесяти лет назад, когда художником, учившимся тогда в Варшаве, было написано его первое значительное произведение («Натюрморт»). В последних записях картины помечены уже четырехзначными цифрами: около двух тысяч произведений создано художником, которому пошел девятый десяток лет.

Многие картины Жмуйдзинавичюса посвящены природе Польши, Италии, Франции, Америки, Скандинавии, других стран — результат путешествий художника. Но самые вдохновенные его работы воспевают родную Литву. Никто лучше не смог уловить своеобразной прелести литовской природы, тонкого лиризма ее пейзажей.

Девяносто семь произведений А. Жмуйдзинавичюса созданы на берегах Немана, где происходят и произошли большие изменения. В нескольких километрах от Каунаса сооружалась одна из крупнейших в Прибалтике гидростанций, и это событие нашло отражение в работах художника. Жмуйдзинавичюс работает над большой серией полотен о «Каунасском море».

Недавно А. Жмуйдзинавичюс с группой московских и ленинградских маринистов побывал в Крыму, где написал множество этюдов. Не прекращает А. Жмуйдзинавичюс и преподавательской деятельности, начавшейся более полувека назад.

Двадцать шесть лет назад в Каунасе с предисловием народного поэта Литвы Людаса Гиры был издан сборник стихотворений, на титульном листе которого стояло: «По тропинкам жизни» — Антанас Жемайтис. Это псевдоним Антанаса Жмуйдзинавичюса; художник в то же время написал много лирических стихотворений, около ста басен.

Картины народного художника Литвы экспонировались на двухстах с лишним выставках — в Советской стране и за ее рубежами: в Варшаве, Мюнхене, Вашингтоне, Чикаго, Нью-Йорке, Дели, Калькутте, Бомбее. Живописец участвует во всех всесоюзных художественных выставках в Москве. Его произведения хранятся в музеях Вильнюса и Каунаса, в фондах Третьяковской галереи, в некоторых республиканских и областных художественных собраниях. Когда живописцу исполнилось восемьдесят лет, в Литве были организованы две выставки произведений А. Жмуйдзинавичюса — 199-я и 200-я по счету. Они подвели итог большого этапа творческой жизни замечательного мастера.

В нынешнем году Антанас Ионасович Жмуйдзинавичюс избран членом-корреспондентом Академии художеств СССР.

О. ХАНАЕВ

Каунас.

Витебские ковры

Трамвай, пройдя центр Витебска, переползает широкий мост, повисший над Западной Двиной, и привозит нас на Марковщину — район, где издавна сосредоточены фабрики и заводы города.

Широкая асфальтированная дорога, засаженная деревьями, ведет вдоль цветников к корпусам Коврового комбината. До революции это был один из старейших форпостов белорусского пролетариата. Его предшественница — льнопрядильная фабрика «Двина», основанная еще в 1900 году,— считалась тогда крупнейшим промышленным предприятием Витебска, а ее рабочие — самой революционной организацией города.

В июне 1918 года фабрика была объявлена народным достоянием. Перед войной коллектив рабочих торжественно отметил 40-летие ее существования. А 6 июля 1941 года эшелон с эвакуированными рабочими ушел далеко на Восток.

На месте старой «Двины», разрушенной в годы войны, был в 1947—1948 годах создан большой комбинат.

— Теперь мы заняты только выпуском ковров,— рассказывает директор комбината Дмитрий Иванович Петров.— Наши ковры широко известны не только в Советском Союзе, они демонстрировались на Всемирной выставке в Брюсселе, в Голландии, Италии, Турции.

...Большая, залитая солнцем комната с цветами на окнах. На стенах эскизы рисунков. На столах альбомы с национальными орнаментами, вышивками. Здесь воображение шести художников рождает темы и художественное решение будущих ковров.

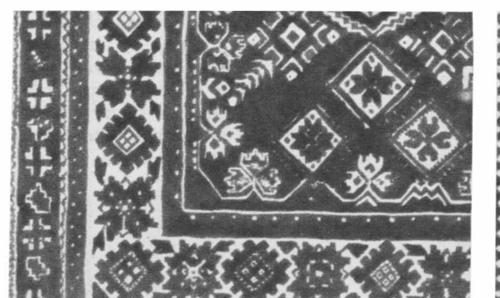
— За десять лет наша мастерская создала около трехсот рисунков,— говорит главный художник Вера Николаевна Сенькина.— Многие наши эскизы уже внедрены в производство. Только на жаккардовых машинах мы выпускаем изделия одиннадцати рисунков. Мы делаем ковры и с национальными рисунками — прибалтийских республик и Украины. Создавая эстонские ковры, мы использовали мотивы национальных эстонских вышивок. Подготовили и пустили в производство белорусский национальный ковер: более половины нынешнего выпуска комбината — ковры с белорусским орнаментом. Среди наших образцов ковры курские, цветочные...

Привлекают глаз удивительно мягкие, нежных тонов эскизы. Некоторые своим утонченным орнаментом напоминают узоры прославленных текинских ковров. Специальные ковры-сувениры комбинат готовит к празднику 40-летия Белоруссии. На них будет выткана надпись: «БССР — 40 лет».

Т. ОСИПОВА

Витебск.

Эскизы белорусского ковра. Работа художницы Т. С. Гусевой.

ДВОРЦЫ И ХИЖИНЫ ДАКАРА

Отель «Н'Гор».

Роберто КАРРЕТИН

Аргентинский журналист

Фото агентства «Прэнса мундиаль».

Было шесть утра, когда я выглянул в иллюминатор. Наш пароход приближался к Дакару, главному городу Французской Западной Африки. Выйдя на палубу, я стал разглядывать раскинувшиеся на берегу современные здания, окруженные темно-зелеными тропическими деревьями. Позади раздался голос:

— Перед вами Дакар — самый красивый город Африки.

Это сказал богатый французский коммерсант, с которым мы не раз беседовали с момента отплытия из Марселя. Мы как раз проплывали мимо сильно укрепленного островка. В бинокль я увидел берег, ощетинившийся орудиями, и множество французских военных, одетых в короткие штаны — униформу колониальных войск. Сосед прервал мои наблюдения:

— Прежде чем прибудем в Дакар, я хочу дать вам несколько советов. Во-первых, в Африке уже нет негров!

— Как так? — спросил я в недоумении.

— Да, да. Сейчас их зовут «африканцами»!

— А...— ответил я без улыбки.

Про себя я подумал, что потребовалось целых два столетия, прежде чем была открыта такая элементарная истина. Но чего хотят добиться колонизаторы этим новым названием?

Мой сосед продолжал:

— Так будет лучше, понимаете?.. Кроме того, советую вам не обращаться к африканцам на «ты», а только на «вы». Если все мы будем придерживаться этого правила, то для нас многое облегчится. Мы не то, что власти Южно-Африканского Союза. Во французских колониях нет дискриминации,— напыщенно добавил он.

Когда мы прибыли в порт, коммерсант предложил отвезти меня в центр города. Я должен был подождать его несколько минут: с парохода выгружали недавно купленный им автомобиль.

Садясь в машину, коммерсант заметил, забывая об им же предложенной терминологии:

— Мы не используем негров в торговых делах: они неумны и вдобавок нечистоплотны. Они работают у нас только на фабриках и на стройках...

Автомобиль остановился перед небольшим шлагбаумом, преградившим путь. Из деревянного домика вышел «африканец», одетый в форму таможенной полиции. Это был молодой изможденный сенегальский негр, в коротких штанах и с огромной колониальной каской на голове. Единственным его оружием был свисток, болтавшийся на груди. Его худые, похожие на две черные палочки ноги красноречиво говорили о хроническом недоедании их владельца или о тропической лихорадке, изнуряющей его с детства. Он подошел и попросил у моего спутника документы. Коммерсант протянул новенький документ, на котором я успел прочитать слово «Таможня». Сенегалец возвратил бумагу, заметив, что в ней ничего не говорится об автомобиле. Мой собеседник раздраженно выхватил документ и, положив его на ветровое стекло, вписал номер мотора и номер автомашины.

— Этого достаточно? — крикнул он злобно и швырнул бумагу таможеннику.

Сенегалец заколебался, но снова внимательно прочел документ.

— Это никем не подписано,— сказал он.

Мой спутник, багровый от гнева, расписался на бумаге сам и нетерпеливым жестом, пробормотав ругательство, вернул ее сенегальцу. Тот молча взял под козырек и приказал другому африканцу поднять шлагбаум.

Пока автомобиль мчался в Дакар, никто из нас не промолвил ни слова. У меня что-то першило в горле. «Для чего называть этих людей «африканцами» и обращаться к ним на «вы»,— думал я,— если в глубине души у господ вроде моего спутника живет такое неистребимое презрение к ним? Разве так обращался бы этот коммерсант с таможенником где-нибудь в Марселе или в Париже?»

В центре города мы простились. Я стал бродить по центральному кварталу города. Передо мною — дворец французского верховного комиссара. Это — величественное здание. Вход его украшен огромными мраморными павлинами... Но вот я свернул в переулок. Здесь деревянные хижины, голые ребятишки, играющие среди куч гниющего мусора. Это был настоящий Дакар. 17 тысяч европейцев, живущих в нем, имеют роскошные дома, многие из них комфортабельнее любой богатой виллы в самой Франции. Но 250 тысяч африканцев Дакара обитают в бамбуковых хижинах, сколоченных из обломков дерева, в бараках или просто под открытым небом.

Впоследствии я узнал, что в Дакаре постоянную работу имеют не более 50 тысяч негров. Остальные перебиваются случайным заработком или нищенствуют на улицах. Такова судьба десятков тысяч негритянских семей, которых голод погнал в город в надежде на «лучшую жизнь».

Невозможно пройти по улице и десяти метров, чтобы не быть атакованным детьми и подростками, предлагающими что-либо у них купить. Хотите вы или не хотите, но вынуждены это делать: трудно устоять перед этими несчастными существами. Если у вас кончаются деньги, начинается натуральный обмен. Первым приходится менять галстук на засушенную ящерицу. Потом наступает очередь платка, который отдается за фотографию брата продавца. Наконец, если попадается такой простак, как я, носки обмениваются на пару дедушкиных сандалий.

Когда подошел час ужина, я вспомнил, что приглашен одним пассажиром с парохода отужинать с ним в отеле «Н'Гор». Я взял такси, вручил адрес шоферу, негру лет пятидесяти, одетому в широкую тунику фиолетового цвета. Когда я сказал, что хочу сесть рядом с ним на переднее сиденье, его глаза расширились от удивления.

— Вы разве не француз? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

Он одобрительно кивнул головой и включил мотор.

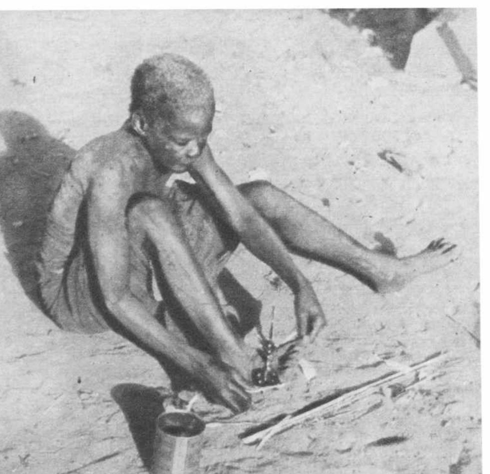
Такси помчалось к берегу моря, где высилось огромное здание международного отеля. Я вспомнил, что Сенегал был завоеван когда-то мусульманами, пришедшими с африканского севера задолго до появления белых, и сказал об этом шоферу.

— Да, — заметил он, — европейцы любят говорить нам, что, когда они пришли в нашу страну, мы были дикими народами. Но теперь мы знаем, что могущественная африканская империя Гана существовала здесь тысячу лет. После нее была еще одна империя — Мельи, а затем — династия Гао.

Слова моего спутника заинтересовали меня. Я знал очень мало об африканском средневековье. Подобно любому жителю Запада, я привык верить, что главные исторические события средневековья происходили в Европе.

Постепенно шофер стал улыбаться и... перешел со мной на «ты». Правило обращения на «вы», которому учил меня мой пароходный попутчик — коммерсант, полетело к черту. И сделал это не я, а негр...

Очень часто между людьми различных национальностей, идеологии или цвета кожи устанавливается взаимопонимание, выраженное скупым жестом, одной фразой или улыбкой. Шофер такси увидел во мне друга и очень про-

Нищая на улице города.

Женщина Западной Африки.

сто выразил свои чувства. Поэтому меня уже не удивил его вопрос, когда я выходил из машины:

— В котором часу за тобой заехать?

Я окинул взглядом роскошное здание. Американские автомашины выстроились у его подъездов. Два портье в ливреях стояли в дверях.

— Через час, — ответил я.

В отеле меня уже ожидал колониальный чиновник — француз, с которым я познакомился на пароходе. Он был одет элегантно, как и все европейцы, сидевшие в салоне. Как только мы поздоровались, чиновник предложил мне осмотреть гостиницу. Подобной роскоши и комфорта мне не приходилось еще видеть, и, как видно, отель был гордостью европейцев, живущих в Дакаре.

Пока мы ужинали, обслуживаемые двумя официантами-неграми, мой собеседник говорил:

— Знайте, что здесь, в Дакаре, как и во всей Французской Западной Африке, нет дискриминации, как, скажем, на юге этого континента или в Соединенных Штатах!

— Разве? — сказал я.

— Конечно. Теперь никто не считает африканцев низшими существами. Мы, правда, полагаем, что они еще «малолетние», и стараемся, чтобы они поняли все выгоды цивилизации. Когда они достигнут достаточной зрелости, то будут сами управлять своей судьбой...

Этот человек повторял те же увертливые, напыщенные слова, что и мой утренний собеседник. Но на этот раз мне уже не хотелось молчать.

— Мне кажется, однако, что негров не встретишь в этом отеле. Чем вы объясните это?

— Это потому, что африканцы не любят ходить сюда, — ответил без запинки чиновник. — И кроме того, не у всех негров есть деньги, чтобы посещать подобные заведения.

Едва ли стоит приводить весь наш разговор. Он только подтвердил мое первое представление о Дакаре...

Перед тем, как распрощаться с моим знакомым, я спросил, считает ли он, что алжирские события могут найти отклик и в Западной Африке.

— Нет, — сказал он не без колебания. — Не думаю. Здесь все обстоит иначе.

Я настаивал на более определенном ответе. Он процитировал фразу из радиопередачи Ватикана: «Над Африкой нависла двойная опасность: ислам и коммунизм».

— Вся серьезность проблемы заключается в том, — добавил мой собеседник, — что африканская интеллигенция только и говорит о колониализме, противопоставляя ему как единственный выход марксизм...

Легкое обращение этого человека со всякими «измами» не сулило серьезного разговора. К тому же он просто повторял то, что писали правые французские газеты.

— Посмотрите, — сказал он. — Мы открыли здесь новое учреждение — Французский институт Черной Африки, возглавляемый блестящим ученым, профессором Теодором Моно. В этом институте мы уже подготовили плеяду африканцев, способных вести исследовательскую работу в области истории своей страны. И знаете, что из этого получилось? Плеяда националистов и марксистов!..

Остальные дни пребывания в Дакаре я провел вместе с шофером такси Мухаммедом. От него я узнал много такого, чего, конечно, не мог узнать у европейцев.

Мухаммед водил меня по городу, повел на рынок. Ночью мы слушали доносящиеся откуда-то издали призывные звуки там-тама; он объяснил мне их значение — это был язык, недоступный колонизаторам. Он рассказывал мне о своей стране, о борьбе, которую ведут профсоюзы, о войне в Алжире и ее влиянии на трудящихся Дакара. Я узнал о бедах его родины и отчего они происходят.

В одном кафе, где обычно собираются негры, он познакомил меня со своими друзьями. Когда он говорил о себе или о них, то произносил: «Мы, негры». Это окончательно опровергло рассуждения француза-коммерсанта. Слово «африканец» Мухаммед употреблял редко, только когда говорил о конфедерации профсоюзов Африки или об антиколониальной борьбе, ярым сторонником которой он был.

Когда он меня провожал в порту, мы уже были большими друзьями.

Перевод с испанского.

Лачуги на фоне небоскреба.

Рынок в Дакаре. Справа — шофер Мухаммед.

ДОМА НОВОГО ТИПА

«Мы обязаны искать возможности поскорее удовлетворить нужды трудящихся в жилье, это сейчас главное,— говорил Н. С. Хрущев на Всесоюзном совещании по строительству.— Поэтому в наших современных условиях целесообразно строить какую-то часть жилых домов с коридорной системой, по типу гостиниц.

Чем вызывается необходимость в таком строительстве? Дома типа гостиниц будут нашим оборотным фондом. Они прежде всего нужны людям одиноким и молодоженам. Женились молодые люди — получайте комнату в таком доме. Пожили годдва, появились дети, семье надо дать квартиру в обычном жилом доме, а комнату освободить для других».

В специальном архитектурно-конструкторском бюро Москвы разработано несколько проектов жилых домов гостиничного типа.

Вот пятиэтажное здание простой и строгой архитектуры. В коридоры выходят двери квартир, рассчитанных на одного, двух и трех человек, с полезной площадью в 12, 16 и 25 квадратных метров. В каждой квартире — кухня, расположенная в нише, раковина для умывания, встроенный в стену платяной шкаф. А в нижнем этаже дома будут души общего пользования.

По другому проекту душ предусматривается в каждой квартире.

На всех этажах таких домов оборудуются помещения, где можно почистить платье, постирать и выгладить белье.

В блоках обслуживания при домах гостиничного типа будут и столовые, и кухни, и ремонтные мастерские.

Предстоит выбрать наилучшие проекты, приступить к экспериментальному строительству. Для начала каждый район столицы получит по одному такому дому гостиничного типа.

Решено строить особые дома и для одиноких престарелых граждан.

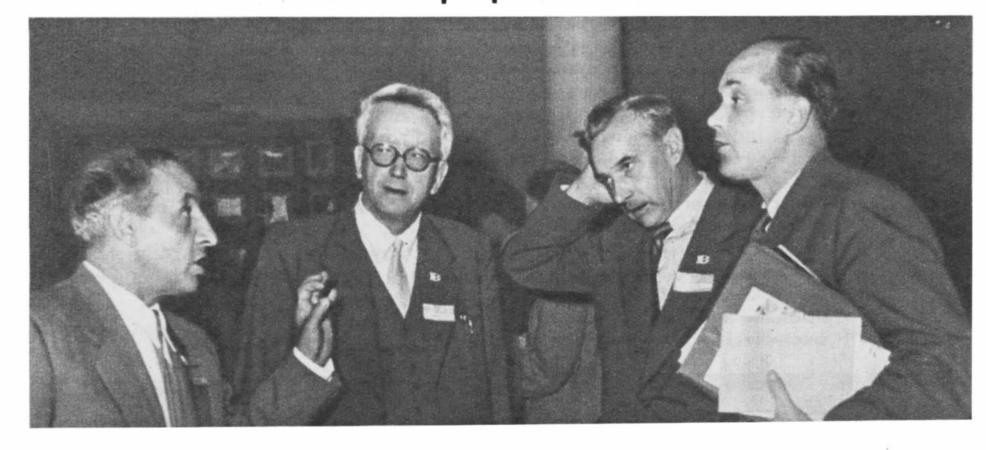
Комплекс таких домов состоит из двух-, трех-, четырехэтажных спальных корпусов, соединенных остекленными коридорами.

...Светлые, уютные комнаты, рассчитанные на три — четыре места. В нижних этажах — вестибюли с гардеробами, нарядные гостиные, библиотеки. По соседству с жилыми помещениями — амбулатория, небольшой больничный стационар. Предусмотрены бытовые удобства для людей преклонного возраста: вдоль коридоров протянутся поручни, полы в душевых будут выполнены из таких материалов, чтобы нельзя было поскользнуться. В каждом доме будет по два лифта.

Недавно Исполком Моссовета отвел первые участки для строительства: три дома для престарелых сооружат в районе Фили — Мазилово, четвертый — в дачной местности Переделкине.

Б. ЛЬВОВ

КОНГРЕСС АССОЦИАЦИИ НАУЧНОГО КИНО

В Центральном Доме кино в Москве происходят заседания XII конгресса международной ассоциации научного кино. Представители киноискусства 32 стран мира обсуждают состояние современной научной кинопропаганды. Одновременно проходит показ фильмов, из которых 200 привезли с собой делегаты из-за рубежа.

На снимке: в фойе Центрального Дома кино. Слева—вице-президент ассоциации, кинорежиссер А. Згуриди (СССР), почетный секретарь Джон Мэдисон (Великобритания), режиссеры Ян Цалабек и Лодвик Томан (Чехословакия).

Фото Ф. Короткевича.

Кавказский международный...

В одном из живописных мест Черноморья — между городом Туапсе и курортным поселком Лазаревское — находится Кавказский международный молодежный туристский лагерь.

В трех белокаменных корпусах лагеря, утопающих в зелени и цветах лесопарка, живет одновременно от 250 до 300 молодых туристов со всего света. В новом лагере уже побывали гости из Финляндии, Италии, Польши, Чехословакии, Монголии и других стран.

За восьмидневное пребывание в лагере туристы совершают интересные экскурсии и походы по достопримечательным местам западного Кавказа. В окрестностях лагеря они знакомятся с природой края и некоторыми его историческими памятниками.

И. ЗАЙЦЕВ

Главный корпус Кавказского международного молодежного туристского лагеря.

Фото автора.

Посол Михаил Васильевич Фрунзе

Генерал-майор в отставке Лука Семенович Колядко как величайшую ценность сохраняет старую, пожелтевшую от времени тетрадь. Это путевой дневник, который Лука Семенович вел тридцать семь лет назад. На одной из страниц красным карандашом написано: «Хорошо. Отчего же прервали ведение дальше? М. Фрунзе».

Вот история этой надписи. 16 марта 1921 года между РСФСР и Турцией, во главе которой стоял Кемаль Ататюрк, был заключен договор о дружбе. Вскоре Турция новой Турции, выезжал по просьбе турецкого командования на фронт. Сотрудники посольства посещали государственные учреждения, изучая нужды новой Турции, — Советская страна готовилась оказать ей дружескую помощь.

В Великом национальном собрании Турции Михаил Васильевич произнес речь, в которой подчеркнул коренное отличие политики Советского правительства от царской политики по отношению к Турции.

После подписания украин-

Посольство УССР по пути в Анкару, в городе Самсуне. Справа от М. В. Фрунзе — вали (правитель) Самсуна. Во втором ряду: шестой справа — Л. С. Колядко, девятый справа — врач посольства К. В. Фрунзе, брат Михаила Васильевича.

Фото предоставлено Шуйским музеем М. В. Фрунзе. Публикуется впервые.

предложила заключить такой же договор и с Украинской Советской Республикой. Турецкое правительство пригласило для этого в Анкару посольство УССР. Во главе посольства в ранге чрезвычайного посла был поставлен заместитель председателя Совнаркома УССР и командующий войсками Украины и Крыма Михаил Васильевич Фрунзе. В число сотрудников посольства входил и Лука Семенович Колядко.

Посольство отправилось из Харькова 5 ноября 1921 года. До Батуми ехали поездом, оттуда — на крохотном пароходике «Георгий» в Самсун. Из Самсуна же почти до самой Анкары пришлось двигаться гужевым транспортом — в фургонах — четыреста пятьдесят километров по очень плохим дорогам. М. В. Фрунзе проделал этот путь в седле — коня ему дал один из турецких жандармов, сопровождавших посольство.

Турки всюду тепло встречали советского посла — победоносного полководца гражданской войны. В городе Юзгаде, где Фрунзе посетил военный лазарет, один из раненых рассказал Михаилу Васильевичу, что турецкие солдаты целовали газеты, в которых сообщалось о победах Красной Армии...

В памяти Луки Семеновича Колядко запечатлен и такой случай.

В Мерзифоне Михаил Васильевич зашел в кофейню, завязал оживленный разговор с посетителями.

— Как вы сохраняете виноград в такую позднюю пору? — интересовался Михаил Васильевич.

Мерзифонские виноградари запомнили эту беседу и весной 1922 года прислали в Харьков на имя Фрунзе посылку. В ней оказались черенки винограда и инструкция, как их оживить и посадить...

В Анкаре Фрунзе встречался с руководителями

ско-турецкого договора 4 января 1922 года М. В. Фрунзе поручил Л. С. Колядко передать представителям прессы следующую информацию:

«Мне пришлось сделать по Турции свыше 1 000 верст верхом на лошади, пришлось побывать в самой разнообразной обстановке, посещать города, местечки и самые захолустные деревни и таким образом близко присмотреться к образу жизни этого столь близкого нам географически, но вместе с тем так мало знакомого народа...

В настроении широких народных масс чувствуется огромный и резкий перелом в сторону, благоприятную для нас, соседей Турции с севера... Тот факт, что в момент наиболее тяжкого испытания революционная Турция получила помощь от своих северных соседей, сыграл, понятно, в этом решающую роль...»

Воспоминания Л. С. Колядко, написанные по материалам его турецкого дневника, переданы Шуйскому государственному музею М. В. Фрунзе. Они дополняют малоизвестные страницы замечательной биографии пламенного революционера-ленинца.

Уместно вспомнить в связи с этим, что в личном листке, заполненном Михаилом Васильевичем для Учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б) 8 ноября 1923 года, в графе «Был ли за границей» записано: «Был в Швейцарии, Китае, Турции, Швеции». О цели пребывания за границей сказано: «Научная деятельность; в Турции — дипломатическая командировка».

М. В. Фрунзе был и в Китае!

Какая увлекательная задача для биографов Фрунзе — найти и собрать материалы о его пребывании в великой братской стране!

Вл. ИШИМОВ

ПОЭТ СКРИПКИ

Этот рисунок — дань восхищения художника Г. Ингара замечательным мастерством выдающегося советского скрипача народного артиста СССР Д. Ф. Ойстраха. Уже больше трех десятилетий продолжается его концертная деятельность. И за эти годы все наиболее значительное в классической и современной, русской и западной скрипичной музыке вошло в его репертуар. Было время — годы, когда скрипач еще складывался как музыкант, а критика и слушатели отмечали уже тогда особенности его исполнительского стиля: ясность замысла, почти говорящая выразительность и слитность звука, воздушность и изящество техники.

Яркими представителями этого стиля вслед за Ойстрахом являются сегодня его ученики. Талантливый педагог, он в стенах Московской государственной консерватории имени Чайковского воспитал не одно поколение скрипачей. О. Каверзнева, И. Ойстрах, О. Пархоменко, В. Пикайзен, В. Климов и другие вслед за своим учителем завоевывают из года в год первые места на международных музыкальных конкурсах.

Ныне музыкальная общественность отмечает 50-летие со дня рождения Д. Ф. Ойстраха. К своему юбилею этот большой художник пришел после многих триумфальных гастрольных выступлений в странах Европы и Америки, где со славой демонстрировал достижения советского музыкального исполнительства.

Е. НИКОЛАЕВА

Гости из Софии

Гастроли Краснознаменного ордена «9 сентября» ансамбля болгарской Народной армии, впервые прибывшего в Советский Союз, открылись богатой и разнообразной концертной программой в Центральном Доме Советской Армии имени Фрунзе в Москве. Затем артисты побывали в гостях у бойцов-гвардейцев Таманской и Кантемировской дивизий.

Фото В. Янкова.

Лучший балкон города

Второй год в городе Станиславе на Украине ведется своеобразное соревнование — конкурс на лучший балкон, подоконник, двор. Еще весной прошлого года коллектив Станиславского паровозоремонтного завода через областную газету обратился с призывом развернуть соревнование на лучшее благоустройство улицы, двора, заводской территории. Инициатива нашла горячий отклик.

На снимке вы видите балконы дома № 3 по Бельведерской улице. Среди них верхний справа — лучший балкон города. Таким его сделала Наталия Яковлевна Мостовая. Здесь растут георгины, герань, настурции, горошек, ночная фиалка, красавец олеандр, за цветами которого и листьев не видно.

Теперь в Станиславе много чудесных цветников-балконов. У многих пышными цветами украшены подоконники.

И. СЕРБИН

Фото Ю. Пикаря.

МАШИНА СОЗДАЕТ ПОГОДУ

...Ученый создал новые строительные конструкции, разработал для них состав пенобетона, соответствующее содержание железной арматуры. Но прежде чем попасть в производство, конструкции должны пройти длительное испытание у капризного, беспощадного судьи — климата, выдержать наступление ветра и дождя, жары и яркого солнечного света. Минимальный срок испытаний — двенадцать месяцев, все четыре времени года.

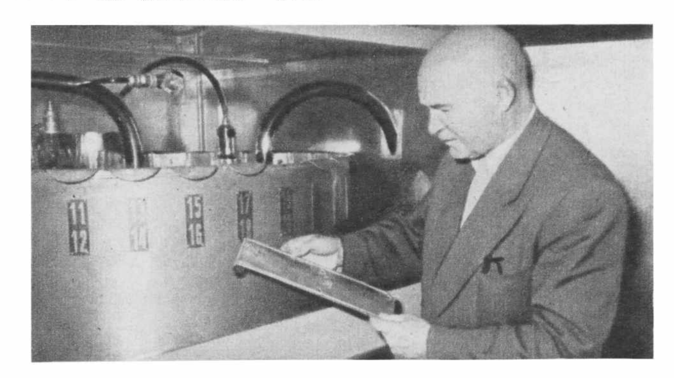
Сотрудник Института энергетики Академии наук Эстонской ССР инженер Уэмыйз и рабочие таллинского машиностроительного завода «Терас» Крисс, Хинно и Красильников сумели обогнать это время, ускорить срок испытаний в двенадцать раз.

...Начальник заводского отдела технического контроля А. Киви раскрывает перед нами одну сторону металлического куба, внутри которого вращается барабан. Идет испытание новых лаков — ими покрыты дощечки, расположенные по стенкам барабана. Внутри куба темно, за металлической ширмой по-осеннему уныло шумит дождь. Но проходит пятнадцать минут, и вот яркий солнечный свет заиграл на блестящих лаковых пластинках, быстро поднимается температура воздуха. Еще пятнадцать минут, и в силу вступает стихия ветра.

Всеми переменами погоды внутри куба командует электрический ток напряжением в 220 вольт: под барабаном работают электромоторы, подключаемые к обычной сети. Они приводят в действие дождевальную установку и вентилятор, дают силу нескольким «солнцам» — кварцевым лампам.

Машина искусственного климата — она называется везерометр, — изготовленная на заводе «Терас», может испытывать лаки и краски, железобетон, кирпич, черепицу, толь и другие строительные материалы, смолы, битум, асфальт, пластмассы, прорезиненные ткани.

Н. ХРАБРОВА

Начальник ОТК А. Киви у везерометра.

Фото С. Розенфельда.

Игорь нашелся

Война застала лейтенанта Владимира Владимировича Михайлова на западной границе, в городе Владимире-Волынском. На рассвете 22 июня он вскочил, оделся, торопливо поцеловал жену Феодосию Михайловну, сына Игоря и побежал к казармам.

...Через две недели, когда фронт отодвинулся от Владимира-Волынского на восток, к Феодосии Михайловне зашел красноармеец. Он сообщил, что лейтенант Михайлов ранен, лежит в лесу и его надо привезти домой.

Феодосия Михайловна привезла домой полуживого мужа. Когда Михайлов выздоровел, он связался с надежными местными людьми, отремонтировал радиоприемник и собрал около себя небольшую группу. Слушали сводки Совинформбюро, обсуждали план нападения на охрану концлагеря, который размещался в бывшем военном городке. Во время очередного совещания на подпольщиков нагрянули эсэсовцы, штаб группы арестовали.

2 июня 1942 года гитлеровцы расстреляли Михайлова.

...Наступили дни освобождения. Гитлеровцы откатывались на запад. Фронт приближался к Владимиру-Волынскому.

В это время у Феодосии Михайловны неожиданно заболела дочь. Пришлось лечь с нею в больницу. Старшего сына, Игоря, она оставила у знакомых — Новаков. В то время, когда Михайлова находилась с дочерью в больнице, друзья ее уехали в Польшу и взяли с собой Игоря. Феодосия Михайловна долго ничего не знала о судьбе сына.

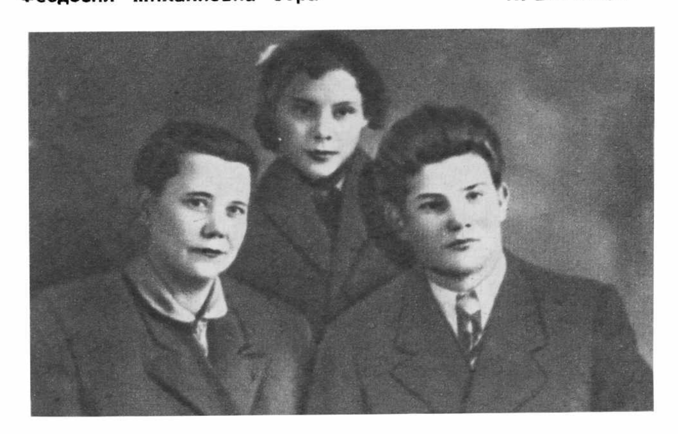
В 1956 году из Польши к родным приехала Антонина Литвак, которая уехала туда вместе с Новаками. Михайлова стала расспрашивать об Игоре. Антонина рассказала, что у Новаков был мальчик лет десяти, Богдан. Родители его умерли в 1951 году, а где сейчас Богдан, Антонина не знает.

Начались усердные поиски. Феодосия Михайловна обратилась в Министерство иностранных дел СССР. И вот стало известно, что Новак Богдан это и есть Игорь. Пришла радостная телеграмма: «Выехал. Встречай. Игорь».

...Недавно мы были в доме Михайловых.

— Каждый день получаю письма от своих коллег из Польши,— вступает в разговор Игорь, смешивая русские и польские слова.— Они радуются за меня, что я нашел семью, живу и учусь в Советском Союзе. Я тоже радуюсь. И мама радуется...

Н. ВОРОНОВ

Феодосия Михайловна, Тамара и Игорь.

Страницы истории авиации

Научно-мемориальный музей Н. Е. Жуковского в Москве пополнился новыми материалами из истории авиационной науки и авиации.

Среди них — листовки, плакаты 20-х годов, различные документы о дореволюционной авиации, о первой международной воздухоплавательной выставке в Петербурге, о первом перелете Петербург — Москва. Представляют интерес модель самолета «Илья Муромец», созданная в 1915 году в Петербурге, фотографии воздушных парадов за период с 1918 по 1957 год.

В. МАСЛОВ,
директор Научно-мемориального музея Н. Е. Жуковского.

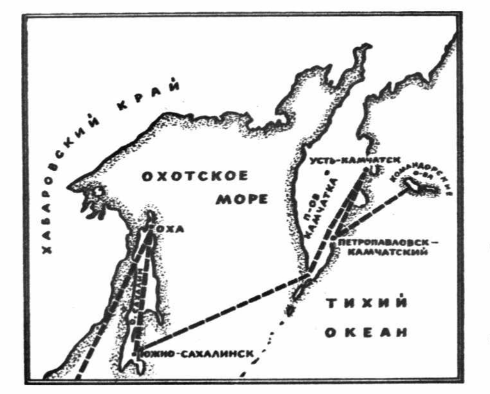
Модель самолета «Илья Муромец».

ПО РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

А. СТАРКОВ Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Дальние острова

Между Камчаткой и Командорскими островами — океан. Тот, что зовется Тихим, но таковым бывает редко. Нам-то как раз и повезло: он лежал перед нами именно такой, каким его и увидел впервые Магеллан...

Позади Авачинская губа, на берегу которой раскинулся ярусами «Питер», как все называют здесь Петропавловск. Осталась за кормой и невысокая лесистая сопка Сероглазка, получившая свое имя от сероглазой девушки-партизанки, что погибла тут в годину гражданской войны. Скрылся за поворотом и мысок, на самом краю которого стояла сто четыре года назад пушка, первой вступившая в бой с англо-французской эскадрой. Не видны уже и «Три брата», три огромных мрачных камня, похожих на моржей, которые, высунув из воды свои клыкастые морды, сторожат выход в океан.

Вот он, океан, вокруг. Зеленый. Нескончаемый. И удивительно спокойный. Флегматик... Гомонят, вьются над ним птицы, бьют его по груди крылами, клюют, а океанище отмахнется от них разок — другой ленивым всплеском волны — и снова дремлет.

Птиц тьма. Медленно, вытянув длинную шею, будто вынюхивая добычу, проплывает над кораблем баклан. И вдруг, сжавшись в комок, устремляется вниз, к самой воде, и, мгновенно выхватив рыбешку, снова взмывает ввысь, радостно хлопая крыльями. Но тут на него набрасываются чайки-говорушки, недаром прозванные так: летая над морем, они все время что-то быстро-быстро лопочут на своем гортанном, с клекотом языке. Яростно отбиваясь от них, баклан уходит все выше и выше.

То тут, то там мелькает незнакомая мне птица. Она стремительна в полете, и я успеваю уловить только ее цвета: черный и красный. Но вот она бесстрашно присела на палубу и, нахохлившись, поглядывает на окруживших ее людей. У нее черное оперение, черная крошечная головка. Клюв красный. Не клюв, а прямо-таки томагавк — маленький боевой топорик, какие носили индейцы. По широкому острому клюву у нее и кличка — «топорок». Кто-то из матросов берет птицу в руки, благо она не противится этому, и сразу же, охнув от боли, отбрасывает на палубу. Рука залита кровью: топорок, слегка клюнув по ладони, рассек ее до кости. Страшное же оружие у этой птахи!

Топорки так и кружат, так и кружат над нами, а залетая вперед, возвращаются к кораблю, словно боясь, что без них он не найдет дороги к островам. Маленьких воздушных лоцманов-доброхотов становится все больше, и, значит, Командоры уже совсем близко. Ведь там дом у этих птиц. Там один островок так и назван: Топорков... Небо блекнет, сереет, и это тоже признак нашего приближения к цели. Говорят, над Командорами всегда сумрачное небо.

Вот и остров Беринга, самый большой из Командорских островов, открытых в середине XVIII века моряками русского пакетбота «Св. Петр» на обратном пути из труднейшего вояжа к берегам Северной Америки.

К причалу нашему кораблю нельзя: мелко. К нам спешит, пыхтя, мотобот. Пересаживаемся. Ну и терпко ж тут пахнет рыбой! Видно, суденышко только с лова. На крюке, прибитом к мачте, висит длинное багровое, не успевшее еще провялиться сердце морского котика. О, значит, и промысел зверя уже начался, и, может быть, нам удастся съездить к лежбищу!.. А пока надо бы пристать к берегу. Это не так просто: отлив в самом разгаре, и даже мотоботу не подойти сейчас к причалу. Снова пересаживаемся. На этот раз в плоскодонную лодчонку. Прошмыгнув между

камней, она ткнулась носом в песок, и мы ступили на землю.

Село... Лежит вдоль океана. А в остальном оно вроде такое, каких тысячи на материке. Вьются дымки над трубами. Сушится на веревках белье. Журчит ключевая вода, забранная в колонку. Постукивает молот в кузнице... Вот и маленькое уличное происшествие. По деревянному настилу ковыляет гусиная ватага, ведомая горделивым, преисполненным собственного величия вожаком. А навстречу другая ватажка — ребята из детского сада, вышедшие на прогулку. Пробка. Не разойтись. Сгрудились малыши. Гогочут возмущенные гуси, и их разгневанный вожак готов уже броситься на ребят, чтобы пробить дорогу. Но благоразумие берет в нем верх, и он сходит на мостовую, увлекая за собой всю свою крикливую компанию. Путь малышам открыт. И мы за ними. Идем мимо волейбольной площадки, над которой взлетает мяч так же, как он взлетает сейчас где-нибудь в подмосковной Малаховке. Хотя вряд ли там в это время играют в волейбол. Под Москвой сейчас глубокая ночь. Ведь мы заехали «вперед» на девять часов... Идем мимо сельмага, мимо клуба, мимо редакции газеты «Алеутская звезда», мимо сберкассы... Все есть в районном селе Никольском на острове Беринга!

А небо, небо над Командорами и в самом деле сумрачно. Оно словно позаимствовало свои невеселые тона у скал. А может, скалы окрасились под цвет неба. Даже океан, и тот возле островов кажется темнее... Да, уж поскупилась тут природа на светлые краски, особенно на зеленую. Ни деревца. Впрочем, надо уточнить: не было ни деревца. Мы видели первые деревья на Командорах! Они посажены на площади перед памятником Ленину: с десяток тополей и столько же березок. Топольки молодцами: цепко ухватились за эту скудную землю, пошли в рост, пробрызнули новыми, свежими листочками. Березки, те покапризней, их еще холить и холить, но и березки поднимутся, сильны и в них живительные соки... Стоявший рядом с нами около этих деревьев Сергей Сергеевич Григорьев, секретарь райкома партии, печально вздохнул:

— Жаль, покойный наш первый секретарь Тимофей Николаич не дождался, не увидел, как привились саженцы. А мечтал! На Смоленщине родился, в садах вырос. Вот и тут хотелось ему развести зелень... Запросил нынешней весной саженцы из Петропавловска. Обещали прислать с первым же пароходом. А к нам долго оказии не было. То шторма, то туман. Пароходы пришли только в самом конце мая. На одном — уголь, на другом — продукты да вот эти деревья... А у нас как? Пришло судно на рейд — аврал! Торопимся разгрузить, потому как погода у нас переменчива: лови затишье... А тут сразу два парохода. И к тому же метеостанция штормовое предупреждение передала. И ветер начал уже задувать... Все работали на разгрузке, весь остров! Тимофей Николаич больной был. С плевритом лежал, температурил. Все на причал рвался, да жена не пускала. А когда сама туда ушла, сбежал. В непогодь, в дождь... Мы его домой гоним — сердится. Таскает в воде мешки, ящики. «Где саженцы?» — спрашивает. Тут как раз и подошел с рейда мотобот с деревьями. Уложены аккуратно, корни в мешковину обернуты... Ветер налетел, бот накренило, и одна березка упала в воду. Подхватило ее течением... Никто и не заметил, как Тимофей Николаич прыгнул в лодку. Увидели уже, как гребет. Сильная была волна. Но выгреб. Догнал уплывавшее деревцо, поднял из воды. Вынес мокрое, отяжелевшее на берег. Держит на руках, как малое дитя держит. К груди прижал, рад, что спас. А на самом лица нет, лихорадка бьет. Окружили мы его тут, говорим: «Или вы, товарищ Королев, отправитесь сейчас же домой, или мы все шабашим!» Подействовало. Увела его жена. Уложила в постель, а он уже горит, уже бредит. Так и не пришел в себя...

Ночевать мы остались на острове. Нас поместили в доме рядом с райкомом в чьей-то пустовавшей квартире. Похоже было, что хозяева навсегда съехали отсюда. И при этом тщательно прибрали жилье. Полы вымыты, навощены, стекла протерты. В буфете хоть и нет посуды, а полки застелены чистыми бумажными салфетками. От стеллажа для книг еще крепко пахнет свежими белилами. Прибрано и на кухне и в сенях. Угольный ящик полон, и можно растопить плиту...

Мы уже легли, когда пришел Григорьев посмотреть, как мы устроились.

— Сергей Сергеич,— спросил я,— а чья это квартира?

— Тимофей Николаич жил здесь с женой. Дети у них взрослые, на материке. Вдова к ним поехала... А тут поселится новый первый. Ждем скоро из Петропавловска...

Ушел Григорьев. А я лежу, не могу заснуть, думаю о человеке, который жил, двигался, работал в этой комнате. Сегодня я много слышал о нем от самых разных людей. О чем бы они ни рассказывали мне, обязательно вспоминали своего Николаича. Директор школы показал телеграмму из Ленинграда: «Выезжаю работу Гребзде». Это была телеграмма от воспитанника школы Эрика Гребзде, первого юноши-алеута, получившего высшее образование. Он только что закончил пединститут и теперь едет преподавать на родных Командорах физику и математику. «Ох, как ждал Эрика Тимофей Николаич!» — сказал директор. Председатель райисполкома тоже поделился со мной приятной новостью: область выделила наконец острову деньги на постройку посадочной площадки для самолетов. «Тимофей Николаич хлопотал»,— добавил председатель. И тут же, в исполкоме, слышал я, как женщина, жаловавшаяся на что-то, выпалила сгоряча: «А вот пойду-ка я к Тимофею Николаичу!» И сразу осеклась, умолкла... Прочно ж вошел в сердца людей этот человек, приехавший на далекие острова из самой срединной России, этот смоленский плотник, привыкший украшать землю домами, садами, этот коммунист-жизнелюб... Я вижу белеющую в темноте книжную полку. Сейчас она пуста. Но скоро на ней снова появятся книги. Каков будет их владелец? Пусть полюбит суровую островную землю, как любил ее Николаич...

В гости к котикам

...Утром возвращаемся на корабль. Он снимается с якоря и уходит к северной оконечности острова, к мысу Юшина.

Юшин был подштурман в экспедиции Беринга, тот подштурман, что первый обнаружил на острове котиковое лежбище. До этого моряки со «Св. Петра», чтобы раздобыть пищу, били каланов и сивучей. А шкуры каланов, или, как еще их называют, морских выдр, нежнейшие, пушистые шкуры — «мягкий бриллиант» — приберегали до того счастливого дня, когда приплывут на материк. Весной, бродя по острову, Юшин наткнулся еще и на котиков, ушастых тюленей. Убил двоих. Приволок в лагерь. Мясо оказалось невкусным, а шкуры были отменно хороши, чуть погрубее выдровых... Вот эти-то чудесные меха, привезенные на Камчатку моряками экспедиции Беринга, и вскружили головы промысловикам. Все, кто мог и на чем мог, ринулись на острова бить зверя. Началось побоище, которое длилось многие годы. Тут приложили свою руку и русские купцы-стяжатели и американский торговый дом «Гутчинсон, Кооль и компания», арендовавший острова в конце прошлого века, и японцы — владельцы шхун, тайком подбиравшихся к лежбищам. Словом, истребляли зверя нещадно, варварски и, наверно, вовсе извели бы со свету, если б не новый порядок, который установил на островах их новый хозяин — Советская власть. Каланов, которых оставалась какая-нибудь сотня, этот хозяин совсем запретил бить, а котиков приказал промышлять по строгому расчету.

Котик — зверь путешествующий. Он плывет на летнее лежбище из южных краев. Первыми весна приводит к Командорам секачей, старых могучих самцов, которые набрались в теплых морях сил для предстоящих схваток. А бои вспыхивают между секачами сразу же, как они вылезают на берег. Бои за место у моря, за лучшее место у моря. За то, которое ближе к воде. И, отвоевав его, израненный, окровавленный зверь уже не уступит этот кусок земли. Впереди немало сражений. Подходят с моря самки. Их перехватывают еще в воде. Идет, так сказать, формирование семей. А живут котики «гаремами». И в выгоде тут, конечно, тот, кто ближе к морю. Такому удается собрать семью побольше. Но лишь ценой крови! Схватки за подруг не утихают. Повелитель не знает покоя. Семья его нежится на солнце, принимает морские ванны. А он за все лето — до самой глубокой осени — ни разу не сойдет к воде, маковой росинки не примет. Он не может покинуть цитадели, у которой нет ни рвов, ни ограды и которую он должен защищать от посягательств соперников только телом своим... Но, сражаясь без устали друг с другом, главы семейств объединяются в борьбе против общего врага. Это «холостяки», молоденькие самцы-трехлетки, которые приходят с юга позже всех. У них свое отдельное лежбище, и им нельзя даже приближаться к лежбищу семейному. А их тянет туда, и всякий раз они получают там изрядную трепку... Вот на часть «холостяков»-то как раз и дозволен промысел. Это им превращаться в дамские шубки. Горька в общем-то холостяцкая доля!

...Вот и мыс Юшина. По корабельному радио передают команду:

— Дежурным гребцам в шлюпку!

Дежурных набралось что-то больше, чем нужно. Еще бы: шлюпка отправляется на лежбище...

Идем в гости к котикам!

На берегу нас ждут двое провожатых. С одним я уже знаком. Это Сергей Владимирович Мараков, молодой ученый-зверовод, москвич с Таганки, который вот уже седьмой год живет на Командорах. Вчера в комнатушке, пропахшей водорослями, рыбой, звериными шкурами и до потолка набитой чучелами, скелетами, черепами, он рассказывал о повадках котиков... Со вторым провожатым знакомимся: Алексей Степанович Яковлев, местный житель, алеут, мастер котикового промысла. Он не молод, но моложав, быстр, ловок в движениях. Говорит тоже быстро-быстро.

— Ох, и «холостячков» же нынче привалило! Вон они там, за той вышкой. Завтра подойдут люди из совхоза, и погоним зверя на забой.

У него, у Яковлева, все уже подготовлено к завтрашней операции: палки-дрыгалки, которыми «холостяков» будут отгонять от моря; ножи для очистки шкур от жира; бочки, куда шкуры сложат для отправки в Ленинград на меховую фабрику.

Снова в шлюпку.

— Подойдем к семейным, — говорит Мараков. — «Холостяков» нельзя сейчас тревожить.

Ну что ж, к семейным так к семейным. Они должны быть гостеприимней.

Яковлев показывает, куда править. А править надо к широкому скалистому выступу берега... Там, прячась за скалой, наблюдаем за огромными бурыми телами, похожими на заросшие мхом валуны, которые двигаются, перекатываются с боку на бок, совершают прыжки. Стараемся не спугнуть «хозяев». Но ветер с моря, и он несет к лежбищу запахи, беспокоящие зверей. Слышим, как тревожно ревут секачи, как вторят им, жалобно поблеивая, их подруги. Нет, тут не рады гостям. Не пора ли на корабль? Тем более, что над ним уже взлетела ракета. А это сигнал к возвращению.

На спуске к морю мы увидели куличка, крохотную серую птаху, залетевшую сюда через океан. Прыгает с камешка на камешек, бесстрашно пробираясь между гигантских звериных туш, застилающих от нее небо. А вон даже вспорхнула на спину вылезшего из воды сивуча и клюнула его в загривок, обнаружив там для себя какую-то пищу. Мне запомнилась эта храб-

рая птичка-невеличка. Ее, конечно, легко вычеркнуть. Но мне очень хочется, чтобы она все-таки осталась в самом конце этого рассказа о Командорах...

Среди вулканов

Друзья предупреждали нас в Москве:

— Едете на Камчатку? На Командоры? Не увлекайтесь экзотическими темами. Попробуйте обойтись без котиков и вулканов.

Каемся: не обошлись!

У котиков мы уже побывали. Теперь к вулканам. Но их на Камчатке более сотни. Какой выбрать? Конечно же, действующий, тот, что живет, дышит, бунтует. Но и таких чуть не тридцать. А самый мощный? Ключевской. Это к северу от Петропавловска, часа два лету. И там не один этот вулкан, там целая плеяда огнедышащих гор. Решено: летим в район Ключевского!

До чего ж людно на аэродроме! Во все концы Камчатки уходят самолеты. Воздушные дороги освоены здесь неплохо, чего не скажешь о наземных... Уходят самолеты, но автобусы подбрасывают все новых и новых пассажиров. Разный народ! Вот четыре широкоскулые подружки-корячки, студентки медучилища, улетающие на каникулы. Выскочив из автобуса, разбежались по лужайке собирать ромашки. Девушкам на самый дальний север Камчатки, где не растут цветы...

Летим. Приглядываюсь к соседям. Напротив два приятеля, летящих налегке, без чемоданов, без свертков. Один сел и сразу же начал клевать носом, похрапывать. Друг его сказал:

— Он всегда спит в самолете...

— И слышит все, что ты о нем говоришь,— добавил спящий.

Тот, что бодрствовал, был столь же словоохотлив, как первый сонлив. Узнав, что мы из «Огонька», всполошился:

— А к нам в Мильково заедете? Не слышали про Мильково? Да это ж камчатская житница! Вы знаете, какие у нас хлеба? А картошку нашу видели? А наших огурцов едали?

Рядом со мной черняBенькая девчушка лет десяти. Ее зовут Ада. На коленях у нее желтый школьный портфельчик с трогательными чернильными пятнышками. Она не снимает с него рук. Куда она летит? К маме. Сопровождающий ее «дядя Коля» говорит, что ездил в Москву на совещание и заезжал по просьбе соседки в Пензу, чтобы забрать из детского дома ее дочку. Не знаю, почему девочка Ада попала в детдом. Но как хорошо, что она возвращается к маме и сможет показать ей тетради с отметками, которые лежат в желтом портфельчике!..

— Ключевской! — крикнул кто-то, и все прильнули к окнам.

Под нами, вернее, чуть в стороне, курился вулкан. Но это не то слово — курился. Он выталкивал, метал, разбрасывал по сторонам черные клубы дыма. Может, в иные дни он и мирно курится, может, и вьется над ним легкий дымок. Сейчас мы его видели клокочущим, разгневанным. Рассерчал, наверно, на облака, которые почти всегда надежно укрывают его макушку, а нынче, предательски расступившись, открыли солнцу и любопытствующим человеческим глазам.

...Дорога в поселок Ключи была обычной трудной камчатской дорогой—между сопок, через лес. И вдруг она на каком-то участке обернулась безжизненным лунным пейзажем. Стоят мертвые, потерявшие листву деревья, и их оголенные ветви, как и все кусты вокруг, покрыты густым слоем серого песка. А вот уже ни деревьев, ни кустов, ни травинки — выжженная долина. И тот же серый песок, размоченный дождями, засасывающий колеса машины. Мы едем по вулканическому пеплу, который извергнут из кратера Безымянного...

Безымянный — соседний с Ключевским вулкан. Он всегда находился как бы в тени своего величавого, ростом почти в пять тысяч метров соседа. На человеческой памяти Безымянный ни разу не подал и малейшего признака жизни. Он спал без дыхания, глубоким летаргическим сном. Так и считалось: потухший вулкан. Ему и имени-то подходящего не подыскали. Безымянный... Ученых он мало интересовал. Только года четыре назад решили исследовать застывшую на его склонах лаву, которая свидетельствовала, что он все-таки бунтовал когда-то. И вот тут-то Безымянный начал вдруг пробуждаться. Как и человек, прежде чем проснуться, вулкан зашевелился, потянулся в своей каменной постели. И это его «шевеление» сразу же засекли сейсмические приборы. Толчки, толчки, толчки... Всё записали чуткие сейсмографы, и по их показаниям выходило, что эпицентр всех этих маленьких землетрясений в районе Безымянного. Но он же безнадежно потухший! Сочли, что приборы, видимо, ошиблись. Это Ключевской, наверно, готовится к очередному своему извержению. И стали бдительно наблюдать за Ключевским. А он вел себя тихонечко. Словно замер, прислушиваясь к пробуждению соседа. И тот восстал ото сна! Выбросил, грохоча, столб газа. Потом стал сыпать пепел. Это был сухой ливень! Мелкий-мелкий песок хлестал и хлестал, покрывая собой леса, сопки, долины на десятки километров вокруг.

Но я забежал вперед, не сказав, что мы приехали в Ключи. О Безымянном мне рассказывала там на вулканологической станции Генриетта Евгеньевна Богоявленская, которая как научный сотрудник курирует этот вулкан. Она молода, ей 26 лет, и я позволю себе называть ее просто Генриеттой. Так вот, Генриетта Богоявленская рассказывала мне о поведении своего подопечного. Она считает, что ей, как начинающему вулканологу, удивительно повезло. То есть сначала совсем не повезло. Сначала, когда она приехала сюда, окончив геофак Воронежского университета, ей достался мертвый, потухший вулкан. Пусть у него было любопытное геологическое строение. Но куда интересней иметь дело с вулканом «живым», активным. Таким, как Шевелуч, которого опекал ее муж Игорь Иванович Гущенко. Шевелуч время от времени закипает, выбрасывая лаву, пепел. Не то, что ее Безымянный... И вдруг Безымянный ожил. Между прочим, с этим событием совпали еще два события в жизни Генриетты. Во-первых, к ней на Камчатку переехали из Воронежа родители; отец, агроном, собирался и здесь разводить овощи. А во-вторых, в самый канун извержения у нее родилась дочка Аленка. И молодая мать-вулканолог укачивала свое дитя, можно сказать, под грохотание недавно ожившего вулкана.

А он все распалялся и распалялся. Потом неожиданно затих. Но теперь ему уже не верили. Было замечено, что за последнее время его как бы раздуло. Да-да, он раздался вширь. Какие-то страшные силы распирали вулкан изнутри, искали себе выход. И они должны были прорваться... То, что произошло 30 марта 1956 года, в 17 часов 11 минут, вулканологи назвали взрывом. Потому что это было больше чем извержение: Безымянному разворотило всю верхушку, укоротив его метров на 200. Но и взрыв это был странный — бесшумный. Взрывная волна полтора раза обогнула земной шар и была отмечена на барографах многих метеостанций мира. А рядом с вулканом, вокруг вулкана стояла в этот момент тишина. Звук поглотила гигантская каменно-песчаная туча, которая, взметнувшись из кратера на высоту почти сорока километров, двинулась в сторону Ключей. Она шла со зловещим шорохом. Она закрыла полнеба, потом все небо, и свет померк. Люди, застигнутые в этот час на улице, пробирались во тьме сквозь хлеставший в лицо каменный град. Пахло серой. Пробудились и небесные силы: грохотал гром, сверкали молнии. Но молнии-то, пожалуй, только скрашивали эту мрачную картину.

— Я была,— говорит Генриетта,— вот тут, в лаборатории. Кинулась домой. Вижу, сидят в уголке на диване мои старики, мама прижалась к отцу и держит на руках Аленку, закутанную в одеяло. Молчат. А в глазах читаю: «Дочка, что же это будет?» Что я могла сказать им в успокоение? Трудно было предвидеть, как поведет себя дальше Безымянный. Думалось, что этот его взрыв — кульминация, за которой последует спад. Так и случилось. Вулкан начал затухать, хотя и теперь еще, спустя два с половиной года, парит... Надолго дал он нам всем работы! В тот мартовский день мы и не подозревали, каковы подлинные масштабы взрыва. А потом мы увидели раскаленный лавовый поток, разлившийся на восемнадцать километров и бушевавший в долинах. Постепенно охлаждаясь, он превратился как бы в застывшую каменную реку глубиной в сто метров. Совершенно невиданное нагромождение вулканического пепла, камней. Прямо, знаете, неиссякаемый клад для нас, вулканологов...

В комнате, где мы беседуем, на стенах множество фотографий вулканов, снятых днем, ночью, с земли, с самолета, вблизи, издали. И между этими снимками портрет молодой, чуть постарше Генриетты, миловидной женщины. Она сфотографировалась по-домашнему — в цветастом халате, уютно расположившись в большом мягком кресле. И теперь как-то странно выглядит среди всех этих дымящихся кратеров и извергающихся лав.

— Алевтина Александровна Былинкина...— говорит Генриетта.— Есть кратер Былинкиной. Есть ущелье Былинкиной. То, где она погибла семь лет назад, поднимаясь из кратера Ключевского вулкана. Я уже не застала ее здесь, я только слышала о ней. Видите над ее портретом длинную цветную фотографию? Обрывистые скалы, дымит, парит... Это Былинкина в кратере сняла. Фотоаппарат не разбился каким-то чудом, когда она падала, сбитая каменной глыбой. Пленку проявили... Чья это с краю голова в ушанке? Коли Огородова голова. Он вместе с Былинкиной спускался в кратер. Всего-то в тот раз шестеро восходило на Ключевской. Три вулканолога и три десятиклассника из местной школы. Четверо не выдержали трудностей подъема, сошли вниз. А Алевтина Александровна и Коля Огородов, школьник, все вверх и вверх!.. Но все это вы можете услышать от самого Коли. Он тут. Вчера только явился из Москвы. Университет там кончает. Ну, геофак, конечно. Приехал на преддипломную практику. А вон и сам он, легок на помине,— показала Генриетта в раскрытое окно и тут же крикнула: — Коля, зайди, пожалуйста!..

В комнату входит рослый, атлетически сложенный молодой человек с загорелым скуластым лицом боксера. На нем модный московский костюм, который хоть и скроен ладно и сшит хорошо, но явно стесняет его в движениях. Ему бы брезентовую альпинистскую куртку и такие же штаны. Этого крепыша легко представить себе с рюкзаком за спиной и ледорубом в руках.

Так мы встретились с Николаем Огородовым.

Мы долго бродили с ним по саду, раскинувшемуся вокруг вулканологической станции. Он хорош, этот сад, тем, что не похож на обычные сады с подстриженными деревьями, газонами, клумбами, гаревыми дорожками. Есть в нем что-то от настоящего леса с его шумом вольно разбросавшихся ветвей, с травой, которая растет, не страшась, что ее подрежут, с кривыми тропинками, уводящими вас в таинственную гущину. День ясный, небо глубокое, синее, и на нем четко отпечатаны заснеженные горы.

Я слушаю Николая и гляжу в сторону Ключевского вулкана. Сегодня его вершина плотно прикрыта от всех взоров недвижным и единственным на все небо облаком...

Вот там, в заоблачной выси, ступали они вдвоем по ледяному гребню, падали, подымались и снова шли, шли, шли и только упрямым, беспрерывным этим движением вперед, вверх преодолевали нечеловеческую усталость, подкашивавшую им ноги. Там вот, за таким же облаком, на пятитысячной высоте, достигнув вершины, он присел на камень и мгновенно уснул, а она бодрствовала, она переобула его, спящего, надев ему на ноги еще одну пару шерстяных носков. Она охра-

Петропавловск-Камчатский. В Авачинской бухте.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Лайнер «Советский Союз» взял курс на Владивосток.

Самолет «наводит» рыболовный сейнер на косяк сельди.

В долине реки Паужетки.
Здесь будет построена опытно-промышленная электростанция на горячих источниках.

Прибыл самолет с грузом.

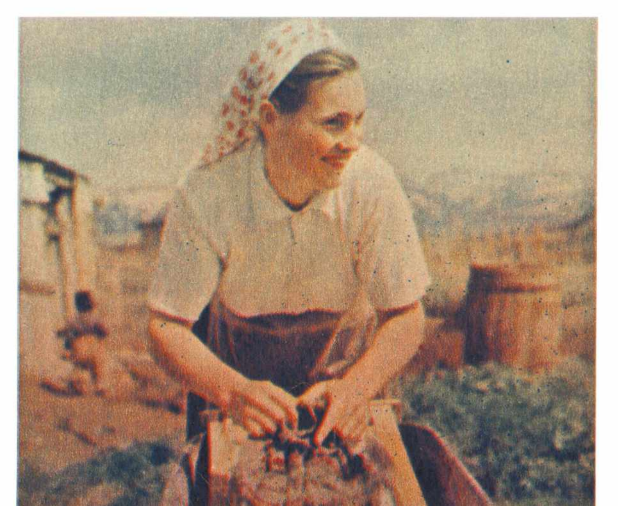
Нина Кожина ведет наблюдение погоды.

У причалов Озерновского рыбокомбината.

На Камчатке растет капуста.

Ю. Жорина приехала работать на строительство.

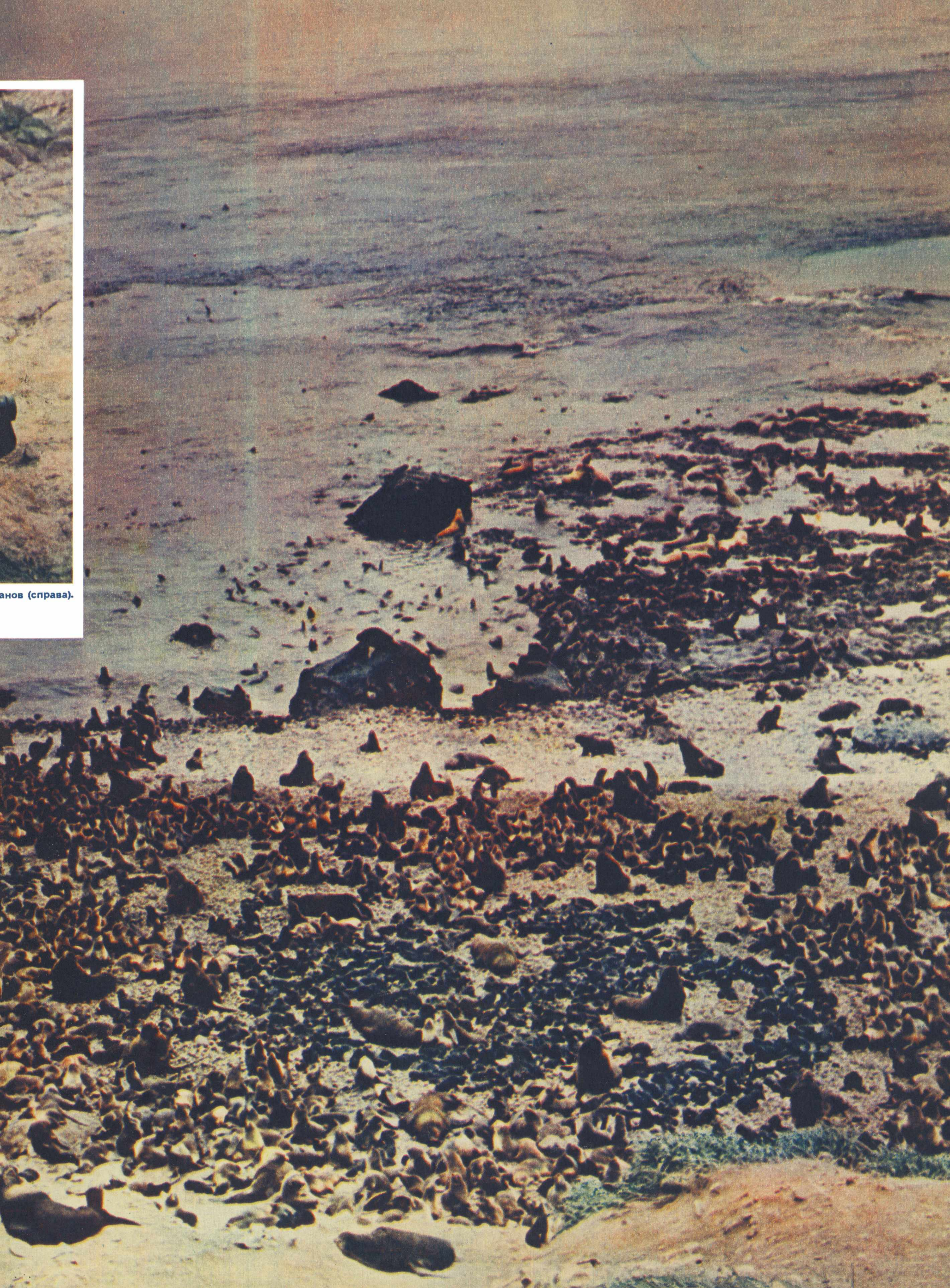

Острые когти были у этого медведя.

Мастер котикового промысла Я. С. Яковлев и научный сотрудник В. С. Марак

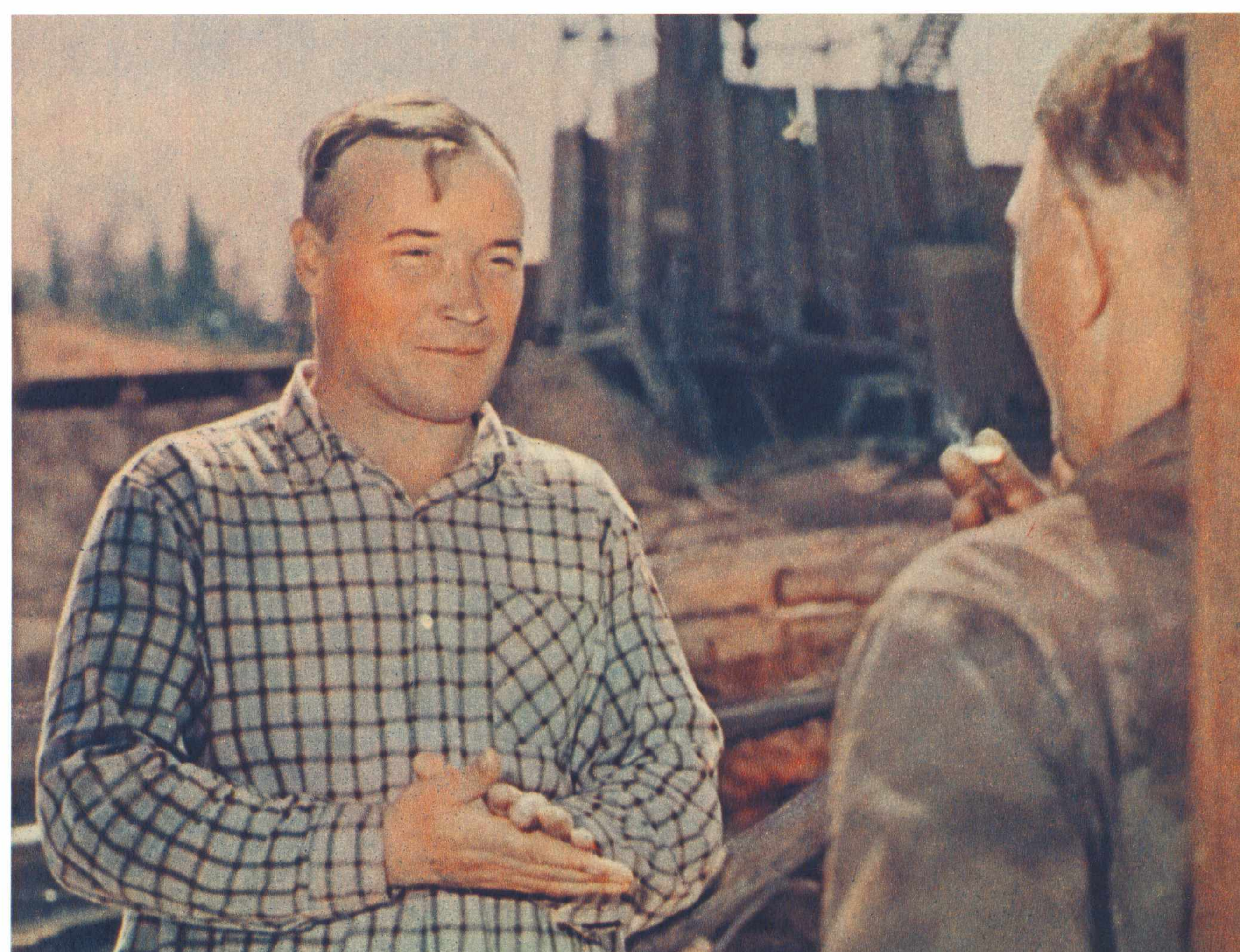
Командорские острова. Лежбище котиков.

...анов (справа).

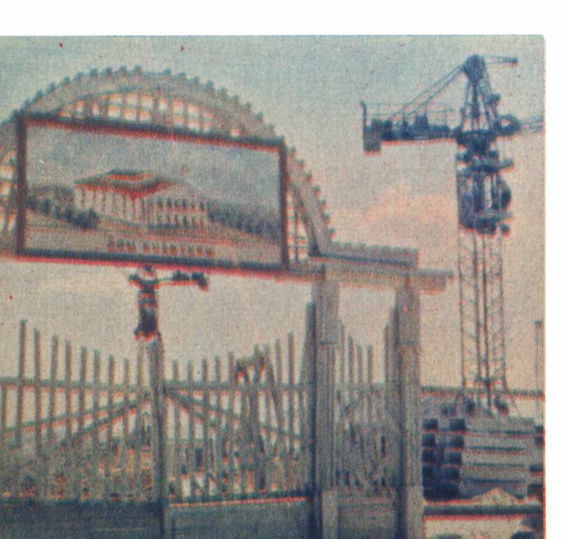
Сахалин. Вручение Красного знамени коллективу конторы бурения № 1 объединения «Сахалиннефть».

Депутат Верховного Совета СССР буровой мастер Я. И. Васильев.

← Сотрудники Камчатской вулканологической станции направляются в очередную экспедицию. Катер перетянет паром через реку, а там — путь в горы.

Юные жители города Охи (Сахалин).

Тут будет построен охинский Дом культуры.

няла его сон, она хотела, чтобы к нему возвратились силы, потому что вершина горы не была вершиной их восхождения: им предстояло еще спуститься в кратер. И когда юноша проснулся и спросил, отдыхала ли она, женщина кивнула головой, и они двинулись вниз, на дно, сквозь слепившую их завесу из пара и газов. А там, на дне, задыхаясь от жары, с трудом дыша в газовом скопище, они обошли всю эту гигантскую клокочущую и парящую каменную чашу, измерили ее из края в край, сфотографировали, набрали в пробирки газ изо всех трещин, откуда он бил. И тогда только стали подниматься из кратера, и на самом его краю, там, где он переходит в ущелье, их застала ночь, и, остановленные темнотой, они сели на выступ скалы, чтобы, не смыкая глаз, дожидаться рассвета. Всю ночь был страшный камнепад, мимо них и над ними летели тяжелые глыбы и мелкие осколки, ни разу не задев их. А на рассвете, когда камнепад утих, и они тронулись дальше, и уже выходили из ущелья, какой-то шальной, сброшенный порывом ветра кусок базальта сбил женщину с ног, и она, выронив ледоруб, покатилась к обрыву...

— Я вырос среди этих гор,— сказал Николай.— С детства привык взбираться на их склоны. Но не собирался посвящать жизнь горам. Хотел в моряки. А после того восхождения с Алевтиной Александровной понял, что нет мне иного удела, как в вулканологи. Я еще раз поднялся на Ключевской, когда там забила лава из нового кратера. И подымался на другие вулканы. Но самым трудным было для меня «восхождение» на Ленинские горы, в МГУ. Трижды поступал и трижды проваливался. Возвращался домой, ходил с экспедициями и снова ехал в Москву, в университет. Одолел все-таки эту «вершину».

Бродя по саду, мы подошли к простенькой деревянной оградке, за которой лежал большой щербатый, ребристый камень, кажется, базальт. На камне — венок из полевых цветов, среди которых преобладали нежные лиловые колокольчики. Я понял, куда привел меня мой спутник. Здесь лежит она, Алевтина Александровна. И камень этот оттуда, с вулкана. Я смотрел на печальное лицо Николая Огородова, и мне казалось, что оно освещено изнутри какой-то очень ясной, сильной мыслью, которая никогда уже не даст ему покоя и поведет от одной вершины к другой...

Вот так, приехав к вулканам, мы познакомились с вулканологами.

И мы еще раз встретились с людьми этой профессии — на другом краю Камчатки, на самом ее юге, в долине реки Паужетки, где собираются строить электростанцию. Но какое отношение могут иметь вулканологи к такому строительству? Самое, оказывается, прямое. Станция-то не обычная тепловая, а геотермическая. Иначе говоря, работающая на глубинном тепле земли. А его в избытке там, где есть вулканы, где магма, эта раскаленная «начинка» земли, ближе к поверхности. Кипят здесь в недрах во́ды, рождают пар, ищут выхода. И пробиваются горячими ключами в Италии, в Исландии, у нас на Камчатке, где еще 200 лет назад славный наш землепроходец Степан Крашенинников увидел их и описал.

Но то Крашенинников... Надо и самим взглянуть на этот удивительный дар земли. Отправляемся в долину Паужетки. С нами Борис Иванович Пийп, бесценный спутник, знаток Камчатки, собравший в своей библиотеке все, что когда-либо и на каком-либо языке писалось и печаталось про этот край, бывший ленинградский слесарь-механик, а ныне один из виднейших советских вулканологов, член-корреспондент Академии наук СССР. Борис Иванович — давнишний энтузиаст подземной энергетики; еще кандидатская его диссертация, защищенная в далекой молодости, называлась «Термальные ключи Камчатки». Сейчас ему поручено руководить всеми разведочными и исследовательскими работами в районе Паужетки, на будущей строительной площадке. Недавно он вернулся из Исландии, знакомился, как используются там кипящие источники. Побывал у знаменитого Большого Гейзера, который дал свое имя всем фонтанирующим горячим ключам мира. А сам-то Гейзер уже одряхлел, еле дышит, его пытаются «раздразнить», вливая жидкое мыло, но тщетно.

...До поселка геологов, каких-нибудь тридцать километров, добирались целый день. Прошел ливень, и на одной машине мы, наверно, так и не доехали бы. Шли три мощных «ЗИЛа», по очереди вытаскивавшие друг друга из ужасающей грязи, из разлившихсяречек. То и дело спешил на выручку еще и трактор, сопровождавший нашу «кавалькаду». Доползли до места уже к ночи. Только вышли из машины, как к ногам Бориса Ивановича шлепнулось в темноте что-то большое, мягкое, лохматое и радостно заурчало.

— Ах ты, Король, милый Король! Соскучился? И я соскучился...— сказал Борис Иванович, нагнувшись и лаская пса.

То был старый ездовой вожак, 12 лет возивший Пийпа и теперь еще не ушедший на покой. Нарт, правда, уже не тащит, но бежит в упряжке, указывая дорогу, с которой его никакая пурга не собьет.

Утром, проснувшись, выглянули в окно. Пейзаж, который открылся перед нами — долина и обступившие ее со всех сторон горы,— был явно сарьяновской кисти: он исполнен таких же ярких синих, зеленых, оранжевых красок, с такими же резкими переходами от тона к тону и весь пронизан солнечным светом. В комнату вместе с обычными шумами пробудившегося поселка — хлопаньем дверей, сигналами грузовиков, людскими голосами — врывался, покрывая их, шум горной, сбегающей по камням реки.

Борис Иванович зашел за нами, и мы отправились к ключам. Они неподалеку. Первый — сразу же за палатками вулканологов. Ручей как ручей. Но над ним пар. И боже упаси оступиться. Кипяток! Сюда угодил как-то теленок, щипавший травку. Сварился... Здесь варят в котелках яйца, картошку в мундире. А вот какая-то изобретательная хозяйка положила в ручей банку сгущенного молока, прижав ее камнем. Великолепный получится крем-брюле... Чуть подальше за этим горячим ключом — песчаная выемка, которую можно перешагнуть. И мы бы ее перешагнули. Но Пийп сказал:

— Постоим. Сейчас начнет наполняться.

И в самом деле, стала появляться вода, ее словно кто-то накачивал снизу, сперва потихоньку, потом все сильней, сильней, и она уже достигла краев этой естественной чаши, но не переливалась, кипела, булькала, исходила паром и вдруг взметнулась вверх длинным узким столбом и тут же начала опадать, будто ее всасывали обратно, и быстро ушла, чтобы через полторы — две минуты заново повторить весь этот цикл.

Вся долина в ключах, вся долина парит.

— Мы с вами как бы на крышке гигантского парового котла,— сказал Борис Иванович.— Под нами кипят, клокочут воды. Под нами рвется вверх, ищет себе лазейки пар. Только самая малая его часть прорывается наружу. А мы собираемся открыть ему широкую дорогу. Вон, видите, буровая вышка. Бурим первую разведочную скважину. Нам нужно поточнее установить, сколько тут пара, на каких глубинах да и каков он. Если с примесями, которые вредны для лопастей турбин, заставим его греть воду в котлах электростанции. Так или иначе, но взнуздаем! Не хотим, чтобы пропадало зря глубинное тепло земли. Хотим, чтобы оно согревало человека, работало на человека...

„Рыба", которая летает

Но сперва о рыбе, которая без кавычек и плавает, составляя славу Камчатки. О той рыбе, что можно ловить двумя способами: пассивным и активным. Ждать, когда она сама придет с моря в прибрежные невода с их ловушками, похожими на чернильницы-непроливайки, или за ней идти в море, далеко идти, искать... Но попробуй разыщи сельдяной косяк! Ночью еще можно на него набрести: он светится в воде, фосфоресцирует. А днем? Днем уходит на глубину, и разве только с воздуха, с большой высоты можно его разглядеть.

...Летим на самолете, который ищет рыбу. Он послан на поиск жирующей сельди. Слыхали о такой? Жирующая — потому что отнерестовалась и пошла в море гулять среди планктона, жирок набирать. Ох, и хороша ж селедочка! Нежна, жирна. А чуть присолить — объедение... Недаром воспета в «Книге о вкусной и здоровой пище». Особенно прославлена жупановская. Треть ее веса — жир... Но что-то давно уж не показывалась у камчатских берегов. А вчера вдруг с моря радировали: замечена жупановка. И подходила чуть не к самой Авачинской губе, к «Трем братьям». Почти к холодильнику! Вот и послан самолет разыскать редкостную жупановскую сельдь, если таковая действительно объявилась.

Курс — к северным Курилам. Затем обогнем полуостров — и океаном вдоль берега к Петропавловску. Над Охотским низко облака. Мы идем над облаками. В просвете меж ними, как меж островов, рыболовные суда. Самолет делает крутой вираж, кренится на крыло, и кажется, что все суденышки под нами скатываются по наклонной плоскости моря.

На «ЛИ-2» экипаж обычно из пяти человек. А тут шесть. У шестого новая в авиации профессия, и еще не придумали точно, как ее назвать! Летчик-наблюдатель? Но наблюдать мало, надо вести разведку, искать. Разведчик? А кто будет наводить суда на обнаруженные косяки? Он же. Значит, наводчик? А может, назвать его авиарыбак? Очень это подходит к нашему Виталию Михайловичу Маслову. Он старый авиационный штурман. А рыбак хоть и молодой, но тоже с опытом: наведенные им сейнеры взяли уже не один десяток тысяч центнеров рыбы.

Облака расступились, и Маслов, не отрываясь от окна, «читает» море. А я наблюдаю за Масловым, за его подвижным, нервным лицом, на котором как бы отражается море и все, что там внизу происходит. Вот оно спокойно, это лицо, а вот уже заходили желваки, глаза сузились. Высмотрел? Да-да, что-то увидел.

— Косяк!

Где, где косяк? Море, как застывшая лава. И все, по-моему, одного цвета. Ничего примечательного разглядеть не могу. А! Вон длинная коричневая полоса с лохматыми, рваными краями.

— Виталий Михалыч, косяк слева? Да?

— Слева водоросли. Разве сельдь ходит так? Она плотней, собранней держится. Видите впереди круглое, фиолетового оттенка пятно? И рядом еще, еще. Вот это косяки... Ого, сколько их тут!

И он бежит в пилотскую. Второй пилот уступает ему место. Перед Масловым микрофон. Он сзывает суда:

— Я — Рыба... Я — Рыба...

— Я — «Изумрудный»... Я — «Изумрудный»! — сразу откликаются снизу.

— Кто капитан на «Изумрудном»? — вопрошает Маслов с высоты.

— Дьяченко...— докладывают с моря.

— А, Николай Федорыч! Приветствую вас. Слышите меня?

— Здравствуйте, Виталий Михалыч... Слышу отлично. Чем порадуете? Рыбу видите?

— Вижу. Тут полно косяков. Поработаем? Кошелек у вас в порядке?

— Можем метать...

Это они про кошельковый невод. Очень удобное орудие лова. Сеть с кольцами, которые стягивают ее, как кошелек. Косяк захлестывают этим неводом, как петлей. Один ее конец на сейнере, другой — на шлюпке. Сейнер идет по кругу, а шлюпка на месте. Смыкаются концы невода, стягиваются кольца — и кошелек закрыт. Если метнули удачно, не промахнулись, — сельдь в кошельке!

Ходим низко над морем. Высота — метров шестьсот. Теперь уже косяки может отличить не только профессиональный глаз Маслова. Я вижу их и больше не спутаю с водорослями. Округлые темноватые, чуть расплывчатые пятна с фиолетовыми разводами. Словно проплыл танкер и пролил нефть, и она пошла кругами... Пасется селедка, поедает планктон, не ведая, какая опасность нависла над ней. Вон «Изумрудный» уже приготовился к охоте: спустил шлюпку и ждет распоряжений свыше.

Сейчас они последуют. Маслов скинул пиджак, засучил рукава, прищурился. Постучал согнутым пальцем в микрофон.

— «Изумрудный»! Внимание! Хочу подыскать вам косячок побольше...

— Ждем, Виталий Михалыч...

— Кажется, вижу подходящий. Прямо по носу у вас. В двух кабельтовых примерно... Идите средним ходом.

— Есть средний ход!

— Косяк сместился левее. Дайте левее десять градусов... Теперь три правее. Так держать!

— Есть так держать!

— Прибавьте обороты. Какой ветер у воды?

— Зюйд-вест... Пять баллов.

— Доверните два градуса вправо. Полный вперед!

А косячок, то ли почуяв угрозу, то ли решив передислоцироваться к более аппетитному планктону, стремительно уходит. У него тоже свой «полный вперед». Но «Изумрудный» побыстрее. Вот-вот настигнет. И вдруг косяк метнулся в сторону. «Изумрудный» за ним. И опять ускользнул косяк. Вся эта масса рыбищи, как комок ртути, вывертывается, ускользает. Погоня сложна. С борта сейнера сельди не видно. Видно ее только с самолета. Снова и снова выводит Маслов «Изумрудного» на цель. А цель живая, выскальзывает. Вспотел Маслов, расстегнул ворот.

— Левее, левее!

— Еще левее! — кричу и я в микрофон.

— Отставить! — охлаждает мой пыл Маслов.— Держать прежний курс! Можете еще прибавить обороты? Готовьтесь к замету! Отдать шлюпку!

Но что это? Косяк исчез. Где он?

— Опоздали мы с тобой, Николай Федорыч,— говорит в микрофон Маслов.— Сельдь ушла в глубину. Вспугнул ты ее мотором. Очень чуткая попалась рыба. Не любит, чтобы ее ловили. Наверняка жупановка...

— Я тоже так думаю,— долетает огорченный голос с моря.— Жаль, упустили...

— Ну, не печалься, Федорыч. Вон еще один на примете. Этот-то возьмем...

Теперь уже, сработавшись, самолет и сейнер мертвой хваткой вцепляются в новый косяк, не давая ему опомниться. «Изумрудный» захлестывает его своей сетью, как лассо. И тут же затягивает петлю... Идем совсем низко над кораблем. Видим, как рыбаки вытягивают кошелек. Видим, что он полный.

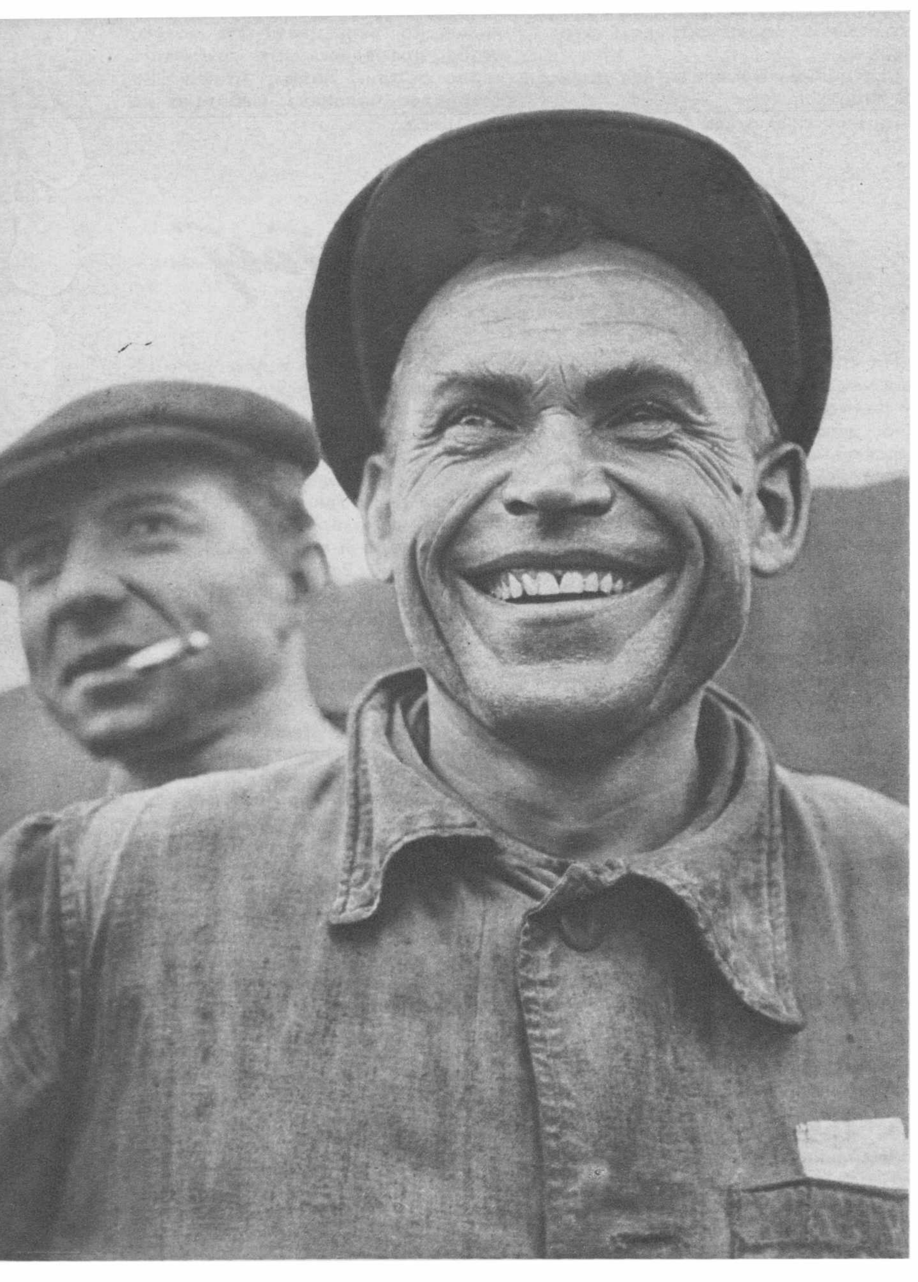
— Поздравляю с уловом! Что у вас там? Жупановка? — кричит в микрофон Маслов, хотя его сейчас услышали бы, наверно, и без микрофона.

Не сразу отвечают с «Изумрудного». Видать, разглядывают добычу. И потом радостно:

— Жупановская! Благодарим за наводку...

А Маслов скликает уже новые суда:

— Я — Рыба!.. Я — Рыба!..

Экскаваторщик Яков Никитич Гладких.

Из сахалинского блокнота

Полет над сельдяными косяками завершил наше путешествие по Камчатке.

Покидаем этот край изумительных богатств, и найденных и еще скрытых. Край, который прославлен своими мощными рыбокомбинатами. Край, чей лесной фонд чуть не в полмиллиона квадратных километров. Край, где ищут, уже находят и еще больше найдут угля и нефти. Край, на просторах которого наука штурмует и вершины и глубины земли. Камчатка... Край, где главное богатство — советский человек, искатель и трудолюбец.

Теперь на Сахалин.

Прыжок на «Ту-104» через Охотское море в Хабаровск, еще прыжок на «ЛИ-2» через Татарский пролив, и мы в Южно-Сахалинске.

Где побывать на этом «острове сокровищ»? Какой выбрать маршрут?

Идем за советом в обком партии. Вот что там сказали:

— Надо вам, товарищи, лететь в Оху, к нефтяникам. Нет на земном шаре нефтяного района, где работали бы в таких же условиях, как в Охе. Там зимой бурят скважины и качают нефть в пятидесятиградусный мороз при ветрах в 10—11 баллов. Человек идет от качалки к качалке, привязавшись веревкой, чтобы бураном не сбило с пути. А народ какой! Случай был с одним оператором. Двадцать лет прожил в Охе и решил вдруг податься в теплые края. Уехал куда-то под Краснодар, тоже на нефтепромысел. Письма писал — доволен. А через год — в Охе! «До чего ж,— говорит друзьям,— хорошо на юге! Теплынь. Зимой в ботиночках ходишь. Ветров нет, дорог не заносит. Не промысел — курорт!» «А почему же ты вернулся?» — спрашивают. «Соскучился!» — говорит... Нет, к нефтяникам вам нужно непременно!

Соглашаемся — полетим в Оху.

— А к угольщикам, к шахтерам? Можно в Углегорск — на западном побережье. Можно на другую сторону острова — к Охотскому морю, в Вахрушев. Уголек у нас разный. Полно коксующегося — металлургам на материк даем... Сахалин без нефти, без угля — не Сахалин. Так же, как и без рыбы! Рыба у вас будет камчатская? Жирующая сельдь? О, она и у нас не хуже. Пролетали над Северными Курилами? Видели там суда? Это наш траловый флот вышел на путину. А на китобойный промысел не собираетесь? А к котикам на Тюлений остров? Ах, были уже у котиков? У нас на Тюленьем лежбище, пожалуй, побольше, чем на Командорах... А сельское наше хозяйство? Найдет оно у вас отражение? Арбузов не выращиваем, а картошка давно уже только своя. И молока сахалинского рекомендуем отведать. На Дальнем Востоке первыми идем по удоям... Первыми! А это же Сахалин... И, товарищи дорогие, нельзя ж, побывав на Сахалине, миновать леспромхозы с их механизацией. А наши бумкомбинаты? Школьники страны пишут в тетрадях из сахалинской бумаги. Бывает, говорите, что чернила расплываются? Принимаем эту претензию. А на комбинатах побывайте. И в наших портах — в Холмске, в Корсакове, куда приходят океанские корабли со всего света. Наших моряков повидайте — тоже ходят во все концы света... А железнодорожники! У нас машинисты водят составы по полторы тысячи тонн. Ну понятно, на материке этой цифрой не удивишь, но здесь дороги какие? По сопкам! На километр пути двадцать пять метров подъема. И все повороты да повороты. Туманы мучат. Это вам не Московско-Курская!..

Так куда же все-таки?

Едем в Вахрушев — к угольщикам. И выбираем на этот раз совершенно необычный для всего нашего путешествия способ передвижения — пассажирский поезд. Так до Макарова, районного центра на берегу Охотского моря. Можно и дальше поездом. Но тут поддаемся соблазну проехать вдоль моря по полосе отлива. Никакая автострада не может сравниться с этой укатанной морем дорогой. Только выезжать надо пораньше утром, чтобы не застал в пути прилив. А мы замешкались с полчаса и попали в «маниху», в короткий промежуток между отливом и приливом, когда море вот-вот начнет подступать, отжимая нас к береговым скалам. Пока идет накат, волны заливают берег, но тут же уходят,

оставляя на песке пену, которая лежит большими, похожими на хлопок комьями. Спешит наш шофер, торопится выскочить из узкой прогалины между скалами и морем.

И вдруг неожиданное препятствие: стадо телят нам навстречу. Гонит их оседлавший коня мальчишечка с ноготок, лет десяти, в старенькой военной, видно, отцовской, фуражке, с ружьем за спиной. Взмахнул хворостинкой, и телята ступили, повинуясь ему, в Охотское море, потолкались-потолкались и побрели по воде. А он сбоку, со стороны моря, теснил их к берегу, чтобы не заходили глубоко, чтобы только дорогу дали машине.

— Васятка! — кричит шофер.— Куда стадо гонишь?

— В Лазо на откормочную...

— А ружье зачем?

— Уток бить. А может, медведь попадется... Куда пошли? Куда пошли? — Это уже относилось к телятам, и он погнал их на берег.

— Сынишка Нестеренки,— сказал шофер,— пастуха из Макаровского совхоза. Отец на материк уехал, в санаторий. Заместитель.

Прилив нас не достал, и «газик», бессмертная эта машина, бодро выкатился на шоссе, ведущее в Вахрушев...

В Вахрушеве, как и в Коркине на Урале, как в узбекском Ангрене, уголек неглубоко припрятан. Лезть за ним не надо. Верней, лезть надо, но не вниз, а вверх — на сопки. Тут они все вокруг с углем. И лежит он под тонким слоем земли. Вскрывай, вспарывай и черпай! Так что главная здесь сила — экскаваторы.

Вот он стоит, старый знакомый — «уралец». Где я его только не видел! Верная, спокойная машина. Прикажут котлован рыть — роет. Поставят в карьер — копает. На уголек бросили — старается. Одно любит — хорошие руки! Такие, как у Николая Северьяныча. Сейчас он, Лебедев, в кабине. Я вижу его руки, лежащие на рычагах, и вспоминаю то, что мне рассказывали о нем. После войны поставили на руководящую должность. Герой Советского Союза! А должность такая: помощник начальника по общим вопросам. С полгода мучился, страдал, бессонница извела. А потом пришел к начальнику, положил на стол свои большие, в синих узлах руки, и сразу стало тесно на столе. Взмолился: «Отпустите. Негоже мне с такими кулачищами общими вопросами заниматься!» Отпустили. И вон как хорошо, как удобно этим рукам на рычагах экскаватора...

Про Лебедева мне рассказал Яков Никитич Гладких. Он машинистом на «ковровце», который всегда идет следом за «уральцем» Лебедева. «Уралец» на «вскрыше», а «ковровец» на добыче... Гладких «на воздушок», как он говорит, недавно выбрался. Полжизни провел на донбасских шахтах. Он перечислил мне свои подземные профессии: подкатчик, вагонщик, бутчик, органщик, бурильщик, врубмашинист... Мы говорили в забое, пользуясь свободной минутой, выдавшейся у Якова Никитича. Он ждал, пока взрывники разрыхлят ему уголек на новом «поле». Вот грохнуло у нас за спиной. Взметнулась высоко черная туча.

— Отпалили! — сказал Гладких.— Там Паша Коновалов. Между прочим, из саперов. Всю войну мосты взрывал в немецких тылах. А, вон он, Паша, идет!

Подошел взрывник, маленький, плотный, в зеленой куртке и с такой же сумкой через плечо. Там, наверно, шнур, капсюли.

— Закурить дашь, Никитыч?

— Прошу! — Гладких протянул пачку «Беломорканала».

— Славно я тебе отпалил! — сказал Коновалов, аппетитно затягиваясь папиросой.— Уголек сам в рот пойдет...

...А второй наш сахалинский маршрут был в Оху, к нефтяникам.

Летим с юга острова на север, а похоже, что с севера на юг. Из Южно-Сахалинска вылетали в холодину, в дождь. Сели в Охе. Батюшки, жарища, дышать невозможно! В озере около аэродрома черным-черно от купающихся. Вот тебе и зона вечной мерзлоты! Все перепуталось в природе...

По дороге с аэродрома и слева, и справа, и впереди — всюду, куда хватает глаз, новые дома. Алексей Семенович Протченко, секретарь горкома партии, поспевает только называть:

— Школа. Жилой. Объединение «Сахалиннефть». Гостиница. Еще школа. Еще жилой. Универмаг. Нефтяной техникум...

Подъехали к горкому. Старый деревянный домишко.

— Что ж так? — спрашиваем.

— А мы,— говорит Протченко,— особое решение приняли: горкому — в новый дом, когда уже ни одного деревянного вокруг не останется...

Из окна кабинета Протченко видны розовые отблески в южной стороне неба. И то ли облака, то ли дым. Вроде дым.

— Скважина горит. Это километров тридцать отсюда. Там у нас, на Тунгоре, новое месторождение открыто. Богатейший район! Первая же разведочная фонтаном ударила. Двести тонн в сутки. Пробурили вторую, третью, четвертую... Нефть! Седьмая попала в газовую «шапку». 1 734 метра прошли, до нефти не добрались, а газа — пласт за пластом. Колоссальное давление снизу. Рвется газ наружу. Расслабил глинистый раствор, который сдерживал газ, выбил бурильные трубы и, неся с собой песок, вырвался из скважины. Люди бросились спасать лебедки, дизели, насосы. А тут еще и еще струи газа. И опять выбило трубы. Ударились о металлический фонарь вышки. Искры. Газ вспыхнул и взметнулся уже огненным столбом метров на сто в высоту. И вот две недели бушует на Тунгоре пожар. Стреляли из пушек. Пробовали взрывчаткой... Хотели сбить огонь, а он чуть только притих, а потом с новой силой. Но главное — не пламя побороть. Главное — газ задавить на глубине, в пластах. Сейчас качают в скважину воду из озера. Пять тысяч кубометров воды в сутки. Должна она обрушить породу на газ. Бурят наклонную скважину рядом, чтобы сбоку подобраться к газовому пласту. Задавят! Хотите, можем съездить сейчас на Тунгор...

— А нельзя ли попозже? Когда стемнеет? Чтобы сделать вечерний снимок пожара?

— Что ж, давайте к вечеру. А пока проедем по промыслам.

Весь день колесили меж буровых вышек и стальных «журавлей», которые клюют себе и клюют, посасывая нефть. Поднимались на Сахарную сопку, которую назвали так за ее светлую песчаную макушку, а надо бы переименовать в Нефтяную: и макушка ее и склоны в вышках и качалках. Спускались к морю, к буровым, которые подошли уже вплотную к воде, и шагнули бы дальше, если б не беспокойный, штормовой характер Охотского. Ехали лесом, где буровые теснят деревья, верхушки которых всегда тут печально наклонены, и по ним, этим верхушкам, можно читать «розу ветров». Заезжали на буровую к Якову Ивановичу Васильеву, депутату Верховного Совета СССР.

Попали к нему в неурочный час. Яков Иванович потерял давление. То есть скважина потеряла давление. А мастер искал с бригадой, куда оно девалось. Где-то пробило трубу. И нужно было поднять и просмотреть все 78 бурильных «свечей».

— Алексей Семеныч! — сказал сердито Васильев.— Опять нам раствор с опозданием привозят. Всякий раз надо скандалить! И попрежнему нет запасных турбобуров... Ремней не хватает для прокладок. Требую — начальство недовольно. Говорят, что я на них депутатским авторитетом давлю. Что ж мне теперь, под колодой сидеть и помалкивать?

Кто-то крикнул: «Есть!» Нашлась эта маленькая дырочка, съевшая давление. Трубу сменить — дело нехитрое, и Яков Иванович подобрел. Улыбнулся. И тут выяснилось, что он гораздо моложе, чем казался, когда был в сердцах.

— Пора на Тунгор,— сказал Протченко.— Пока доедем — свечереет.

Весь день мы видели в стороне, где Тунгор, зарево и черное облако дыма. А сейчас, когда мы подъезжали к Тунгору, зарево начало вдруг бледнеть, бледнеть и совсем исчезло. И с ним облако.

— Погасили! — облегченно вздохнул Алексей Семенович.

То, что открылось нам на Тунгоре, напоминало дорогу, по которой мы ехали на Камчатке к вулканам. Такой же серый песок, выброшенный из глубины земли. Обожженные и обгоревшие деревья. Скрюченные трубы. Пахнет гарью... Вокруг скважины песчаная гора с широкой и глубокой впадиной. Это как кратер. На дне еще плещется пламя. Газ еще работает, но на последнем своем издыхании. На него силой воды обрушили тысячи тонн породы, и он задавлен... По краю кратера — люди, которые две недели держали здесь битву. Усталые, много дней не спавшие, обрызганные грязью, мокрые. Но победившие. Смеются, шутят. Будто и не было двух этих трудных недель. Кто-то, увидев фотокорреспондента, говорит весело:

— Вот не знали, что приедете! Могли бы подождать часок. Великолепный пропал кадр...

— Почему пропал? — откликнулся другой.— Нужно позаимствовать у Кирилла Ивановича. Он снимал в самый момент выброса пламени. И при этом пострадал. Поскользнулся, ногу вывихнул. Лежит дома.

Но когда мы пришли к Кириллу Ивановичу Гнедину, главному геологу «Сахалиннефти», он не лежал. Большой, грузный, он прохаживался по комнате, опираясь на костыль, разминая больную ногу. Мы собирались, извинившись, попросить редкий снимок и удалиться. Но, узнав, что мы только с Тунгора, хозяин усадил нас, стал расспрашивать.

— Отлично! — сказал Кирилл Иванович, вручая нам фотографию.— С газом, значит, сладили... Тунгор! Нет, нет,— повторил он, словно споря с кем-то.— Мы от Тунгора не откажемся. Мы и южнее пойдем. Будем искать нефть не в одном геологическом «кутке», а во всех земных «ловушках». По всему острову искать! — резко повернулся Гнедин и при этом, видно, потревожил ногу, потому что лицо его сморщилось от боли.

* * *

Заканчиваем наше путешествие в порту Москальво, близ Охи, на берегу залива Байкал. Стоим на причале, у которого разгружаются первые суда, пришедшие с материка. Он, материк, на той стороне. И сквозь туманную дымку над морем, над материком словно бы видим мы наших товарищей — огоньковцев, которые едут навстречу и которым мы должны передать эстафету.

Этот снимок сделал К. И. Гнедин.

Но перед тем, как вручить эту воображаемую палочку, мы хотим поблагодарить всех наших добрых друзей в этом путешествии и прежде всего экипажи двенадцати самолетов; экипажи двух пограничных сторожевых кораблей; команды мотоботов «Отвесный» и «Витус Беринг»; паромщика Кима с реки Паужетки; колхозного перевозчика через реку Озерную дядю Степана; тридцать восемь сахалинских и камчатских шоферов и тракториста Васю; паровозную бригаду машиниста Алексея Федорова; водителя дрезины на дороге Оха — Москальво Алексея Першина — всех, кто помогал нам преодолевать расстояния и кто и сейчас, наверно, находится в пути...

ВЕНОК

Рассказ

Асихэй ХИНО

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Асихэй Хино — известный современный японский писатель. Родился в 1907 году. Его перу принадлежат романы «Хлеб и солдаты» (1938 год), «Земля и солдаты» (1939 год) и другие. Асихэй Хино, активный борец за мир, выступает против американских военных баз. Его общественные настроения нашли яркое отражение в пьесе «Отрезанная Окинава» (1957 год).

Рассказ «Венок» был опубликован в журнале «Бунгэй Сюндзю» в 1957 году.

Таро Ямасиро стоит под мостом. Прямо над его головой то и дело проносятся поезда, и тогда пыль окутывает все вокруг. Проходят и пассажирские, но чаще товарные составы, груженные углем. Угольная пыль сплошь покрывает железнодорожное полотно, и сквозь широкие щели мостового настила она то и дело сыплется вниз черным снегом.

Лучше бы перейти на другое место, но отсюда, с перекрестка, лучше всего просматриваются улицы, справа и слева. Покинуть этот пост — значит не выполнить задачу. Преисполненный чувства товарищества и долга, Ямасиро не обращает внимания на пыль и зорко оглядывает окрестности. Убедившись, что справа не грозит никакой опасности, он поворачивается влево и одновременно подает сигналы, действуя и глазами и руками. Но вот наконец его миссия закончена. Ямасиро взмок. Теперь можно заглянуть к любовнице, поговорить о сегодняшних событиях, смыть в ванне всю эту грязь и пропустить стаканчик вина.

На фоне летнего неба величественно возвышается гора Бота-яма, черный дым валит из громоздящихся лесом труб. Этот пейзаж не совсем обычен для района реки Ондогава, но ведь здесь шахтерский город.

Легко и просто одетый, Таро Ямасиро спешит по знакомым улицам, и на его лице нет-нет да и мелькнет довольная улыбка: как-никак, ему удалось сослужить службу своему другу Дзиро Сасакава.

Ямасиро и Сасакава были однокашниками еще в начальной и средней школе и находились в такой дружбе, что над ними даже посмеивались.

Прозорливый и в то же время решительный в претворении своих планов, Ямасиро сразу же после войны заинтересовался рулеткой и открыл игорное заведение. Скопив средства, он стал депутатом муниципалитета.

Дзиро Сасакава шел по стопам отца и промышлял торговлей. В момент, когда положение в шахтерском районе предвещало солидный барыш от продажи водки, он по совету друга также выставил свою кандидатуру на выборах. В ход пошли протекция и персональный нажим, банкеты и подкуп — и Сасакава оказался в числе избранных. Такие приемы, особенно во время местных выборов,— обычный путь к депутатскому посту, своего рода официальный секрет.

Ямасиро и Сасакава неизменно оказывали поддержку друг другу во время всей процедуры выборов; чтобы закрепить еще больше свою дружбу, они решили открыть на паях кинотеатр.

Лишь в одном пункте между ними царило явное неравенство: у Сасакава не было любовницы. Быть депутатом муниципалитета и не иметь любовницы — ведь это же вопрос общественного доверия! И Ямасиро решил помочь другу. У его собственной любовницы была сестра, в прошлом гейша, затем официантка в одном из ресторанов. Эта женщина, по имени Мацуэ, пришлась по вкусу Сасакава, и он взял ее на содержание, сняв для этой цели второй этаж игорного заведения, принадлежащего Ямасиро. Однако вести любовные дела под неустанным наблюдением жены — дело нелегкое. Сасакава и прежде не отличался высокой нравственностью, что не раз доводило его законную супругу до истерики; во время ночных путешествий она высылала следить за мужем одного из преданных ей приказчиков. Сасакава пытался устраивать свидания днем, но и это не сулило ему спокойствия. Тогда Ямасиро взял на себя обязанность охранять безопасность друга на всем пути, пока тот не скрывался в доме любовницы.

Лавка Сасакава находилась всего в пятистах метрах от игорного заведения Ямасиро. По мнению последнего, чем ближе поселить любовницу, тем меньше подозрений. Не зря же говорят: у подножия маяка всегда темно... Дом Сасакава и дом его любовницы составляли как бы крайние точки треугольника, вершину которого венчал железнодорожный мост. Поэтому отсюда, из-под моста, вести наблюдение было удобнее всего.

Сообщив жене, что он идет в муниципалитет, Сасакава выходил из дому и спокойно, с достоинством шествовал по улице. Но стоило ему пересечь полотно, как он начинал то и дело оглядываться на стоявшего под мостом друга и, целиком положившись на подаваемые им сигналы, мчался во весь опор к дому любовницы. Случалось, что все проходило благополучно, случалось и по-иному. Ямасиро уподоблялся живому автомату и был совершенен, как механизм, но как в механизме случаются неполадки, так и сигнализация иногда отказывала. Так, например, на улице появлялась собственной персоной законная супруга Сасакава — Юкико, но вместо того, чтобы сигнализировать другу: «Проходи мимо», — Ямасиро ошибался в сигнале, и ни о чем не подозревавший Сасакава входил в дом любовницы.

А в это время супруга приходила в муниципалитет, не обнаруживала там мужа, и ее начинали терзать подозрения. Однако еще не скоро Юкико узнала о любовнице и ее квартире на втором этаже игорного дома. Сасакава был благодарен своему другу. Поэтому, когда речь зашла о вложении средств в кинотеатр, который они хотели открыть на общих началах, он, заметив, что друг испытывает денежные затруднения, не задумываясь, выложил за него почти всю сумму, и хотя тот продолжительное время не мог возвратить долг, Сасакава не торопил его и не взял никаких процентов.

За последние годы кинотеатры плодились с невероятной быстротой. И в этом городе, где население не превышало ста тысяч человек, стало их теперь уже не четыре, а целых десять. То же самое происходило и с игорными заведениями: едва обозначался успех, как появлялся конкурент.

Это относилось и к таксомоторным станциям, которых насчитывалось уже четыре. И каждый владелец мечтал о том, чтобы проглотить другого.

Они меньше всего думали об интересах цивилизации, никто не ставил перед собой далеко идущих планов; жажда наживы и славы — вот вокруг чего разгоралась борьба не на жизнь, а на смерть. Ни Ямасиро, ни Сасакава не были ни гангстерами, ни боссами, но, став членами муниципалитета и окунувшись в водоворот политических дрязг, они постепенно приобретали черты боссов. Собственно говоря, ни тот, ни другой не исповедовали никаких политических взглядов. Однако, если в этом городе человек хотел преуспевать на поприще предпринимательства, он должен был состоять в консервативной партии и в таком случае неизбежно иметь дело с противником в лице партии реформы, выступавшей на фоне рабочих профсоюзов.

Мэр города выбирался из числа консерваторов, а председатель муниципального собрания — из реформистов. Этот последний особенно ненавидел Ямасиро и Сасакава, а оба друга тоже не упускали случая наступить на горло Дайсаку Оки.

В свое время и Ямасиро и Сасакава были освобождены от воинской повинности, и одно это уже свидетельствовало о том, что оба не отличались блестящими физическими данными. Толстенький маленький чернолицый Ямасиро составлял полную противоположность худосочному и тонкому, как бритва, Сасакава. Но когда кто-нибудь из них оказывался рядом с председателем Оки, этим великаном, готовым, кажется, воспламениться от избытка жизненных сил, сравнение было явно не в их пользу.

Оки принадлежал к числу недоучек. Он не окончил Токийского университета, но звучное название этого университета все же осталось навечно в его послужном списке, а это в провинции приобретало совсем особое звучание. Он умело оперировал фактами, был не чужд красноречия, и когда, брызгая слюной, начинал выкрикивать одну иностранную фамилию за другой, аудитория пасовала. Конечно, многие понимали, что этот недоучка ничего собою не представляет, но боевой дух и весь вид Оки невольно подавляли слушателей. Одно обстоятельство особенно выводило друзей из равновесия: этот Оки имел любовницу куда более красивую, чем их собственные.

Однажды летом Дайсаку Оки попал в больницу. Дело в том, что во время купания он заплыл слишком далеко, и ему пришлось выдержать бой с акулой. Ямасиро решил навестить пострадавшего, чтобы про себя позлорадствовать. Председатель лежал весь забинтованный. Говорили, что акульи зубы прокусили его до костей. Ямасиро не преминул выразить свое восхищение мужеством Оки, хотя про себя думал: «Как жаль, что такого типа не слопала акула!»

— Эх, женины зубы я хорошо знаю, но акульи оказались куда острее! — встретил его Оки и раскатисто засмеялся, хотя было видно, что ему приходится превозмогать боль.

Во время войны Оки служил сержантом в отряде местной самообороны, готовом стоять насмерть за родину.

— Много раз я под смертью ходил, и не перечтешь! Скольких товарищей в боях потерял! Однажды совсем на волосок от смерти был, только двое от всей части уцелело. Нет, дружище Ямасиро, ничто меня не возьмет! Уж если от снаряда не погиб, так неужели от акулы смерть приму? — И в его смехе зазвучало чувство явного превосходства.

«Будь ты на моем месте, несдобровать бы тебе»,— казалось, говорил Оки. Уязвленный Ямасиро в глубине души думал, что вся эта история с акулой — чистая выдумка; просто Оки упал со скалы и расшибся о подводные камни. Пришедший ради насмешки, а в результате сам выставленный на посмешище, Ямасиро вышел из больницы, понося на чем свет стоит своего противника.

— Подохнешь — ни за что венка не принесу! — бормотал он про себя.

Между тем Дзиро Сасакава был совершенно очарован своей возлюбленной и все чаще

убегал к ней, стараясь при этом прихватить в подарок что-нибудь из дому. Хлопот у Ямасиро прибавилось. Жену Сасакава терзали подозрения, и она вела усиленные розыски. Сасакава, как никогда прежде, нуждался в помощи друга.

Как раз в это время его возлюбленная Мацуэ стала жаловаться, что игорное заведение посещает слишком много народу и случается, что и в ее комнату заглядывают всякие молодцы в «стильных» рубашках и подозрительного типа игроки, среди которых, несомненно, есть и воры. Мацуэ просила на всякий случай снабдить ее кинжалом. Однажды утром Сасакава взял ценный кинжал известной марки «Бидзэн» и начал было заворачивать его в фуросики[1], как вдруг Юкико спросила его:

— А куда ты собираешься нести это?

— Да на экспертизу, нужно получить удостоверение. Ведь после войны оккупационная армия приказала сдать все оружие, владеть им можно только при наличии удостоверения. Вот я и несу его. Правда же, Ямасиро-кун?

— Да, да! — подтвердил Ямасиро. — Сегодня как раз тот день, когда проводят экспертизу. О, это — ценное оружие, и, конечно, нужно получить на него документ! — Ямасиро похлопал по ножнам. Он был предупрежден заранее и потому зашел сюда с утра пораньше.

Но Юкико продолжала смотреть с явным подозрением на всю эту сцену, и Ямасиро не оставалось ничего другого, как заявить, что он лично понесет оружие на экспертизу.

Незадолго до этого из дома Сасакава успела исчезнуть бронзовая корова, а затем какэмоно[2] работы художника Сэйхо, украшавшие токонома[3]. Кофейный сервиз, который просила Мацуэ, пришлось купить.

Обливаясь потом, Сасакава наконец выбрался на улицу и, зашагав рядом с другом, спросил его с некоторым замешательством:

— Ах, Ямасиро-кун, моя любовница вечно что-нибудь да просит, просто беда! Скажи, пожалуйста, а как у тебя?

— Друг мой, женщины всегда что-то просят, это уж у них в крови. Этой привычкой особенно страдают любовницы. Да у меня самого вот какой случай произошел,— засмеялся Ямасиро и рассказал следующее.

Однажды его любовница попросила подарить ей оби[4]. Ямасиро зашел к знакомому галантерейщику и купил оби. Галантерейщик же, ничего не подозревая, отправил счет прямо на дом к Ямасиро.

— Что тут поделаешь, пришлось и супруге купить такое же оби. Вот в какой переплет можно иногда попасть!

— Да, но неужели все это обошлось без скандала? — спросил изумленный Сасакава.

Случись нечто подобное в доме Сасакава, скандал был бы неминуем, и досталось бы тогда и сёдзи[5], и фусума[6], и чашкам, и чайникам. Как-то Ямасиро случайно оказался свидетелем такой потасовки. Не успел он со словами приветствия открыть сёдзи, как к его ногам полетел опрокинутый навзничь Сасакава.

На вопрос друга Ямасиро, многозначительно покручивая только что отпущенные усики, рассказал, что отношения между его супругой и любовницей наладились. Конечно, вначале ссоры и неприятности не прекращались, но с тех пор, как у любовницы родился от него ребенок, законная жена пошла на мировую. Теперь, когда он отправляется на свидание, жена дает ему сласти или фрукты и просит передать сопернице. Больше того, в день рождения ребенка они вместе с женой приходят в гости к любовнице, вместе выпивают и закусывают. Так говорил Ямасиро. Слушая его, Сасакава буквально сгорал от зависти. Ах, если бы и у него все поскорее наладилось!..

В этот день в муниципалитете обсуждали

бюджет. Муниципальные власти всегда находились в непосредственной связи с местными шахтами, и одним из животрепещущих вопросов за последнее время был вопрос об уроне, наносимом шахтами городу. Дело в том, что штреки, прорытые во всех направлениях, вызывали оседание почвы. Местами это оседание было особенно значительным. И вот иногда раздавался страшный грохот, и одновременно под землей оказывались и дома и люди.

Вопрос о мерах охраны, конечно, ставился на повестку дня, но он буквально тонул в густой сети сложных дипломатических интриг и в то же время целиком и полностью зависел от бюджета. Яростные атаки реформистов против консерваторов, стоявших на стороне шахт, были обычным явлением на каждом заседании муниципалитета. При этом главная роль выпадала Дайсаку Оки.

— К этому вопросу должно подходить только с позиций пострадавших; все те, кто отстаивает интересы шахт,— это дьяволы, которым чуждо чувство справедливости и человеколюбия! — вопил этот великан.

Казалось, от громовых раскатов его голоса гвозди гнутся в стенах обветшавшего зала заседаний. Следы акульих зубов, подобно шраму от сабли, рассекали его лицо, что еще более усиливало впечатление мрачной силы, исходившей от Дайсаку Оки. При слове «дьяволы» кровь бросилась в голову Ямасиро и Сасакава, но не им было соперничать с Оки в красноречии.

Можно было бы бросить в адрес председателя словечко «красный», но уж коль скоро речь зашла о человеколюбии, называй это хоть красным, хоть черным, эффекта не будет.

Можно было бы придраться к тому, что дело председателя — вести собрание, выслушивать мнения депутатов и принимать решение, но самому первым навязывать свое мнение — это превышение власти. И тогда следовало бы предложить вынести вотум недоверия. Но чтобы подобный вотум был принят, такого еще не бывало. Да куда там! В этот день Ямасиро сам оказался в положении нарушителя и понес кару.

По рассеянности Ямасиро принес в муниципалитет кинжал, полученный от друга утром. Кинжал был засунут в брюки и прикрыт пиджаком, но в самый разгар прений и всеобщих воплей кинжал у него выпал. На беду, это случилось в тот самый момент, когда Ямасиро в ответ на брошенное Оки «дьяволы» обернулся к председателю и крикнул:

— Чтоб ты сдох, ядовитое насекомое!

В этом районе, где господствовали вообще грубые нравы, муниципальное собрание нередко представляло арену безобразных ссор. Иногда, подражая членам парламента, депутаты доходили и до рукопашных схваток.

На вопль Ямасиро никто бы и внимания не обратил, но когда вместе с воплем на сцене появился кинжал, это подняло всех на ноги. Объяснить, что кинжал предназначался для любовницы Сасакава, не представлялось возможным: экспертиза оружия и выдача удостоверений в этот день не производились. Положение осложнялось. Только благодаря отчаянной защите со стороны Сасакава удалось убедить депутатов, что Ямасиро не замышлял совершить убийство.

По настоятельному предложению Оки Ямасиро приговаривался к наказанию. Консерваторы отчаянно сопротивлялись, но председателю удалось добиться своего.

Депутат, осмеливающийся войти с оружием в такое освященное законом место, как муниципалитет, безусловно, совершал большое преступление. Доводы Оки имели под собой достаточное основание. Ямасиро оставалось покориться. Оки держался геройски, Ямасиро же совсем пал духом, будто его приговорили к распятию.

Но вот наступили перевыборы депутатов муниципалитета. На тридцать шесть мест было выдвинуто более ста кандидатур. Предстояло большое сражение, вернее, побоище.

Губернатор тянул в одну сторону, мэр — в другую, словом, в городе царила полная неразбериха. Снова пошли в ход взятки, банкеты, протекции, угрозы, обман, контрпропаганда, посулы, вымогательства... Хотя выборы и назывались справедливыми, никто на такие вещи не обращал внимания.

Ямасиро и Сасакава заранее заготовили крупную сумму денег на «военные расходы» и, выпустив достаточное количество «снарядов», были вполне уверены в своем успехе. Деньги всегда были для них единственным мерилом, и, естественно, затратив такой значительный капитал, они не сомневались в будущей победе.

Ямасиро спал и видел, как бы сокрушить ненавистного Оки. Вопрос о его любовнице не стоило поднимать: тут они были все равны. Он взял на прицел незаконные действия, совершавшиеся в ломбарде, которым владел Оки, и пытался с этой стороны напасть на противника. Основанием послужил разговор с одним из коллег, который будто бы, заложив в ломбард часы, обнаружил после их получения, что цепочка стала короче, а в механизме недостает нескольких камней. Конечно, Ямасиро не мог не знать, что нападки личного характера иногда обращаются против самого обвинителя, но он был бессилен справиться с той ярой ненавистью, которая переполняла его сердце. Оки, казалось, не считал Ямасиро и Сасакава за своих противников, он с головой окунулся в жгучую проблему шахт

[1] Платок, в котором японцы обычно носят вещи.
[2] Японская картина или образчик каллиграфии на продолговатой полосе шелка или бумаги.
[3] Стенная ниша с приподнятым полом и полочками.
[4] Широкий пояс, обычно из плотного шелка, которым японские женщины опоясывают кимоно.
[5] Раздвижные части стены в японском доме.
[6] Раздвижные перегородки.

и тем самым снискал себе популярность среди избирателей.

По мере того, как приближался день выборов, оказалось, что происшествие с кинжалом возымело куда большее воздействие на умы людей, чем это можно было предполагать. Оки это происшествие принесло лишь популярность, а Ямасиро — одни неприятности. Что касается Сасакава, в свое время отчаянно защищавшего друга, то и ему тоже за это досталось.

Консервативная группировка атаковала силы противника во главе с Дайсаку Оки, которые действовали единым фронтом под флагом борьбы против урона, который наносили городу шахты.

Оки обратился к своему излюбленному приему — цитированию иностранцев — и бросил такой клич:

— Знаменитый Стриндберг писал: когда среди десяти помешанных появляется один нормальный, сумасшедшие начинают между собою шептаться: «Послушай, ведь он же помешанный, берегись его!» Вот так и в нашем городе. Друзья, вы должны быть настороже с безумцами!

Если следовать теории Дайсаку Оки, то выходило, что и Ямасиро и Сасакава — сумасшедшие; по этой причине попираются принципы демократии, зиждущиеся на решениях большинства. Простодушная провинциальная публика была в восторге от учености Оки, и популярность его росла день ото дня. Клевета Ямасиро обратилась черной стрелой против него самого.

Глубокая уверенность в том, что лишь деньги решают успех, оказалась поколебленной, и оба друга пребывали в полной растерянности. Возобновить все сначала в надежде попытать счастье в последний раз было уже поздно: пришел день выборов.

Шел такой дождь, как в период байу [1]. Подсчет голосов, к которому приступили ранним утром, к полудню был наполовину закончен. Обстановка прояснялась; уже появился список кандидатов, избрание которых не подлежало сомнению. По количеству голосов Дайсаку Оки еще утром стоял на третьем месте, в связи с чем пострадавшие от обвалов неоднократно разражались аплодисментами.

Ямасиро и Сасакава получили сверх ожидания мало голосов и до самого конца оставались в неизвестности, будут ли они избраны вообще. Оба друга то бледнели, то краснели, а сердца их наполняла ненависть к вероломным избирателям. Полученные голоса никак не оправдывали тех расходов, которых стоила вся эта кампания.

Счастливчики, которые не сомневались в своем избрании и хвастались тем, что по количеству голосов они окажутся никак не ниже десятого места, просто смотреть не могли, как нервничают кандидаты, и по одному, по двое покидали зал.

Для депутатов было приготовлено и вино, и пиво, и обильная еда, но никто из них не прикоснулся к палочкам. И в магазине Сасакава и в игорном заведении Ямасиро царила одна и та же атмосфера. Велосипедисты с вестями из муниципалитета прибывали в такую непогоду с опозданием. Ямасиро вызвал такси и решил поехать в контору к другу узнать, как дела, но Сасакава с той же целью отправился к Ямасиро.

Когда провал казался неизбежным, оба они ощутили такой прилив ненависти и злобы к Дайсаку Оки, что даже дрожь пробегала по их телам. Теперь не приходилось сомневаться, что случай с кинжалом — главная причина провала.

Оказавшись рядом, приятели хлопнули друг друга по плечам и, скрежеща зубами, поклялись отомстить Оки.

В четыре тридцать были сообщены последние данные голосования. Оки поднялся с третьего места на второе, Ямасиро и Сасакава тоже попали в число избранных. Однако на тридцать шесть мест оказались избранными тридцать семь человек. Дело в том, что оба друга получили одинаковое минимальное количество голосов. Избрать-то их избрали, но увеличивать число депутатов не представлялось возможным, оставалось одно: кого-то из них лишить депутатского звания.

Прежде в таких случаях поступали просто: депутатский мандат отдавался старшему по возрасту. Но новый избирательный закон отражал дух новой конституции, разбивавшей феодальные устои. Добродетели, зиждившиеся на принципах старшинства, ныне отрицались, вместо этого предлагалось бросать жребий. Способ жеребьевки определялся на добровольных началах.

Таро Ямасиро и Дзиро Сасакава пытались уломать друг друга, используя один и тот же аргумент: «Раз ты мой друг, уступи же мне». Они осаждали друг друга мольбами и просьбами. Правда, чувство дружбы помешало им дойти до открытого разрыва и ссоры, но все же оба смутно почувствовали, что дружба дружбой, а личный престиж, в конце концов, прежде всего. К каким только уловкам они не прибегали: один предлагал деньги, уступал право владения кинотеатром, другой обещал найти новую, куда более красивую любовницу,— но разве все это могло заменить почет и славу депутата муниципалитета? Оставалось одно: набраться мужества и ждать, что покажет жеребьевка.

Между тем супруги обоих приятелей молили, чтобы их мужья провалились. Каждая была уверена, что в распутстве и во всех безобразиях, творимых их мужьями, виновато только депутатское звание; они не могли дождаться того дня, когда супруги наконец лишатся его. «Перестанет быть депутатом — бросит и любовницу»,— так, в простоте душевной, думала каждая из них, и в день жеребьевки они зажгли светильники у домашних алтарей и обратились с горячей молитвой к богам. Однако перед мужьями они прикидывались, что молятся за их победу.

Обе любовницы тоже взывали к богам и к самой богине урожая — Инари. Но они были искренни, прося небо помочь любовникам выиграть победу. Конечно, трудно утверждать, была ли тут первопричиной любовь или нет, но, во всяком случае, ни ту, ни другую нельзя было упрекнуть в неискренности.

Несколько склонная к фанатизму Мацуэ — любовница Сасакава — так старательно начищала алтарь, так горячо склонялась в молитве и была так красива в эти минуты, что Сасакава был просто потрясен. «Я буду избран, чего бы то ни стоило!» — решил он и молился

за то, чтобы Ямасиро провалился. Но друг Ямасиро испытывал точно такие же чувства.

Жеребьевка производилась в здании муниципалитета. Толпа зевак атаковала зал, но туда пустили только тех, кто был непосредственно причастен к этой процедуре. На лицах Ямасиро и Сасакава не было ни кровинки. «Ирония судьбы!» — с горестью и негодованием думали они и обменивались друг с другом многозначительными улыбками; но чем дальше шло время, тем становилось труднее обмениваться и взглядами и улыбками.

— Ах, какая разница, кто из нас победит! Победивший все равно будет работать за двоих! — так старались они убедить окружающих, но с каждым часом напряжение усиливалось, и кто знает, быть может, подозрительные огоньки, мелькавшие в их покрасневших от нервного напряжения глазах, были не чем иным, как искрами ненависти!

Пятьдесят шариков упали один за другим в круглый сосуд; казалось, что капли дождя бьют о зонт. Каждый шарик имел свой номер. Было решено: выпадет четный — избирается Ямасиро, выпадет нечетный — победа за Сасакава. Один из присутствующих подал сигнал. Девочка с завязанными глазами, дочь одного из служащих муниципалитета, подняла худенькую белую ручку и опустила ее в сосуд. Зал замер. Но вот она вынула один из шариков, ответственный за процедуру принял его и тут же показал всем присутствующим. Выпал номер «29».

— Банзай! — неожиданно для самого себя завопил Сасакава и вскочил со своего места.

Десять присутствующих подхватили этот возглас. Из уст Таро Ямасиро вырвался какой-то нечленораздельный звук; он упал ничком на стол и замер в скорби.

После выборов оживление утихло не сразу, несколько нарушителей было арестовано и препровождено в тюрьму. Но все это было в порядке вещей; в конце концов, еще не случалось, чтобы по этой причине кого-то лишали депутатского звания. Ах, если бы хоть с одним случилась такая беда, тогда Ямасиро автоматически поднялся бы снова до депутата! Ямасиро буквально бредил этим, но то был глас вопиющего в пустыне. Он хорошо знал злостных нарушителей, но пожаловаться на них значило разбередить осиное гнездо. Пожалуй, и сам окажешься в ответе, независимо от того, что провалился. Да и при существующей системе выборов было бы неразумно поднимать шум против нарушений. Он прекрасно понимал, что все и каждый соперничают друг с другом в том, как искуснее обойти закон, поэтому Ямасиро предпочитал обходить молчанием действия своих коллег.

Однажды Сасакава, прихватив с собой бутыль вина, решил навестить и утешить друга. Ямасиро встретил его, полный бодрости.

— Эй, жена, к нам пожаловал сам господин депутат, подогрей-ка поскорее водочки! — закричал он при виде друга.

Сасакава никак не ожидал встретить друга в таком приподнятом состоянии, но не успела жена Ямасиро скрыться в кухне, как от оживления Ямасиро не осталось и следа.

— Мужчина я, вот и приходится напускать на себя веселье, а по правде говоря, тяжко мне! — прошептал Ямасиро, и из его глаз закапали слезы.

...Между тем открывалось первое заседание муниципалитета нового состава. В первую очередь предстояло выбрать председателя и вице-председателя. Консервативная группировка горела решимостью во что бы то ни стало лишить Дайсаку Оки

[1] Дождливый сезон в начале лета.

председательского места и разрабатывала с этой целью ряд тактических мероприятий. Мэр города был из консерваторов, и, естественно, Оки не пользовался его расположением.

Сам же Дайсаку Оки отнюдь не собирался дать себя в обиду. Он был твердо уверен, что стоит ему, Оки, с его энергией, с его чувством справедливости, уйти с поста председателя, как муниципалитет окажется всецело во власти черных сил, а пострадавших от шахт ждут новые несчастья. По существу, Оки не исповедовал никаких политических взглядов, но, может быть, такой тип деятеля и нужен был для этого города.

Консерваторы не знали ни сна, ни отдыха, занимаясь подкупом и переманиванием на свою сторону депутатов в твердой решимости повести за собой большую часть членов муниципалитета.

Но председатель Оки тоже не зевал и проявлял не меньше рвения, чем его противники. Ямасиро хотя и не был больше депутатом, но по-прежнему люто ненавидел Оки и предложил через Сасакава свои услуги консерваторам. Вечером накануне выборов председателя Ямасиро завел в ресторан двух депутатов из числа тех, кто тянул сторону Оки и его группы, и не пожалел денег ни на вино, ни на женщин. На следующий день депутаты проснулись в тот час, когда выборы вот-вот должны были начаться, но они еще лежали в объятиях женщин, не успели прийти в себя от хмеля, и о голосовании им нечего было и думать. Оно прошло без их участия, но Оки удалось таким же способом отвлечь от голосования шесть человек, и он снова занял председательское место.

Говорят, жена Сасакава — Юкико,— узнав, что Ямасиро забаллотирован, захлопала в ладоши от радости. Казалось, это явно противоречило ее недавним устремлениям: ведь она же сама просила богов помочь провалиться ее супругу. Однако, поразмыслив, Юкико не могла не порадоваться провалу Ямасиро. К этому времени она успела разузнать о существовании любовницы и даже однажды ворвалась во второй этаж игорного заведения. Теперь она чаще стала избивать своего супруга. Удостоверившись, что любовница ее мужа была сосватана не кем иным, как Ямасиро, она заявила Сасакава:

— Можешь заниматься игрой, можешь гулять с девками, но поддерживать дружбу с таким, как Ямасиро-сан [1], тебе совершенно незачем. Какими качествами депутата может обладать этот изверг? Я всегда была уверена, что он провалится!

Но что бы ни говорила жена, она была бессильна разорвать узы, связывавшие Сасакава с Ямасиро, хотя последний и перестал бывать в доме друга.

Итак, приятели сумели сохранить дружеские отношения, и кинотеатр, к строительству которого они приступили еще до выборов, вскоре был открыт на совместных началах. Специализировались они на японских фильмах.

В день открытия маленький кинотеатр был украшен гирляндами. И вот тут в вестибюле появился один из коллег и спросил у Ямасиро, почему нет гирлянды от председателя Оки. Ямасиро встретил этот вопрос презрительной улыбкой.

— Неужели вы полагаете, что я нуждаюсь в гирлянде от такого типа? Да попробуй пришли он, венок будет немедленно отправлен назад! — ответил он, пожимая плечами.

— Что вы, что вы, куда это годится? — заговорил коллега, понизив голос.— Я не хочу советовать вам ничего плохого, но поверьте, вы должны просить Дайсаку Оки, чтобы он прислал вам венок.

Коллега старался внушить Ямасиро, что владелец ломбарда Оки — весьма влиятельный финансист в области всякого рода увеселительных предприятий, и тех, кто пытается оказывать ему сопротивление, ждет неизбежное разорение.

— Помимо всего, Оки — популярная в нашем городе фигура. Увидев, что на здании нет гирлянды от председателя, зрители просто не будут посещать ваш театр. Если вы серьезно думаете о торговых делах, нужно отбросить прочь все это глупое упрямство.

Однако Ямасиро продолжал стоять на своем.

— Разорение — так пусть будет разорение! — бесстрашно кричал он.

Неизвестно, кем и когда была принесена гирлянда, но, во всяком случае, на дверях вестибюля появился маленький дешевый венок от Дайсаку Оки.

«Раз этого требуют обстоятельства, получай! — как бы говорил этот венок.— С тебя и такого хватит!» Именно о такого рода презрении говорил весь вид этого венка. Ямасиро негодовал, но Сасакава почему-то настоятельно молил его смириться только на этот раз, и Ямасиро внял мольбам друга.

С тех пор, как Ямасиро перестал быть депутатом, чувство одиночества и заброшенности никогда не покидало его. Ему казалось, что теперь и прохожие-то на улице смотрят на него совсем по-другому. Ямасиро был уверен, что и отношение самого Сасакава к нему переменилось. Прежде Ямасиро, первым добившийся поста депутата, был для Сасакава вроде старшего брата, а ныне тот обращался с ним, как с младшим. Казалось, только любовница, имевшая от него ребенка, ни в чем не переменилась. Но за последнее время она почему-то стала меньше докучать своими просьбами. Когда-то это надоедало, но с тех пор, как она перестала клянчить, Ямасиро невольно думалось: «Уж не презирает ли она меня?»

Переполох, в свое время поднятый в его доме из-за счета, по ошибке попавшего в руки законной супруги, теперь вызывал лишь приятные воспоминания. В этом все-таки жизнь, сила чувствовалась...

Между тем Сасакава кружился в вихре хлопот, забот и разных дел. Злосчастный кинжал был возвращен супруге, но вскоре Сасакава постигла неприятность: при перевозке оказалась вдребезги разбитой партия дорогой посуды, купленной за большие деньги в городе Утамати. В глазах же Ямасиро эта груда разноцветных черепков ровно ничего не значила по сравнению с тем ореолом славы, которая окружала Сасакава — члена муниципалитета, Сасакава — председателя транспортного комитета, Сасакава — члена культурного комитета. Ямасиро сгорал от зависти. Нет, он не мог ждать, пока истечет четырехлетний срок депутатских полномочий. Путь к депутатскому месту был один: ждать, пока кого-нибудь лишат депутатского звания либо кто-нибудь умрет. На первое было слишком мало надежд. Правда, немало нарушителей оказалось арестованными, среди них находились и кандидаты, но суд только и знал, что тянул время; проходил год, другой, и в конце концов дело, как правило, заминалось. Разумнее было ожидать чьей-нибудь смерти. Среди тридцати шести депутатов были и престарелые и больные. Ямасиро начал вести неустанный надзор над депутатами муниципалитета. Едва прослышав, что кто-то из депутатов заболел, он немедленно посылал к нему доверенное лицо либо сам наносил визит. Ямасиро проявлял максимум внимательности даже к людям малознакомым. Ну, а уж если кто-либо из знакомых попадал на операционный стол по причине язвы желудка или камней в печени, он начинал молить о его смерти. Если депутат отправлялся по делам в Токио, Ямасиро молил, чтобы с поездом или самолетом произошла катастрофа.

Однажды старик, хозяин большого магазина по продаже сои, подвергся операции легких; прошел слух, что он безнадежен. Это так обрадовало Ямасиро, что он не поленился специально отправиться в университетскую больницу, а при встрече с близкими выразить им соболезнование и сочувствие.

— Право же, не стоит так беспокоиться. Он человек в возрасте, главное, чтобы перенес кризис....

Сам же тайком переговорил с врачом и узнал, что в таких случаях погибают восемь — девять из десяти.

«Ну вот, кажется, приближается день, когда я снова буду депутатом!» — думал Ямасиро, и от радости на его глазах заблестели слезы.

Вернувшись домой, Ямасиро пригласил Сасакава и других близких ему лиц и устроил угощение. Раскрыть причину пиршества он не решился, но успел шепнуть на ухо другу, в чем дело, а в уме уже подсчитал, во что обойдутся на похоронах курительные палочки.

Но, на беду, у старика-депутата оказалось крепкое сердце, послеоперационный период он перенес хорошо, и дело явно пошло на поправку. Ямасиро пал духом.

Однажды во время экскурсии членов комитета по вопросам гигиены Ямасиро пришла мысль: а что, если в этой долине красных кленов сбросить с утеса одного из охмелевших депутатов? Опьяненные ароматами люди, быть может, и не заметят убийства... И все-таки Ямасиро не решился на такой шаг.

Мир явно изменился. Тот, кто прежде был обречен на смерть, ныне выздоравливал, и все, видимо, по причине прогресса медицины и распространения хороших лекарств. Право же, человеческая жизнь удлинилась на добрых десять лет! Взять хотя бы самих Ямасиро и Сасакава: им уже под пятьдесят, а чувствуют они себя, как сорокалетние. Как-то, услышав, что храмы и крематории пустуют по причине отсутствия покойников, Ямасиро вознегодовал на расцвет цивилизации.

И вот тут в городе произошло происшествие. Почва вновь осела, и под землей оказались дома и люди. Штреки прокладывались в недозволенных районах и на недозволенной глубине. Все пришло в волнение. Было созвано чрезвычайное заседание муниципалитета. Страсти кипели, зал гудел. Можно было подумать, что этот, подобный гиппопотаму, Оки вот-вот взорвется от гнева и возмущения. Голос его звенел, как надтреснутый колокол, и снова казалось: от его раскатов гвозди гнутся в стенах обветшалого зала заседаний.

— Я ли не предупреждал постоянно об одном и том же: это не должно повториться,— и вот, пожалуйста, та же история! Мэр, депутаты, народ, слепы вы или глухи? — И Дайсаку Оки так стучал по столу, словно хотел расколоть его.

Слушатели разразились неистовыми аплодисментами. Среди них находился и Ямасиро, но он не аплодировал, а лишь бросал на Оки взгляды, полные ненависти.

— Председатель, но ведь средства для переселения из опасных районов отпущены! Беда в том, что ты засиделся на своем месте! — вдруг объявил Сасакава.

— Что? Это наглые обвинения!..— взревел Оки, и в этот самый миг зрачки у него закатились, и со страшным грохотом Дайсаку Оки повалился с председательского места.

Как погибшего на посту, Оки хоронил муниципалитет. Он и прежде, видимо, страдал высоким давлением; излишнее волнение вызвало кровоизлияние в мозг. Смерть Оки открыла Ямасиро путь к депутатскому месту. Похороны были очень пышные, венков масса. Преподнесенный Ямасиро огромный венок был пышнее всех остальных в зале.

Перевела с японского В. ЛОГУНОВА.

[1] Сан — вежливая приставка к фамилии.

ОГНИ В СУМЕРКАХ

Одно из древнейших государств на земле, Корея, или Чосон, — Страна Утренней Свежести, — тридцать пять лет было японской колонией. Особенно яростно японские капиталисты эксплуатировали Чосон в тридцатые годы, когда эта страна превратилась в сырьевой и военно-промышленный придаток агрессивной империи микадо.

Сумерки сгущались над Страной Утренней Свежести. Но во мгле их зажигались огни национально-освободительного, революционного движения. Организатором его был молодой корейский пролетариат. О первых шагах патриотов-революционеров в борьбе против японских захватчиков и нарождавшегося в Корее класса буржуазии рассказывает в своем романе «Сумерки» современный корейский писатель Хан Сер Я.

В основе книги лежит поэтическая история маленькой кореянки, смелой и упорной девушки Е Сун, решившей завоевывать свое счастье в труде и самостоятельной жизни.

Е Сун уходит из богатой семьи, где воспитывалась и была гувернанткой, поступает на текстильную фабрику. Вскоре у нее появляются друзья — работницы и рабочие. Сердце приводит Е Сун к тем, кто организует борьбу рабочего класса против хозяев заводов и фабрик. Писатель создает образы рабочих — революционеров Чун Сика и Хак Су, людей большой души и отваги, людей, из которых сложилась Коммунистическая партия Кореи.

Хан Сер Я много лет участвовал в борьбе рабочего класса за национальную независимость и социальное переустройство своей родины. Образы героев романа он брал прямо из жизни, и это придало повествованию особую убедительность.

Хан Сер Я — настоящий художник слова. В небольшом романе ему удалось показать очень многое. Перед читателем встают картины жизни простых людей Кореи, нарисованные человеком умным и проницательным, с точным, ясным зрением и чутким сердцем.

В предисловии к русскому изданию Хан Сер Я написал: «Я буду счастлив, если моя книга поможет советскому читателю оценить благородство и героизм моего народа, если она хоть в какой-то степени послужит еще большему сближению советского и корейского народов, у которых одни и те же жизненные интересы...»

Советский читатель еще недостаточно знаком с корейской литературой, в частности с ее прозой. Очевидно, нашим издательствам, в первую очередь Издательству иностранной литературы, следует опубликовать на русском языке романы и повести о Корее периода партизанской борьбы с японскими оккупантами, освободительной войны против американских интервентов и лисынмановцев, периода мирного строительства. Такие романы и повести есть.

Хан Сер Я, например, несмотря на большую загруженность государственной и общественной работой — он министр просвещения КНДР и председатель Союза писателей,— в последние годы написал романы «История» и «Сербонсан» — из истории героического партизанского движения, организованного Ким Ир Сеном,— а также роман-трилогию «Тэдонган»—об отечественной освободительной войне. Эти произведения, как и многие произведения Ли Ги Ена и поэта Те Ги Чена, погибшего в годы освободительной войны, являются заметным вкладом в прогрессивную литературу мира. На конференции писателей стран Азии и Африки литература новой Кореи, очевидно, займет достойное место.

Виктор СЫТИН

Хан Сер Я. Сумерки. Гослитиздат. Москва. 1958. 191 стр.

«РАНО УТРОМ НА ЖЕСТКОМ МОРОЗЕ...»

Бывает, что от одного чукотского стойбища до другого — несколько сотен километров. Дорога тянется долго. Каюр — «водитель собачьей нарты», — когда нарта поднимается на гору, соскакивает со своего сиденья и помогает собакам. Потом он спускается на равнину и во время своего длинного пути по солнцу и пурге поет гортанным голосом. О чем? Далеко «мышкует» лиса, ее видно — каюр поет о ней. Широко раскинулись горы по обе стороны долины — каюр споет об этих горах и найдет такие точные определения для них, о которых может мечтать заправский поэт. А вот рядом высунул голову занесенный снегом кустарник, и с него слетела ворона, собаки погнались за вороной, потом вернулись на дорогу — и снова начался длинный снежный путь. И об этом споет каюр. Такая песня проста, как дыхание, и удивительно поэтична.

Издательство «Молодая гвардия» выпустило первую книгу стихов первого чукотского поэта Кеулькута в переводе Николая Старшинова. Стихи Виктора Кеулькута напоминают песни чукотского каюра. Кеулькут пишет, казалось бы, бесстрастно, только о том, что видит вокруг:

В море — серые торосы.
Нерпа вылезла на лед.

По ветру поводит носом,
зорко смотрит: кто идет?

Чайка ходит по болоту, комары надоедают оленям, вышагивает малыш в красных штанишках, ковыляет старик: думает убить куропатку, но зрение уже не то, что в молодости. Так и не убил. А на льду идет серьезное дело — охота на моржей. Обо всем этом пишет Виктор Кеулькут.

Имеет ли право на существование такая созерцательная поэзия? То, о чем пишет Кеулькут, сразу же начинает видеть и читатель. Просто и красиво. Но созерцание ли это? Вдруг в стихи Кеулькута врывается негодование. Это негодует советский человек, которому органически противно все, что мешает жить нашим людям. В своем негодовании он немножко наивен. Он пишет в гневных стихах «Человеку с плохой душой»:

Ладно, не смотри вокруг
постыло.
Если сердца нет в твоей
груди,
почеши безмозглый свой
затылок
и куда угодно уходи.

А другого человека, бывшего когда-то другом, но изменившего дружбе, он даже жалеет в стихах «Плохому товарищу»:

Ты кажешься мне сиротою,
Звездой, ушедшею в туман.

Мягкие, ласковые и гневные стихи Виктора Кеулькута — отрадное явление в нашей поэзии.

П. КРАВЧЕНКО

Виктор Кеулькут. Пусть стоит мороз. Изд-во «Молодая гвардия». 1958. 63 стр.

Революционеры по призванию

Кратко характеризуя содержание своего романа «Жизнь Клима Самгина», А. М. Горький писал, что в центре его произведения находится «фигура «революционера поневоле», из страха пред неизбежной революцией — фигура человека, который чувствует себя «жертвой истории». Эту фигуру автор считает типичной.

Самгин маскирует себя из страха перед неизбежным крушением столь необходимых для него жизненных благ, он плетет лживые фразы о революции и народе, подличает, изворачивается, меняет обличье...

Процесс совершенно обратный — процесс постепенного внутреннего роста нового человека, истинного революционера, с самого детства чувствующего себя — сознательно и радостно — не «жертвой истории», а ее строителем, рисует книга нашего современника, писателя Вадима Кожевникова «Заре навстречу».

Юного Тимошу Сапожкова тоже на наших глазах формирует среда, вся окружающая обстановка, родители и их многочисленные друзья, товарищи по работе. Но это вовсе не те интеллигенты «средней стоимости», для которых социальная революция оказалась органически неприемлемой и которых беспощадно обличал Горький. Это лучшие, передовые, светло и ясно мыслящие люди революционной эпохи. Это ленинская когорта революционной интеллигенции, профессионалы - подпольщики. Тюрьма, ссылки, аресты, побеги — все прошла семья Сапожковых, их близкие, друзья. И каким же прямым, гордым, честным, любознательным растет возле них и благодаря им Тимоша!..

Очень важно, что В. Кожевников, идя в русле горьковских традиций, тщательно прослеживает рост души, ее горячую целеустремленность и вовсе не отнимает детства у своего героя.

В одной из удивительно сердечных сцен первой книги отец Тимоши ведет с сыном серьезный разговор о будущем. Может быть, он говорит с сынишкой, уже видя в нем взрослого человека, когда выражает непонятное мальчику сожаление, что ему-то самому, фельдшеру Сапожкову, не удалось получить инженерное образование, которое так понадобится людям освобожденной России.

Да, конечно, Тимоша еще очень мал. Однако окружающие его чудесные люди отнюдь не воспринимают Тимошу как игрушку, забаву. Они растят его как свою смену, все время действительно видя в нем ребенка-товарища. Благодаря этому Тима Сапожков и проходит многообразную, богатую нравственным содержанием школу жизни. После первых горьких неудач Тимоша привыкает к суровым требованиям конспирации; он посвоему становится помощником родителей в выполнении многих серьезных заданий партии...

По ходу стремительно развивающегося сюжета автор на протяжении обеих книг показывает семью революционеров Сапожковых в переплетении самых различных событий, ситуаций. С каждым новым сюжетным поворотом перед читателями книги раскрывается все более широкая картина жизни, в которой вспыхнуло победною зарею благодатное, живительное дело революции.

Нет, не как разрушительный смерч, от которого надо либо понадежнее укрыться, либо похитрее к нему приспособиться, чтобы уберечь себя, уцелеть во что бы то ни стало, видят и воспринимают революцию Тима Сапожков, все его близкие. Они сами совершают революцию и встречают ее как желанное время высвобождения народных сил для замечательных свершений.

Если Клим Самгин, по словам самого Горького, «проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне», то Тимофей Сапожков и его близкие, проходя сквозь ряд непреодолимых, казалось бы, испытаний, переживают такие настроения, которые вновь и вновь утверждают в человеке благородную цель служения родному народу. Сколько уже встретилось нам на страницах книги и осталось позади расставаний, лишений, опасностей, тяжелого труда, смертей, горя... Где уж тут говорить об «удобствах»! Но вот и вторая книга о Тимошином детстве кончается, а мальчик, герой книги, оказывается перед лицом новых испытаний, новых разлук... Мать Тимоши оказалась отрезанной от своей семьи, в Сибири, где власть захватили белые. А Тимошин отец, покидая сына, уходит с шахтерским отрядом на гражданскую войну.

В книге, конечно, не все равноценно. Есть в ней и проходные сцены, ряд второстепенных образов, выполняющих чисто «служебную», иллюстративную роль. Но это объяснимо. Ведь автор поднимает во многом не тронутые еще жизненные пласты, стремясь столкнуть своих героев — Сапожковых, неизменно сохраняющих всю прелесть живых характеров,— с людьми многих слоев населения взбудораженной России, показывая реальные трудности перестройки огромной страны.

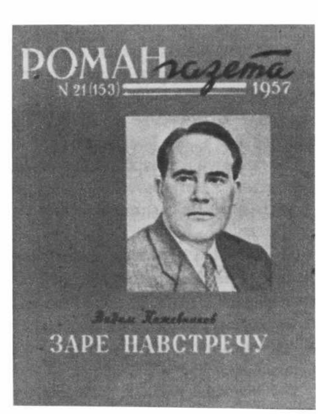
На штурм этих трудностей обдуманно, героически идут люди партии, большевики. Они никому не уступят революцию, будут и дальше бороться за нее. Это уже отчетливо живет в сознании мальчика, воспитанного в народной среде.

Нет, не показному бодрячеству, не тщеславию, не душевной фальши научила Тимошу Сапожкова эта среда, а выносливости, человеческому мужеству. Люди партии передали мальчику в наследие тот бесценный дар, которым в совершенстве владели сами: партийную, нерушимую, искреннюю веру в будущее, умение приносить жертвы ради него, торопить, приближать это будущее.

Но ведь будущее всегда впереди у великого народа...

Именно поэтому так крепка у нас связь с революционным прошлым, что оно часть единой эпохи, рожденной подвигом народа, подвигом партии. И писательский труд В. Кожевникова радует как раз тем, что он светло и приподнято раскрыл живую душу строителей этой эпохи, создал волнующие образы большевиков, революционеров по призванию.

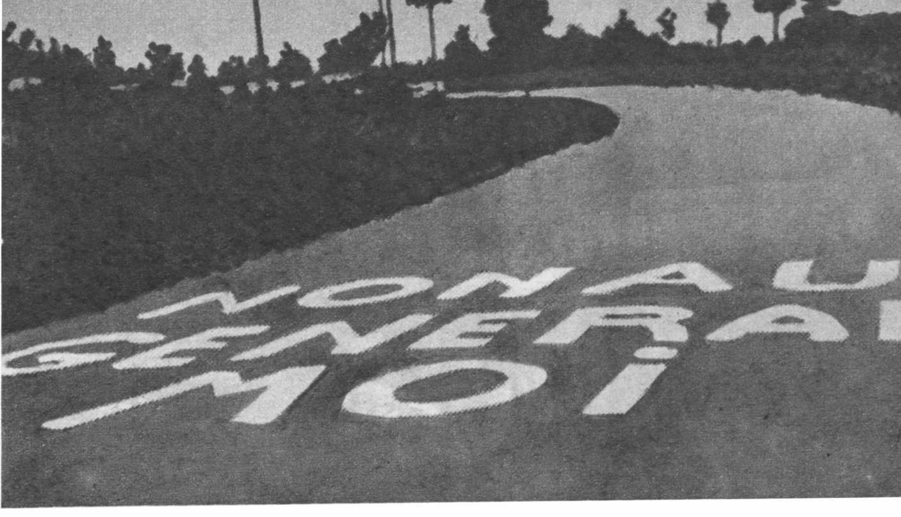
Н. ТОЛЧЕНОВА

Вадим Кожевников. Заре навстречу. Роман. Детгиз. 1958. 766 стр.

ФРАНЦИЯ ПЕРЕД ПЛЕБИСЦИТОМ

(По страницам французской печати)

Надпись на шоссе в Пиренеях: «Нет» генералу «Я».

Листая страницы боевого органа Французской коммунистической партии «Юманите», читатель ощутит бурное нарастание борьбы трудящихся Франции, всех честных французских патриотов против попытки толкнуть их страну на опасный путь личной диктатуры. Одна за другой печатаются в «Юманите» десятки резолюций различных отрядов трудящихся, решивших в день референдума своим отрицательным голосованием преградить путь фашизму. «Нет!» — скажут массы горняков Севера и Па-де-Кале, машиностроители Парижа, докеры Марселя и Бордо. Против будет голосовать Национальный союз учителей; то же решение приняли делегаты союзов государственных служащих, примыкающих к Всеобщей конфедерации труда. «Нет!» — говорят муниципальные советы ряда департаментов и городов.

Сто семь миллионов франков — такова сумма взносов в защиту республики, сделанных на 10 сентября трудящимися Франции.

Не только коммунистическая партия, выразитель подлинных чаяний и интересов народа, зовет французов отвергнуть конституцию личной диктатуры. Газета печатает снимок собрания «Объединения демократических сил», выступившего под лозунгом борьбы против ликвидации республики. В президиуме — один из лидеров партии радикал-социалистов, Пьер Мендес - Франс, социалисты Даниэль Мейер и Робер Вердье.

Реакционная печать неистовствует, изо всех сил стараясь разрекламировать «прелести» государственного порядка, который обещает новая конституция. Но кое-какие правые газеты, состоящие на службе у финансового капитала, проговариваются. «Ле Нор Эндюстриель» цинично пишет о «грядущих переменах»: «Они принесут те же ценнейшие выгоды, какие есть у Германии Аденауэра, Португалии Салазара и Испании Франко». Листок так называемого «Комитета общественного спасения», орган фашиствующей военщины в Алжире, выразился еще откровеннее: «Эта конституция носит переходный характер. Режим, который она установит, тоже будет переходным... Власть, предоставляемая президенту, — это троянский конь, который проникнет внутрь старой системы».

По поводу подобных откровенных заявлений Морис Дюверже в газете «Монд» пишет: «Режим, предлагаемый нам, это режим, о котором мечтали версальцы в 1871 году».

Как известно, 4 сентября правительство де Голля устроило на площади Республики в Париже помпезный спектакль, который должен был продемонстрировать так называемое «тесное единение» нации вокруг проекта конституции. На деле эта инсценировка показала лишь непроходимую пропасть между реакционными кругами крупного капитала, стремящимися установить во Франции свою диктатуру, и народными массами.

Просеиваемые сквозь полицейские цепи и рогатки, пробирались на площадь приглашенные. Все это были знакомые парижанам фигуры! Тут, как сообщали газеты, были и бывший член фашистской организации «Огненные кресты» Леотар, и не менее известный фашист Доржелес, и миллиардер Ланиель, а рядом с ними, на правительственной трибуне,—вдохновитель алжирских фашистов-мятежников Сустель и «социалист» Ги Молле.

А в это время на прилегающих к площади улицах волновалось людское море парижан, пришедших заявить свое «нет» антинародной конституции, свою решимость преградить дорогу фашизму. Тысячи охранников обрушились с дубинками на народную демонстрацию, не щадя ни женщин, ни стариков. В газете «Монд» напечатаны письма свидетелей этих полицейских расправ. Читатель газеты Жан Козере пишет:

«Я не видел ни одного демонстранта, который каким бы то ни было образом нападал на полицейских... Но я видел многих «охранников», избивавших людей, обращенных в бегство. Многим наносили удары дубинками по голове, а некоторым и по лицу. Многих женщин подымали с земли с окровавленными лицами...»

Католическая газета «Ла Круа» вынуждена была отметить «дикое поведение беснующихся фашистов, действовавших под защитой полиции и координировавших с нею свои действия». Даже стопроцентно деголлевская газета «Комба» предалась меланхолическим признаниям: «Вокруг площади Республики было столько полиции, что за километр в окружности нельзя было к ней приблизиться, и площадь была наполовину пуста в то время, как по ее краям скандировали «Фашизм не пройдет!..».

Все средства государственной власти используются для агитации в пользу антинародной конституции. Парижский журнал «Экспресс» сообщает, что так называемый «Центр французского осведомления» — учреждение, подчиненное правительству,— получил из государственных средств три с половиной миллиарда франков для пропаганды. И в то же время Всеобщей конфедерации труда, крупнейшему во Франции профсоюзному объединению, охватывающему миллионы трудящихся, правительство отказало в праве «принимать официальное участие в кампании по референдуму», то есть выступать по радио и вывешивать плакаты на отведенных для этого местах.

Все с большей силой нарастает сопротивление демократических сил Франции проекту конституции, которая призвана открыть дорогу фашизму. Самым последовательным и решительным отрядом этих сил является Коммунистическая партия Франции.

«Коммунисты,— пишет «Юманите»,— были правы, тысячу раз правы, когда без всяких колебаний заняли свою позицию (в вопросе о референдуме). Это их разъяснения помогли просветить наших сограждан, вовремя предупредить их об опасности. Это благодаря им все более широкие круги населения становятся противниками проекта конституции, и результатом этого явилось — и мы этому должны быть рады — то, что последовательную республиканскую позицию заняли многие политические деятели, которые долгое время добросовестно занимали колеблющуюся позицию». Как всегда, Французская коммунистическая партия — на боевом посту. Она зовет французов сказать «нет» в день референдума, превращаемого реакцией в подобие гитлеровского плебисцита.

Фарс референдума в Алжире

26, 27 и 28 сентября у французских парашютистов, у полицейских и жандармов Алжира будет много работы — референдум! Не так-то просто заставить миллионы людей «добровольно» заявить, будто они не арабы, не алжирцы, а исконные французы, что их родина — не Алжир, а «три департамента Франции в Северной Африке».

У французской колониальной администрации есть, правда, немалый опыт в организации и проведении такого голосования. Когда весной проходили выборы в Того, некоторые избиратели были ошеломлены, увидев в избирательных списках и среди проголосовавших своих давно умерших родственников. В Алжире по сей день вспоминают, как в 1951 году в местечке Буджерба было собрано во время выборов 800 голосов, хотя в списках числилось всего 500 избирателей.

В городе Алжире уже зарегистрировано 90 процентов избирателей. Это небывало высокий процент: вероятно, снова пришлось основательно поработать кладбищенским сторожам, переписывая имена с надгробных плит. Как сообщает печать, при регистрации участников голосования «большую помощь» оказали солдаты, разнося регистрационные листки по квартирам...

Кому нужен референдум? Он нужен Алжирской компании, акционерам которой было бы «больно» потерять 70 тысяч гектаров земельных владений. За референдум ратует землевладелец Блашетт, получающий полтора миллиарда франков дохода в год. За референдум, то есть за право продолжать разграбление Алжира, выступают парижские банки и нефтяные компании. Нефть Сахары крепко ударила им в голову.

Референдум 26—28 сентября явится выражением мнений французских автоматчиков. Что касается алжирского народа, то он сказал свое слово еще 1 ноября 1954 года, начав вооруженную борьбу за независимость.

Алжирский народ начал борьбу за то, чтобы в стране не было полутора миллиона безработных, чтобы 50 процентов алжирских детей не умирало в возрасте до пяти лет, чтобы крестьянину вернули его землю. В 1830 году, когда в Сиди-Фарруш высадился первый французский десант, в Алжире был меньший процент неграмотного населения, чем во Франции, а в 1954 году, в год восстания, только девятнадцать алжирских детей из ста посещали начальную школу.

«Алжирский народ ясно высказался на поле брани», — пишет центральный орган Фронта национального освобождения Алжира газета «Эль Муджахид». И продолжает: «Пусть комитеты общественного спасения» тешат себя тем, что 98 процентов алжирцев и алжирок отдадут свои голоса де Голлю. Последнему, несмотря на это, придется удовлетворять просьбы генерала Салана о подкреплениях, строить линии Мориса, оберегать урожай, охранять штатских, охранять военных; ему придется продолжать войну в Алжире».

Референдум никого не обманет, кроме тех, кто хочет быть обманутым. А есть и такие. В английской и американской печати, в печати стран, помогающих своим вооружением французскому правительству в его истребительной войне против свободолюбивого алжирского народа, звучат лицемерные голоса лжедрузей Алжира, уверяющие, будто новая французская политика «несет мир измученной стране».

Алжирский народ отвергает такой «мир», ибо, как сказал видный алжирский патриот Ахмед Франсис, он может быть только «миром кладбищ».

В. ИОРДАНСКИЙ

Патруль французских парашютистов в алжирской деревне.

ПИШУЩАЯ МАШИНКА

Наталья ДАВЫДОВА

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Татьяна Попова училась на филологическом факультете. Ей очень нравилось ходить пешком в университет, потому что по дороге она могла мечтать и смотреть по сторонам, а переходя мост, любоваться Невой, потом набережной, прекрасной и неповторимой. Странное дело, она все теперь воспринимала как прекрасное и неповторимое. Ростральные колонны — прекрасные и неповторимые, длиннейший университетский коридор — прекрасный и неповторимый. Даже пухлые увядающие астры в университетском дворе она считала прекрасными и неповторимыми. Все это происходило от естественной гордости, что она студентка университета.

Лекции Татьяна посещала исправно, хотя они не казались ей прекрасными и неповторимыми. У Татьяны были самые образцовые конспекты лекций во всей группе, но она осуждала тех профессоров, которые повторяли истины из учебников. Она ценила оригинальность изложения, ораторские приемы, острые шутки. Некоторые профессора ей особенно нравились. На одну женщину ей хотелось быть похожей. Татьяна пробовала перенять манеру ее речи, певучей и выразительной, говорила нараспев: «Да чтоовы! Неужеели!» — и подтверждала эти слова энергичным жестом, заимствованным у другого профессора.

Татьяна была исполнена уважения к университету, его стенам, истории и традициям. Даже студенты старших курсов казались ей существами высшего порядка, впрочем, наверно, потому, что они уже сдали те экзамены, которые ей предстояло сдавать. Экзаменов она боялась панически, но всегда получала пятерки. Она всегда ждала провала и позора. Люди, которые подходили к экзаменаторскому столу и решительно брали первый попавшийся билет, казались ей безумцами и смельчаками. Она же долго шарила рукой по билетам, пытаясь в это время столковаться с судьбой.

Она была добросовестна и прилежна, но не ходила на экзамены без шпаргалок. Она никогда не пользовалась шпаргалками, считая это ниже своего достоинства отличницы, однако... она была нашпигована шпаргалками: это успокаивало.

Сдав экзамен, Татьяна начинала любить тот предмет, с которым было покончено. Насколько плохо было до экзамена, настолько хорошо было после.

Она шла пешком в любую погоду и вспоминала экзамен, лицо экзаменатора, свой ответ, и все это маленькое событие представлялось ей необыкновенно значительным, наверное, еще потому, что домашние, влюбленные в высшее образование, ждали ее дома с пятеркой и подробным рассказом, как все было.

Рассказывала Татьяна с большими преувеличениями: «Экзаменатор злой, как черт... режет всех подряд... понимаю, что лучше уйти, но не ухожу... двум смертям не бывать... спокойно беру билет... иду отвечать без подготовки (на самом деле готовилась битый час)... отвечаю... экзаменатор удивлен... улыбается... ставит жирную пятерку... жмет руку и благодарит».

В ее рассказах в конце профессор всегда жал ей руку и благодарил. Она была честолюбива.

Татьяна получала только «жирные пятерки» и не хотела получать никаких других отметок. Тут были три основных соображения. Первое — стипендия. Стипендия была необходима. Второе — честолюбие отличницы, желание, чтобы хвалили. Третье — эти пятерки очень радовали ее маму. Мама очень любила эти пятерки, ждала их, и Татьяна не могла ее разочаровывать. Наконец, это входит в привычку, как курение,— втягиваешься.

Татьяна была прилежна, аккуратна, серьезна. В школе она была первой ученицей, после школы спокойно поступила в университет.

Литературоведение, которому Татьяну обучали в университете, все еще оставалось тайной за семью печатями, хотя к третьему курсу Татьяна научилась с умным видом повторять, что самое главное — это методика. Про методику говорили все. Говорили друг другу, сообщали преподавателям на семинарах, говорили товарищам, которые учились на других факультетах и занимались более точными науками, и те удивлялись: «Как, и у вас тоже?» Филологи пожимали плечами: «Что значит «тоже»?» У них это самое главное.

Татьяна шептала «методика, методика», когда шла длинной и прекрасной дорогой из университета домой, но она понятия не имела, что это такое.

Был у нее в группе один студент, который знал. Про него говорили, что у него есть методика и он с помощью этой методики уже делал какие-то поразительные открытия. Татьяна Попова посматривала на него с недоверием. В чем тут дело, спрашивала она себя, что знает этот несчастный Саша и не знает она? Почему Сашу называли надеждой и гордостью факультета, а ее никто не называл ни гордостью, ни надеждой? Саша был бледный, безразличный ко всему и такой худой, как будто его грызла жестокая болезнь. А Татьяна была очень здоровая и краснощекая. Когда Татьяна встречала Сашу и он поднимал на нее темные усталые близорукие глаза, ей делалось жаль его. Но чаще она завидовала. Она считала, что она не хуже Саши, что его научные успехи сильно преувеличены. Он писал какие-то статьи,— подумаешь, она бы тоже могла! Наверное.

Татьяна решила наблюдать за Сашей. Выяснив, что Саша занимается в Публичной библиотеке, она тоже записалась в Публичную библиотеку. Она была упорной, ей надо было разгадать Сашин секрет.

За особые заслуги Саша занимался не в общем читальном зале, а в научном, куда было сложно проникнуть, но в результате хитростей ей это удалось. Билет читателя научного зала возвышал ее в собственных глазах, она воображала себя научным работником.

Татьяна пристроилась неподалеку от того места, где обычно сидел Саша. Ей было интересно, сколько часов в день он занимается. Как он занимался! Все дни, включая субботу, он сидел, склонившись над книгами, до закрытия библиотеки, а по воскресеньям приходил к девяти утра, к открытию. Другие выходили покурить и поболтать, Саша не выходил. Некоторые подолгу пили в буфете жидкий горячий чай с пирожными-кольцами. Саша чай пил очень быстро и с чаем ел винегрет или сосиски. Были люди, которые выходили погулять в садике напротив, некоторые отлучались на два часа на Невский, в кино. Татьяна знала таких, которые вообще все время разговаривали всюду: в раздевалке, на лестнице, у выставочных витрин и в самом читальном зале под возмущенное шиканье читателей.

Татьяна наблюдала, как хитрый Саша тащит к своему месту кипы книг. Мелькали классические названия «По истории...», «К вопросу..», иностранные книги. Потом его будут хвалить за то, что он прочитал такую прорву книг. А ведь Татьяна тоже читала — по программе и сверх программы.

Саша часто приходил с завязанным горлом, и Татьяна слышала, как он кашляет, чихает, сморкается. Не поворачивая головы, она могла определить, что чихает Саша. Он отчетливо и тоненько произносил «апчхи», а потом долго отфыркивался и вздыхал.

То Саша читал в журнальном зале, то скрывался в архиве, то удалялся в каталог и там, среди ящиков с маленькими твердыми карточками, чихал и отфыркивался и что-то сосредоточенно выписывал на собственные маленькие карточки. У Татьяны тоже были такие карточки.

Несколько раз Татьяна пробовала разговаривать с Сашей. Он говорил медленно и очень длинно, если попадал на интересную для него тему. Татьяне было скучно следить за его мыслями, и она старалась прекратить разговор. «Чересчур умно»,— думала Татьяна с насмешкой.

Татьяна в библиотеке писала свою курсовую работу. «Ну что писать?» — с тоской спрашивала она себя и вставляла огромные цитаты.

Татьяна ходила в зал для научных работников, выписывала толстые книги и серьезные брошюры, добросовестно читала их, а когда чувствовала, что засыпает, шла в буфет пить чай или брала свежий номер журнала и с интересом читала роман. «Это тоже надо,— успокаивала она себя,— нельзя отставать».

Иногда в особенной тиши читального зала ей хотелось громко запеть. «Что было бы?» — улыбалась Татьяна, поглядывая на соседей.

Саша на ее глазах без отдыха читал и писал и с сожалением вставал со своего места, когда раздавался звонок, извещавший о том, что половина двенадцатого ночи и библиотека закрывается. Он работал как одержимый.

Товарищи Татьяны уже сдавали курсовые работы руководителю семинара, а Татьяна все еще написала очень мало. Саша приносил какие-то куски работы, аккуратно и красиво отпечатанные на машинке (у всех было написано от руки!), и им неизменно восхищались. На очередном занятии женщина-профессор спросила, когда Татьяна собирается написать работу. Татьяна немного подумала и ответила, что в мае. Профессор посмотрела в потолок и, манерно вздохнув, сказала: «Товарищи, поверьте моему опыту, что еще ни одна работа не была написана в мае». Она по-прежнему растягивала слова, у нее это получалось очень внушительно. Очевидно, она намекала на то, что май — весенняя пора, прекрасная и неповторимая. Татьяна вздохнула.

Татьяна спросила у Саши, над чем он работает. Он ответил, заметно оживившись. Татьяна слушала внимательно. То, что он говорил, было очень интересно.

— Мне для этой работы, чтобы кончить, нужна одна штука,— как будто пожаловался Саша и улыбнулся доброй, беспомощной улыбкой,— книги, понимаешь? Но за ними далеко ехать. Денег на дорогу нет.— Он сморщил нос и чихнул.— Вот и правда! — засмеялся он.

«Тронутый,— ласково подумала Татьяна.— Интересно, куда ему надо ехать?»

Неожиданно Саша предложил ей помощь: у него была подобрана литература по ее курсовой теме.

— Когда-то я этим занимался, я сразу о тебе подумал,— сказал он. Он мог говорить о науке «когда-то», а Татьяна могла говорить только «когда-нибудь».

— Я зайду к тебе вечером и перепишу, можно? — обрадовалась Татьяна.

— Конечно, но учти, что я живу у черта на куличках.

Вечером, идя к Саше по одной из дальних линий Васильевского острова, Татьяна думала о себе с неудовольствием. Что-то дрогнуло в ее сердце отличницы, когда Саша сегодня рассказывал о своей работе. Ей было грустно и тревожно. О Саше она думала: «Прекрасный парень». Для нее было неожиданностью, что он так по-товарищески предложил ей помочь. Он казался ей всегда эгоистом, целиком занятым своими заумными учеными изысканиями. Она волновалась, переступив порог Сашиного жилища: наконец она узнает его тайну, тайну алхимика, как приготовлять золото. В том, что он владеет этой тайной, она уже не сомневалась.

Саша открыл ей дверь; на нем был малиновый лыжный костюм, стариковские шлепанцы, горло было обмотано шарфом. Он извинился: «Я занят, у меня ученик» — и повел Татьяну через комнату, где за обеденным сто-

лом сидел мальчик примерно девятого — десятого класса, в другую комнату, где никого не было. Маленькая комнатушка была завалена, буквально набита книгами, а на письменном столе лежали ворохи бумаг и стояла тускло сверкающая черная пишущая машинка. Татьяна сразу обратила внимание на эту машинку.

— Садись за стол, переписывай, а если умеешь печатать на машинке,— печатай. У меня ученик.— Саша дернул конец шарфа и пошел к дверям.

— Чему ты его учишь? — спросила Татьяна.

— Всему: русскому, французскому, в институт готовлю. Большой балбес.— И Саша зашаркал прочь из комнаты.

Татьяна посмотрела на него с восхищением и сказала вслед:

— Горло надо полоскать йодом с содой, помогает.

Татьяна села к столу и огляделась. В комнате ничего не было, кроме дивана и двух стульев. Остальное — книги. На подоконнике, на грубых полках по стенам, на полу.

Она стала разглядывать пишущую машинку, маленькие рычажки, круглые клавиши, твердый резиновый валик. Пишущая машинка! Эта машинка решительно выделила Сашу среди остальных студентов! Еще бы, все приносили свои сочинения, написанные дрянным почерком, преподаватели мучились, разбирая, что написано. А Саша приносил свои работы отлично отпечатанными на машинке, приятно в руки взять, удовольствие читать. Серьезно, солидно. Внешний вид, форма — великая вещь, пускай говорят, что хотят, но это так.

Ей безумно хотелось попробовать попечатать на машинке, хотя она в жизни к ней не прикасалась и не знала, как за нее браться. Она взяла лист чистой бумаги. Довольно легко лист вставился в машинку. «Ничего особенного»,— сказала Татьяна. Она медленно стала нажимать на клавиши, с силой выдавливая каждую букву. Вначале слова сливались в одну строчку, строки набегали друг на друга, но все-таки все можно было понять. Это было удивительно! Татьяна улыбалась от удовольствия. Такие пустяки, такая приятная работа — и в результате напечатанная страница.

Вдруг она поняла, что ничего на свете не хочет так, как иметь собственную пишущую машинку. Это было настолько определенное и сильное чувство, что давняя мечта о сером костюме с кружевной блузкой, как у женщины-профессора, не шла с ним ни в какое сравнение. Если бы у нее была пишущая машинка, она очень быстро написала бы курсовую работу и подала бы ее, красиво напечатанную, как печатают дипломы и диссертации. Если бы у нее была такая вот черная, тускло блестящая пишущая машинка, слегка пахнущая автобусом! Пускай не такая — это, наверно, была очень хорошая и дорогая,— пускай похуже, какая-нибудь старенькая, только бы печатала. Впрочем, у этой машинки была одна неисправность: буква «а» получалась выше, чем остальные буквы, прыгала, но это даже выглядело веселее.

Татьяна быстро постучала по клавишам без разбору. Можно было научиться печатать очень быстро. Тогда она свои и без того аккуратные конспекты все бы перепечатала. Она закончила вкривь и вкось один лист и на всякий случай спрятала его от Саши. Конечно, это было нахальство, что Татьяна стала печатать на машинке, но она не в силах была бороться со своим желанием попробовать. И она нажимала на гладкие круглые теплые клавиши, и выходили черненькие ровные буковки, одна за другой, одна за другой. Она печатала очень медленно, во-первых, потому, что с трудом находила буквы, они располагались не в алфавитном порядке, как следовало ожидать, а как-то бессистемно, а во-вторых, потому, что боялась испортить что-нибудь в этом драгоценнейшем и совершеннейшем механизме. Когда строчка подходила к концу, раздавался нежный мелодичный звоночек, словно волшебный серебряный колокольчик.

Заглянул Саша, улыбнулся и зевнул. Видно, ему было скучно заниматься с учеником. У Саши были круглые черные глаза и одна щека красная, наверно, он подпирал ее рукой.

— А куда тебе надо ехать? — спросила Татьяна.

— В Москву.— Саша вздохнул.

— Это что, обязательно?

— Конечно, нет! — Он подергал носом — у него была такая привычка — и засмеялся.— Но желательно. Я бы тогда закончил работу так, как мне надо, понимаешь?

Татьяна смотрела на него с уважением.

— Хочется,— сказал он и ушел к своему ученику.

Татьяна перепечатала список литературы, руки у нее устали, лицо горело. Напоследок она напечатала свое имя и фамилию и, вытерев машинку чистым носовым платком, встала из-за стола.

— Ложку соды, пять капель йода на стакан теплой воды,— сказала Татьяна на прощание Саше.— Спасибо.

— Если тебе чего-нибудь еще надо, Танечка, приходи. Вдруг я знаю, я помогу.

Обратную дорогу она думала только о машинке, вспоминала, как печатала, вспоминала стук машинки, коротенький, деловой. Быстрота, техника! Потом это чисто физическое очарование пишущей машинки отошло на задний план, и она стала думать о тех необозримых практических возможностях, которые открывает пишущая машинка своему владельцу. Если бы у нее была пишущая машинка! Она слегка шевелила пальцами рук, всеми десятью, хотя печатала только двумя указательными. Ей казалось, что руки приятно ныли. Но это ныло сердце по машинке...

С того дня Татьяна стала грезить пишущей машинкой. Она узнала названия пишущих машинок. Идя по улице, прислушивалась, не стучит ли где пишущая машинка. Заходила в деканат и останавливалась около машинистки, смотрела, как она работает. Втайне она ждала чуда, что ей свалится в руки пишущая машинка. В двадцать лет это бывает, человек засыпает даже не с надеждой, а с уверенностью, что утром случится чудо. Она искала знакомых с пишущей машинкой, чтобы попросить попечатать. Тут она заметила, что люди не любят давать печатать на своей пишущей машинке. Это ее огорчало, но не удивляло. Свою пишущую машинку она бы тоже жалела и берегла.

Несколько раз она одевалась получше, чтобы ее можно было принять за солидного покупателя, заходила в магазины и пробовала пишущие машинки с видом человека, который намерен выписать чек и заплатить деньги в кассу. У нее завелся один знакомый молодой продавец, который все советовал покупать не портативную машинку, а канцелярскую на полный развернутый лист, уверяя, что такая машинка лучше, или, как он говорил, интереснее. Но Татьяна не хотела такую, она хотела маленькую, портативную машиночку, которую можно было взять в руку и ехать с ней куда угодно. Куда ехать, было неизвестно, но с машинкой она бы не расставалась.

Жизнь остановилась, уперлась. Нужны были деньги. Машинку можно купить, как достать денег? Где найти, взять в долг, заработать? Последнее подходило больше всего, но как? Жизнь без машинки кончилась, только с машинкой могла начаться новая, прекрасная.

Татьяна вспомнила Сашу. Нужно было найти ученика. Она могла бы давать уроки английского языка какому-нибудь оболтусу. Где найти подходящего оболтуса? Татьяна прилично знала английский язык. Ей представлялся какой-нибудь шестиклассник, похожий в школьной форме на новобранца, голова круглая, пальцы в кляксах. «Иди вымой руки!», «Сиди спокойно!» Или вроде того ученика, который был у Саши. Она бы справилась, готовилась бы сама к урокам. Поднажать — и

будет пишущая машинка, без которой нет жизни.

Помог Саша. Услышав, что Татьяна ищет ученика, он сказал:

— Да? Да? Тебе нужны деньги? Я спрошу, я узнаю, я постараюсь.

Ученик, присланный Сашей, пришел к Татьяне домой и оказался страшно высоким молодым человеком лет тридцати. Увидев его, Татьяна растерялась и хотела отказаться от занятий. Но пишущая машинка... Тогда все решилось.

Ученик смущался и от смущения покашливал. Татьяна посоветовала ему пить горячее молоко. Она хотела сказать эту фразу по-английски: «Если у вас кашель, то пейте горячее молоко»,— но забыла, как по-английски «кашель». «Если у вас болит горло...» — хотела она сказать, но не сказала. Горячее молоко тогда пить было ни к чему, а нужно было полоскать горло водой с содой и йодом, но она не знала, как по-английски «сода», «йод» и «полоскать».

В общем, первый урок прошел позорно. Татьяна была уверена, что второго не будет, ученик не придет.

Ученик пришел. Это был удивительный ученик, прекрасный и неповторимый. Все надежды Татьяны сосредоточились на нем. Он был очень застенчив, возможно, из-за своего плохого английского произношения, может быть, из-за своего роста. По профессии он был астроном. У него было такое выражение лица, как будто он хотел сказать Татьяне: «Не беспокойтесь, вы замечательная учительница».

Но Татьяна беспокоилась. Она боялась, что ученик откажется от уроков и она никогда не купит пишущую машинку. Она старалась изо всех сил. Она тщательно готовилась к урокам, зубрила слова и репетировала перед приходом ученика английские фразы. Ей казалось, что ученик что-то хочет ей сказать, но не решается. Возможно, он не мог больше заниматься. Она не спрашивала. Они изучали учебник, параграф за параграфом, методично и неукоснительно, как все, что делала Татьяна.

Спустя месяц ученик, справившись со своим поразительным смущением, сказал, что ему совсем не нужно читать учебник, ему нужно переводить астрономические статьи, срочно.

Тогда Татьяна погрузилась в астрономию и английские словари. Небосвод и звезды, далекие миры приближали ее к мечте — маленькой, черной, тускло сверкающей машинке. Собственно говоря, уже можно было начинать подыскивать машинку.

Ученик и Татьяна читали статьи в журналах с яркими обложками. Кстати, она поинтересовалась, нет ли у ученика пишущей машинки. У него не было. Но для астронома пишущая машинка не обязательна, ему скорее нужен телескоп.

А ей нужна была пишущая машинка, только пишущая машинка — и больше ничего. День покупки, день исполнения желаний приближался.

Однажды Саша не пришел на лекции. Вечером Татьяна пошла к нему узнать, что случилось. Ей сказали, что он уехал в Москву.

Саша все-таки поехал в Москву ради нескольких книг, которые были нужны для его работы. Он был настоящий ученый с пламенным сердцем. Татьяна думала об этом, возвращаясь домой. Она вспомнила, с какой неохотой поднимался Саша со своего места, когда раздавался звонок в библиотеке перед закрытием. А она писала без увлечения, по принуждению, потому что надо.

Но теперь, когда у нее будет пишущая машинка, все изменится.

Знакомый продавец, тот самый, который уговаривал купить канцелярскую машинку, теперь, когда она пришла с деньгами, опять попытался спихнуть ей какую-то гадость. Татьяна была начеку и не дала себя обмануть. Продавец уговаривал: «Редкая машинка, пятая модель. Только что без футляра».

Ни за что! Только с футляром. Еще одна, нестандартный шрифт. Смешно говорить,— только стандартный, самый стандартный. Вам что, для учреждения? Для себя.

Наверно, можно было подождать, прийти в другой раз, но она не могла ждать. Машинка хоть как-то приблизила бы ее к Саше.

Татьяна пересмотрела все машинки, выстукивала на каждой свое имя и фамилию и просто буквы, как попадали пальцы: «апрътк. §:»—1%ё №опка». Это было наслаждение. Она выстукивала названия звезд и планет: «Сириус, Андромеда, Кассиопея, Марс».

Все было не то, все не нравилось — главным образом звук, как стучит. Она различала звучание машинки, как музыкант различает звучание инструмента. Ей хотелось звука чистого и ясного, как идеально взятая нота.

Осталась последняя машинка. Продавец определенно не хотел эту машинку показывать, и Татьяна следила, чтобы он не убрал ее с прилавка. Татьяна сделалась подозрительной, как многие люди, обладающие деньгами. Машинка была в потрепанном футляре, но когда с нее сняли уродливую оболочку, Татьяна сразу поняла, что эту машинку она купит. Тихим голосом она осведомилась о цене и коснулась клавиш. Звук был глухой и чистый. Это стояла ее машинка. Она была очень похожа на Сашину машинку, родная сестра. Татьяна напечатала слова «История вопроса». Так назывался первый раздел ее еще не написанной курсовой работы.

Продавец побледнел и сказал, что у этой машинки какие-то части из пластмассы.

— А из чего же, по-вашему, они должны быть? — спросила Татьяна.

— Из металла. Только из металла.

— Но мне как раз больше нравится из пластмассы,— ответила она, держа руку на приятно холодящем корпусе машинки, и потребовала чек.

У бедного продавца были голубые глаза, вьющиеся волосы и авторучка в кармане на груди. Он безропотно выписал чек. Татьяна победила.

Говорят, что человек всегда испытывает легкое разочарование, достигнув желаемого. С Татьяной этого не случилось. Машинка с каждой напечатанной строчкой казалась все чудесней. В первый день владения машинкой Татьяна написала (напечатала) письма даже тем людям, которым вообще никогда не писала. В ее машинке прыгала кверху буква «а», и Татьяну это радовало. Машинка была точь-в-точь как у Саши.

После лекций Татьяна стремилась к машинке так, как можно спешить к живому любимому существу. Ей все время хотелось печатать.

Она стала быстро писать курсовую работу. Из книг, которые советовал прочитать Саша, она успела прочитать две или три, так что писала она без особенной подготовки. Но писалось легко под аккомпанемент пишущей машинки.

Через две недели она принесла в университет свою работу, отлично отпечатанную на машинке, и отдала ее руководителю семинара в один день с Сашей,— это было не совпадение, а просто последний день, когда принимали работы. Татьяна всегда сдавала все работы в срок; что касается Саши, то он иногда опаздывал.

Саша пришел подтянутый, свежевыбритый, в белой рубашке с галстуком, для него это было событие. Как всякий человек, которого обычно видишь небрежно одетым и небритым, он в этот день выглядел почти торжественно. Круглые черные глаза блестели на худом лице. Когда радуется серьезный, редко веселящийся человек, это всегда заметно. Он делает это неловко и трогательно. Саша разговаривал громче обычного, у него горели щеки, он волновался.

Татьяна улыбнулась Саше; он мог не сомневаться, что его работа окажется прекрасной, выдающейся, ее рекомендуют опубликовать в университетском сборнике, о ней будут говорить. Татьяна знала это, недаром она следила за Сашей в Публичной библиотеке и была у него дома, в комнатушке, заваленной книгами. Он съездил в Москву, а этого уж никто не сделал. Кроме того, он печатает свои работы на пишущей машинке, а это тоже коечто значит.

Татьяна нагнулась к столу профессора, чтобы сравнить, чья работа напечатана лучше. То, что она увидела, поразило ее. Сашина работа была написана от руки, острым, косым, неразборчивым почерком!

Профессор тоже удивилась:

— Вы всегда печатали на машинке, а на этот раз,— нет.

Саша улыбался сдержанно, торжественно-счастливой улыбкой.

— На этот раз нет. Но это не имеет значения.

— Конечно, конечно,— любезно сказала профессор.

Татьяна взволнованно переводила взгляд со своей курсовой работы на Сашину. Ее сочинение, которое она вовсе не переоценивала, пустяковое сочинение, было напечатано на машинке с весело танцующей буквой «а». На Сашиной машинке! Значит, Саша продал свою машинку, чтобы поехать в Москву, чтобы прочитать нужные ему книги и закончить свою работу, написанную от руки. Значит, машинка значила для него меньше, чем эти книги, меньше, чем его работа. Значит, машинка для него ничего не значила.

— Саша, ты продал свою машинку? — спросила Татьяна.

Саша посмотрел на Татьяну исподлобья.

— Ну чего ты кричишь?

— Значит, ты продал свою машинку, чтобы...

— Танечка, ну чего ты кричишь, что особенного? — Саша весело улыбался.— Разве в машинке дело? Почему ты придаешь этому такое значение? Подумаешь, событие! Ну, смотался в Москву, написал, что хотел, теперь вопрос, как получилось.

По лицу Саши, по его улыбке Татьяна видела, что его интересовало только одно — как получилась его работа,— и ничего больше.

— Танечка, почему ты такая красная, ты не заболела? — заботливо спрашивал Саша, взяв ее за руку.— Проводить тебя домой? Ты, наверно, тоже устала, тебе надо отдохнуть.

Но она не устала, она без труда написала курсовую работу, за которую она получит обычную пятерку, потому что написано грамотно, все, что полагается, и к тому же красиво напечатано на машинке. Татьяна выдернула руку и убежала из университета домой.

Дома она быстро обтерла машинку — Сашину машинку! — и поставила в потрепанный футляр. Она торопилась. Не потому, что боялась раздумать, а потому, что хотела скорее поставить машинку на Сашин стол, на то место, где она стояла и должна была стоять, среди его книг и бумаг.

«Кто ты такая, интересно, чтобы делать такие подарки? — представился ей возмущенный голос матери.— У тебя нет пальто, туфель...» Она не стала перечислять того, чего у нее не было. Воображаемый голос матери спрашивал: «Кто он тебе? Почему ты это сделала?»

Татьяна засмеялась. Она не знала, что она ответит матери, но знала, что скажет Саше, если он будет дома: «Вот твоя машинка».

Лучше, конечно, чтобы его не было дома. Она села на трамвай. Она улыбалась, прижимая к себе машинку. Она сожалела только, что не успела починить веселую прыгающую букву «а». Она любила, чтобы все было исправно и стояло на своем месте.

С рецептом в руках

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

Мой приятель заболел. Врач уложил его на три дня в постель и прописал микстуру. Я простоял за ней битых полчаса в очереди и получил... отказ. Это повторилось в другой аптеке. В третьей наконец повезло, но фармацевт, оформляя рецепт, проговорил:

— Будет готово послезавтра.

— Позвольте, — возразил я, обескураженный.— Врач считает, что послезавтра больной уже должен выздороветь...

— Мы очень перегружены, — пожал плечами фармацевт.

Я пошел к управляющему аптекой и выложил все, что накипело за два часа нелепой беготни. Но он привык, видимо, к гневным тирадам посетителей и ничуть не удивился, не обиделся, а спокойно пояснил:

— Не только у нас так...

Управляющий не сгущал красок. Обследование аптек Москвы, Ленинграда, Калинина, Свердловска и Красноярска показало, что получасовые очереди здесь стали обычными, причем изготовление некоторых лекарств тянется двадцать, тридцать часов и даже дольше. А подчас и не сыскать сразу того, что врач прописал.

Чем это вызвано?

В Управлении медицинских препаратов Министерства здравоохранения СССР напомнили: сравнительно недавно, лет десять назад, в нашей стране многие люди, страдающие туберкулезом, были бы рады отдать все свои сбережения, залезть в долги ради того, чтобы раздобыть необходимую дозу антибиотиков. Но этих антибиотиков тогда у нас не делали. Теперь они доступны каждому больному.

Примеров таких десятки. Советская промышленность выпускает около полутора тысяч ранее зарекомендовавших себя и новых медицинских препаратов. Занятые этим предприятия сорока двух совнархозов работают, как правило, с огромным напряжением: объем их продукции ныне в четыре с лишним раза больше, чем в пятидесятом году. И все же медикаментов недостаточно. Поэтому в Пензе, Саранске, Кургане и других городах строятся крупные химико-фармацевтические предприятия.

Но дело не только в нехватке производственных мощностей.

На старых заводах и фабриках многое еще ждет механизации. Между тем конструкторы не очень жалуют эту область промышленности своим вниманием. Да и машиностроители подводят порой. Четыре года назад на таганрогском заводе «Вперед» решили выпускать таблеточные машины. Но их нет до сих пор. Московский завод «Идеал» никак не выполнит своего давнего обещания — делать автоматы для упаковки таблеток в картонные пеналы. А вот, скажем, агрегаты для производства ампул, для засыпки порошков в облатки никто даже и не обещает.

Мешают неполадки и в самой химико-фармацевтической промышленности.

Аминазин, новый препарат, очень нужный в психиатрии и хирургии, рекомендуется употреблять не в порошке, а в виде драже. Дражирование аминазина поручили химико-фармацевтической промышленности Ленинграда. Однако она под всяческими предлогами срывает задание.

На заводах «Акрихин» в Москве и «Фармакон» в Ленинграде сооружаются цехи, которые должны в небольших количествах изготовлять новые препараты, чтобы испытать их в клинике. Сроки пуска обоих цехов все отодвигаются, хотя им уже в нынешнем году предстоит дать клиникам сорок препаратов.

Готовые лекарства, которые выдают больным немедленно — одни по рецепту, а другие и без него, — выпускают также галено-фармацевтические фабрики и лаборатории местных аптекоуправлений. Таких фабрик и лабораторий свыше ста в стране. Но в большинстве своем они мелкие и слабо оснащены современной техникой.

Знаменитую сказку о репке ничего не стоит переделать на аптечный лад. Не сажал дед репки, а принес домой... ну хотя бы синтомицин. Порошок тот горький-прегорький, и заболевший ребенок не хочет его принять. Позвал дед бабку. Бабка за дедку. Просят-упрашивают — упросить не могут. Позвали мамку и папку. Прибежала на шум и соседка. Соседка за папку, папка за мамку, мамка за бабку, бабка за дедку, и все вместе просят-упрашивают — упросить не могут: малыш ревет благим матом...

А ведь известно, что многие лекарства можно изготовлять в виде конфет и шоколадок, мармелада и пастилы. Как это удобно, когда надо лечить больного ребенка! Да и взрослый не откажется от «сладких лекарств». Но их нет. Говорят, что раньше кооперированию с кондитерской промышленностью препятствовали ведомственные барьеры. А теперь?

— Только ли о «сладких лекарствах» мы толкуем годами! — посетовал старый фармацевт. — А что творится с оформлением, упаковкой медикаментов! Если верно, что театр начинается еще в гардеробе, то и лечение начинается в момент, когда больной только взглянул на лекарство. Оно должно выглядеть привлекательно. И уж, во всяком случае, нельзя допускать, чтобы оно вызывало отвращение... Вот баночка с мазью. Видите, она покрыта бумажкой, перехваченной ниткой. Дома снимете бумажку, и мазь станет рассадником бактерий, скопищем пыли. Завтра—послезавтра на нее уже и смотреть противно. А разве нельзя все мази выпускать в тюбиках, как зубную пасту? Разве не хватает пластмасс, чтобы давать аптекам вдоволь баночек с навинчивающимися крышками? Или глазные капли. Попользуетесь ими раза два, пробка раскрошится, крошки плавают в каплях. Сколько мы слышим нареканий на это и попреков! А бутылки какие! Вот ведь странно: для вин и ликеров есть бутылки всех размеров, фасонов и расцветок, а для лекарств нет. Нам присылают что кому вздумается!..

Эти упущения промышленности волнуют не только фармацевтов. Обратимся хотя бы к главному инженеру Московской галено-фармацевтической фабрики Т. М. Горлозой.

— Для девяти десятых жидких лекарств нужна темная посуда. Иначе, например, новокаин, бром, эфедрин с адреналином разлагаются, портятся раньше времени. Но наша потребность в темной посуде удовлетворяется процентов на десять. Пробки по качеству никудышные и по размерам лишь изредка подходят. Вот и получается, что не успеют принести домой камфарный спирт, как он улетучивается. Или купят настойку йода, положат флакон в карман, а потом обнаружат пятна на костюме или на платье. Мало у нас капсул, облаток, картонных коробок. Часты перебои с ампулами...

— Полюбуйтесь, какая удивительная бездумность,— говорит управляющая десятой московской аптекой Е. М. Быховская, показывая только что принесенный кем-то рецепт.—Норсульфазол промышленного изготовления есть всюду в полуграммовых таблетках, и выдают его незамедлительно, А этому врачу заблагорассудилось прописать по четыре десятых грамма. Практически все равно, какую из обеих доз принимать. Но эту пропись — по четыре десятых грамма—нам придется делать экстемпорально, или, проще говоря, по индивидуальному заказу. Мы напрасно затратим время, хотя сильно перегружены. А больному вместо одного раза придется идти к нам дважды. И принимать лекарство он начнет позже, чем если бы получил готовое. Думаете, это единичный случай? Их сотни и тысячи. Многие врачи не интересуются, какие лекарства есть в готовом виде. Оторвались от аптек. Раньше врачи были у нас частыми гостями, а теперь забыли дорогу к нам...

— Врачи забыли дорогу в аптеку! — Об этом же с горечью говорит директор Научно-исследовательской аптечной станции Е. П. Яранцева. — Анализируя рецептуру, мы установили, что иные врачи усложняют ее без всякой пользы для больных. Вот характерный пример. Обычно мы выявляем часто повторяющиеся прописи и передаем их галено-фармацевтической фабрике для массового выпуска. Такие лекарства больной уже не заказывает, а получает в готовом виде. Заинтересованы в этом и аптеки: они освобождаются от излишней работы. Но массовый выпуск некоторых лекарств невозможен из-за поразительного многообразия дозировок: в сотнях аналогичных прописей не подобрать и двух одинаковых. Скажем, в состав витаминов включают как вспомогательное средство глюкозу. А прописывают ее совершенно произвольно — «как рука подскажет»: то в два — три раза, а то и в пять — шесть раз больше средней дозы. Аптеки, и без того перегруженные, вынуждены изготовлять каждое лекарство в отдельности. Так искусственно создаются очереди. Но, может быть, многообразие вольных дозировок диктуется необходимостью? Мы консультировались с учеными-витаминологами, и они ответили отрицательно.

Недавно врачи и фармацевты провели в Куйбышевском районе Москвы конференцию. Врачи признали справедливыми претензии фармацевтов. Договорились наладить тесный контакт лечебных учреждений района с аптеками. Решили также снабжать каждого врача печатными рецептами на все готовые лекарства по его специальности. Изменения в рецепты конференция рекомендовала вносить лишь в тех случаях, когда это действительно необходимо для больного.

Удачное начало ждет своего продолжения и распространения.

Аптек у нас еще недостаточно.

— Помещений не хватает, — оправдываются обычно руководители местных организаций.

Причина веская, но не секрет, что в новых поселках и жилых массивах пивные иногда открываются раньше, чем аптеки. Да и старые помещения аптек зачастую оставляют желать лучшего. Возьмем Московскую область. Из каждых пяти аптек здесь четыре нуждаются в ремонте. Иные ютятся в домах, арендуемых... у частных лиц.

Есть еще немало претензий у аптечных работников.

— Лекарств у нас гораздо больше, чем порой кажется, — говорит руководитель Мосгорaптекоуправления Г. И. Пархоменко. — И, пожалуй, добрая половина жалоб больных отпадет, если плановые и снабженческие организации станут ближе к жизни. Посудите сами, мы в мае подаем заявки на будущий год. А жизнь вносит свои поправки. Все помнят недавнюю вспышку гриппа. Противогриппозных средств тогда потребовалось куда больше обычного. Таких явлений заранее не предусмотришь. Поэтому надо бы разрешить поквартально корректировать примерно процентов двадцать наших заявок на медикаменты.

Плохо и то, что предприятия отгружают некоторые медикаменты не регулярно. Так, все потребное на год количество синэстрола в ампулах и дибазола в порошке Москве поставят только в третьем квартале, сульфодимезина — в четвертом. Получается то густо, то пусто. А как быть, если прошлогодние запасы исчерпаны и на складах пусто? Не просить же больных: «Погодите с рецептом полгодика»!

Аптеки отказывают больным в лекарственных травах. Сбор их за последние годы ухудшился. Дошло до того, что месяцами нет в продаже ромашки, бессмертника, сушеницы, кукурузного рыльца, пустырника. Видимо, систему заготовок лекарственных трав следует хорошенько продумать. Тогда дело и уладится: земля-то наша травами не оскудела...

Качеством советских медикаментов мы вправе гордиться. Вправе мы гордиться и шестидесятитысячным отрядом фармацевтов, людей нелегкого, кропотливого и очень ответственного труда. Но все ли они сделали для улучшения работы аптек? Не нужно быть специалистом, чтобы убедиться: новое, полезное, ставшее уже будничным в одном месте, еще не известно фармацевтам соседнего города, а то и соседней улицы.

В некоторых московских поликлиниках открыты аптечные филиалы. Побывав у врача, больной зачастую может тут же получить лекарства, которые обычно приходится заказывать. А города, где перенимают это нововведение, можно по пальцам перечесть.

В столичных аптеках стало посвободней после того, как они перестали торговать парфюмерией и косметикой. Так же могут поступить во всех крупных городах.

Больше внимания аптекам. Ведь забота о них — это забота о здоровье советского человека.

ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНОМУ ШОФЕРУ

Владимир КРУПИН

Как сообщают ливанские газеты, пьяные американские солдаты раздавили гусеницами танка в Бейруте трех ребятишек, игравших около своего дома.

Шофер грузовика на тракте Ишимбай — Магнитогорск направил свою машину в пропасть, спасая жизнь ребенка.

Не бронза,
не гранит,
не мрамор —
обломок придорожных скал.
Над краем пропасти он замер,
как будто памятником стал.

...Мальчишка — смуглый,
кареглазый —
в пыли дорожной строил дом,
когда раздался грохот «ГАЗа»
у поворота.
За рулем
был паренек.

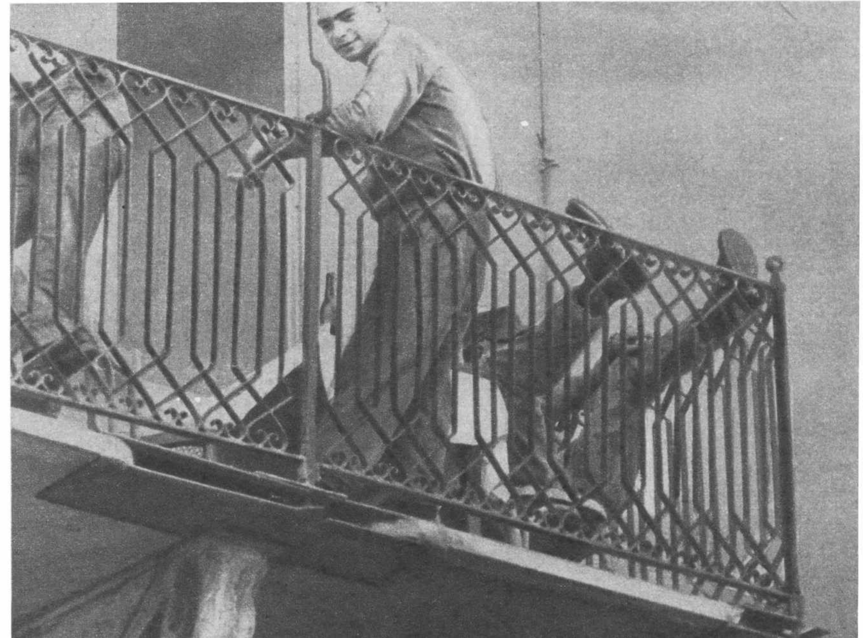
Безусый, русый.
Он вздрогнул: «Поздно
тормозить.
Убить, чтоб жить?
Достойно труса.
Но недостойно
трусом
жить...»

С тоской над ним вздохнуло
эхо.
Но он тоски не принял, нет!
Он крепко верил в человека,
хотя тому всего пять лет.

А тот,
забыв про все на свете,
игрой нехитрой увлечен,
наверно, так и не заметил,
кем был от гибели спасен.

ОККУПАНТЫ В ЛИВАНЕ

Эти снимки сделаны 23 и 24 августа в Бейруте одним иностранным корреспондентом. Они говорят сами за себя. Имея уже некоторый опыт в других оккупированных странах, американское командование разрешает увольнять в город не больше двухсот солдат одновременно. Но и этого количества оказалось вполне достаточно, чтобы познакомить бейрутцев с нравами американских колониалистов. Беспробудное пьянство, драки, насилия над мирными жителями — так на деле выглядит деятельность «защитников» Ливана от мифической «косвенной агрессии».

СКАЗКИ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

О ЗОНТИКЕ

Камбоджа

Один человек пошел навестить своих друзей в отдаленной деревне. Уходя, он взял с собой зонтик. По дороге ему захотелось пить. Невдалеке был водоем. Он оставил зонтик на берегу и спустился к воде.

В это время показался прохожий. Он заметил зонтик, взял его и ушел.

Когда хозяин зонтика отошел от воды, зонтика уже не было. Он принялся искать и увидел, как по дороге удаляется человек с его зонтиком. Он побежал за вором. Но тот спокойно заявил:

— Это мой зонтик!

И оба долго спорили. Наконец они решили отвести один другого к Бодисатве, который в то время был судьей.

Подумав, Бодисатва приказал:

— Сломайте зонтик, отдайте каждому по половине, и пусть они идут по домам.

А своих служителей послал вслед за ними, велев записать все, что произойдет.

Когда тот, который украл зонтик, подошел к дому, его сын закричал:

— Отец, где это вы нашли кусок зонтика?

Первый служитель тщательно записал эти слова.

А когда вернулся домой хозяин зонтика, его дети и жена воскликнули, увидев остатки зонтика:

— О отец, что же вы сделали с нашим хорошим зонтиком?! Почему у вас только половина?

Второй служитель суда старательно записал слова детей и жены этого человека.

Оба писца доложили обо всем Бодисатве. И слова, которые они привели, каждый со своей стороны, свидетельствовали о том, кто был вором, а кто хозяином зонтика.

Судья приговорил вора уплатить хозяину стоимость нового зонтика.

Это было поистине справедливое решение.

О НАСТОЯЩЕЙ МАТЕРИ

Однажды две женщины поспорили из-за ребенка. И решили обратиться к Бодисатве, чтобы он рассудил их.

Бодисатва выслушал их и назначил такое испытание: обе женщины предстанут перед ним с ребенком, и он присудит ребенка той, которая сумеет вырвать его из рук соперницы. Так и случилось. Женщины взяли малыша за руки и начали тянуть — одна в одну сторону, другая — в другую.

Ребенку стало больно, и он громко заплакал. Когда настоящая мать услышала, как плачет ее малыш, сердце ее сжалось. Силы покинули ее, она перестала тянуть, и ребенок остался в руках другой женщины. Та не была матерью, ее не трогал крик ребенка, потому она приложила все силы, чтобы вырвать его у соперницы.

Тогда Бодисатва произнес приговор:

— Потерявшая выиграла. Это ее ребенок.

И судья объяснил:

— Настоящая мать, конечно, та, которая не смогла вырвать ребенка. Чтобы не причинить боль малышу, она выпустила его из рук.

Кайман Воаи и еж Тендрака

Мадагаскар

Как-то раз еж Тендрака неторопливо прогуливался по берегу реки. С дальних лугов доносились звуки нескончаемой жалобной песни: это пастушки пасли стада бантенгов — горбатых волов.

Увлеченный поисками корма, Тендрака неожиданно наткнулся на громадное плавучее бревно. К удивлению ежа, с бревна на него уставились два маленьких часто моргающих глаза. А под ними раскрылась огромная зубастая пасть. Тендрака узнал своего самого страшного врага — каймана Воаи. Бежать было поздно. Еж задрожал от страха, но все же проговорил учтиво:

— Привет тебе, бесценный старший брат! Прости, что я нарушил твой отдых. Но мне не терпелось первым посетить тебя сегодня и поклониться тебе.

Кайман Воаи, на счастье ежа, был в отличном расположении духа. В это утро он успел отменно позавтракать. К тому же учтивость Тендраки польстила ему.

— Я рад побеседовать с тобой, дорогой младший брат, — ответил он. — У этих берегов не часто встретишь зверя, наделенного смекалкой. Да к тому же все почему-то избегают меня. Никак в толк не возьму, отчего.

Некоторое время еж и кайман рассыпались друг перед другом в любезностях. Вскоре они порешили, что отныне будут друзьями, и пригласили друг друга в гости, на обед. Было решено, что кайман, как старший, первым будет принимать у себя ежа.

В назначенный день Тендрака явился к кайману. А между тем кайман ничего не приготовил. Неподалеку от реки он приметил неосторожного вола. Когда вол начал пить, кайман убил его. Тендрака съел несколько кусочков мяса, чтобы не обидеть нового друга, а кайман проглотил всю тушу разом.

Через некоторое время еж, не жалея сил, готовился к приему высокого гостя. Однако, увидев обед, который состоял из кучки кузнечиков, Воаи пришел в ярость:

— Ты неблагодарный нахал! Я угощал тебя жирным мясом, и ты съел все, почти ничего мне не оставив, а теперь... вот чем ты меня потчуешь!.. Не возьму в рот ни кусочка!

Кайман широко разинул громадную пасть, чтобы проглотить дерзкого ежа. Охваченный злобой, властитель реки забыл всякую осторожность. Если бы он утащил ежа в глубину своего логовища на дне реки, то спустя несколько дней колючие иголки опали бы сами собой. Но злоба—плохой советчик...

Еж мгновенно свернулся клубочком и сам устремился в глотку каймана. А уж там он ощетинился да так поиграл колючками, что кайман вскоре испустил дух.

С тех пор, где бы мальгашские женщины ни увидали ежа, возящегося в тине, они спокойно идут к этому месту за водой. Ведь они отлично знают, что кайман не посмеет разинуть пасть в присутствии Тендраки.

БАРАБАН ЛЕОПАРДА

Гана

Когда-то у леопарда Озебо был барабан, большой, красивый — всем зверям на зависть. Каждый хотел иметь такой барабан, но у злого и сильного Озебо отнять его было очень трудно.

Однажды собрал зверей всемогущий тигр. Сам уселся на высокий трон, слуги раскрыли над ним разноцветный зонтик, который люди называют радугой. И сказал тигр зверям:

— Мне нужен барабан леопарда Озебо. Кто принесет его, тому я исполню любое его желание.

Слон Есоно первым вызвался достать барабан. Пошел он к дому леопарда, но Озебо прогнал слона.

Антилопа Адова, крокодил Оденким и другие звери тоже пробовали достать барабан. Но каждый возвращался ни с чем.

Наконец, вылезла из-за камушка маленькая черепаха Акикиги. В то время у нее, как и у всех зверей, была мягкая спинка.

— Я принесу барабан,— тихонько сказала она.

Услыхали это звери и стали смеяться над черепахой:

— Если слон и лев не смогли принести барабан, где уж тут слабой, маленькой черепахе, когда трава, и та выше ее растет.

Но черепаха ответила:

— Я не стану глупее других, если не принесу барабан. Ведь никто из вас не сумел этого сделать.

Когда леопард Озебо увидал черепаху, он крикнул ей:

— Тебя тоже послал тигр?

— Нет,— отвечала Акикиги,— я иду просто из любопытства. Хочу узнать, правду ли говорят звери.

— А о чем говорят? — спросил леопард.

— Да вот, говорят, тигр купил себе новый барабан. И будто он такой большой, что тигр залезает внутрь и его совсем не видно. Все говорят: у тигра барабан больше твоего.

— На свете нет лучше барабана, чем мой,— ответил хвастливо леопард.

— Да, может быть, ты и прав. Но я думаю, что тебе не залезть в свой барабан.

— Сейчас увидишь,— свирепо огрызнулся леопард. И он залез в свой барабан.

— Барабан-то велик, но все же видны твои задние ноги.

Леопард сжался и втянул ноги.

— А хвост торчит,— опять сказала Акикиги.

Озебо изогнулся и убрал хвост.

Тут и закрыла черепаха отверстие барабана чугунным горшком.

Леопард рассвирепел, громко завыл. Но черепаха положила барабан себе на спину и медленно-медленно отправилась в обратный путь. Иногда Акикиги останавливалась и била в барабан — пусть все знают, что это идет она, Акикиги, с барабаном.

Когда звери услыхали грохот барабана, они перепугались. «Сам Озебо идет сюда и играет в барабан»,— подумали они. Но, увидев Акикиги, которая медленно поднималась в гору и тащила барабан, все удивились.

Черепаха подошла к тигру и сказала:

— Вот тебе барабан. Там внутри сидит Озебо. Что с ним делать?

Тут Озебо стал просить:

— Выпустите меня на волю, и я уйду с миром.

И черепаха спросила:

— Убить его?

А Озебо взмолился:

— Не убивайте меня, я отдам вам барабан.

Черепаха сняла чугунный горшок. Озебо стал вылезать из барабана — показался его хвост. Леопард пятился задом и, не заметив большого костра, угодил в самый огонь. Взвился в воздух от боли Озебо и умчался в лес.

Но огонь слегка подпалил всю шкуру Озебо, и пятнышки-подпалины остались у леопарда навсегда.

— Чем же мне вознаградить тебя? — спросил тигр черепаху.

Черепаха Акикиги оглянулась кругом. Все звери с завистью смотрели на нее. И вдруг черепаха испугалась, что звери будут мстить ей за то, что только она сумела выполнить просьбу тигра.

— Больше всего я хочу жить в безопасности, — сказала Акикиги.

И тигр дал черепахе твердый костяной панцирь. С тех пор черепаха никогда его не снимала.

РИСОВАЯ КАША

Цейлон

Разносчики, которые ходят со своими товарами по деревням, никогда не торгуют честно. Втридорога продают они бедным крестьянам все, что привозят из города. И те покупают. Откуда им знать настоящую цену!

На Цейлоне и в Индии есть обычай — строить при дорогах маленькие домики для прохожих и проезжих, чтобы им не пришлось ночевать под открытым небом.

Однажды в таком вот домике встретились пятеро разносчиков. Наперебой стали они хвастаться удачной торговлей. Наговорились вдоволь, а затем, почувствовав голод, решили сварить рисовую кашу на ужин.

Один поставил на огонь чугун с водой и предложил каждому бросить туда по щепотке риса. Тогда другой разносчик сунул руку в свой мешочек с рисом, а затем разжал кулак над чугуном, промолвив:

— Это моя доля.

Остальные последовали его примеру, приговаривая:

— А вот и моя доля.

В ожидании, пока закипит вода в чугуне, разносчики продолжали судачить о своих делах.

Но вот один из них сказал:

— Мне кажется, каша готова. Дайте-ка я погашу огонь, чтобы она остыла.

Он погасил огонь. И снова потекла беседа.

Наконец чугун остыл, и разносчики, вынув свои чашки, приготовились наполнить их. Первый зачерпнул из чугуна и отошел в сторону, чтобы съесть свою порцию. То же сделали и все.

Каждый подносил чашку ко рту, прихлебывал маленькими глотками и оглядывался на соседа.

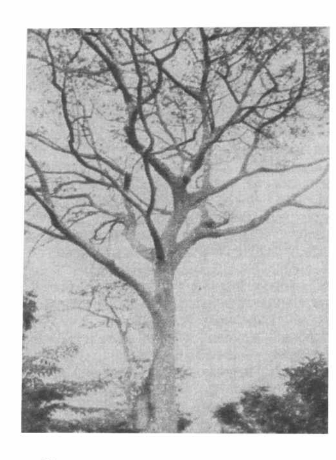
Трапеза окончилась. Разносчики спрятали чашки в сумки и молча разошлись по углам.

А утром никого из торговцев не оказалось в домике. Каждый из них потихоньку улизнул со стыда. Ведь накануне они поужинали всего лишь кипяченой водой!

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

АНЧАР

Известно стихотворение А. С. Пушкина «Анчар», в котором он воспел дерево, обладающее ядовитыми свойствами. Не раз обсуждался вопрос о существовании анчара. Высказывались мнения, что поэт описал легендарное, а не реально существующее дерево.

В действительности такое дерево существует. Оно растет в тропических районах Юго-Восточной Азии и имеет сходное с народным ботаническое название — антиарис токсикария. Дерево это принадлежит к общему семейству с нашей шелковицей, но имеет очень ядовитый сок. Действие сока анчара аналогично сильному яду кураре, добываемому на Амазонке из некоторых лиан, кору и древесину которых долго варят. Сок анчара без всякого приготовления обладает столь же сильным действием.

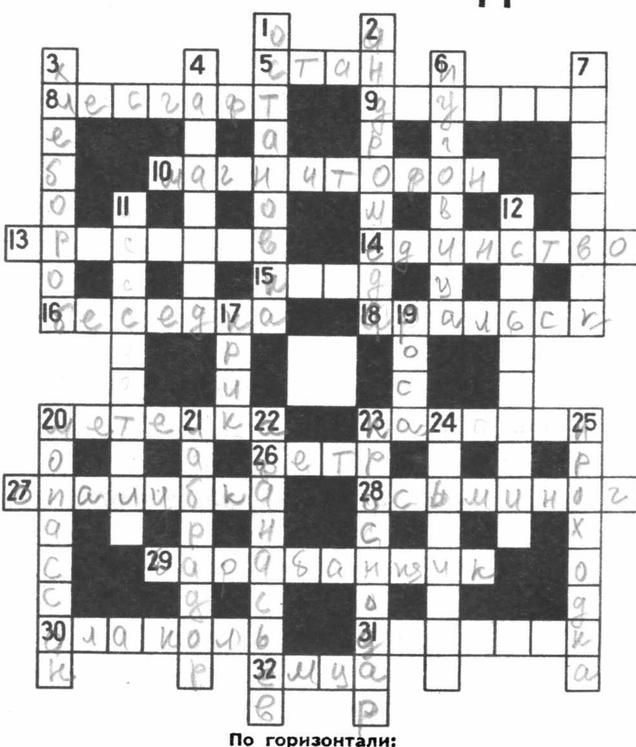
В описании Пушкина неправильно лишь то, что анчар растет в пустынях и выделяет ядовитую смолу.

Автор этих строк при обследовании тропического леса на острове Хайнань (Южный Китай) обнаружил огромное дерево незнакомого вида, имевшее ствол более семи метров в диаметре. Как выяснилось позже, это был анчар. Обмер дерева, его фотографирование и попытка собрать гербарий прошли безнаказанно. Из-за крупного размера дерево было заснято на расстоянии около 100 метров.

Профессор **А. ДРАГАВЦЕВ**

Алма-Ата.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Лагерь, место стоянки. 8. Русский анатом и врач XIX—XX веков. 9. Злак, выращиваемый на юге СССР. 10. Аппарат для записи и воспроизведения звуков. 13. Персонаж в пьесе «Три сестры» А. П. Чехова. 14. Сплоченность. 15. Шерстяная ткань. 16. Легкая постройка для отдыха. 18. Порт в Казахстане. 20. Соцветие. 23. Известный испанский виолончелист. 26. Сорт войлока. 27. Форма для заполнения бетонной смесью. 28. Головоногий моллюск. 29. Музыкант в оркестре. 30. Соленое озеро на юге СССР. 31. Русский поэт-демократ. 32. Приток Северной Двины.

По вертикали:

1. Прекращение движения. 2. Созвездие. 3. Крестьянин, земледелец. 4. Ископаемый саблезубый тигр. 6. Застежка. 7. Кустарник, распространенный в Средней Азии и Казахстане. 11. Участник разведывательной экспедиции. 12. Остров в Северном море. 17. Название пересыхающих рек в Австралии. 19. Атмосферный осадок. 20. Французский писатель XIX века. 21. Полуостров в Северной Америке. 22. Собиратель русского народного творчества XIX века. 23. Город на Северном Кавказе. 24. Почва. 25. Узкая горная выработка.

ЛЕВ и «ЛЬВИЦА».
Изошутка Л. и Ю. Черепановых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

5. Борьба. 6. Польша. 9. Нерпа. 10. Тулуп. 12. Титан. 13. Гурон. 14. Кемерово. 17. Дефис. 19. Норка. 21. Севооборот. 22. Наклонение. 25. Парта. 27. Вьюга. 29. Портьера. 31. Корин. 33. Овраг. 34. Фиорд. 35. Шихта. 36. Рудаки. 37. Бовари.

По вертикали:

1. Подвиг. 2. Ибсен. 3. Досуг. 4. Эшелон. 7. Апекс. 8. Кулон. 9. Напев. 11. Пурка. 15. Мотороллер. 16. Обводнение. 18. Инстинкт. 20. «Оттепель». 23. Тариф. 24. Агава. 26. Апуре. 27. «Вадим». 28. Ползун. 30. Сахара. 32. Нитка. 33. Отпор.

ПРИВЯЗАННОСТЬ К ИСКУССТВУ.
Изошутка И. Массина.

На вкладках этого номера — восемь страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08801. Подписано к печати 17/IX 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 899. Заказ № 2107.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул «Правды», 24.

Рисунки Кете Кольвиц

(1867—1945)

С ВЫСТАВКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА ИЗ МУЗЕЕВ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ВОССТАНИЕ.

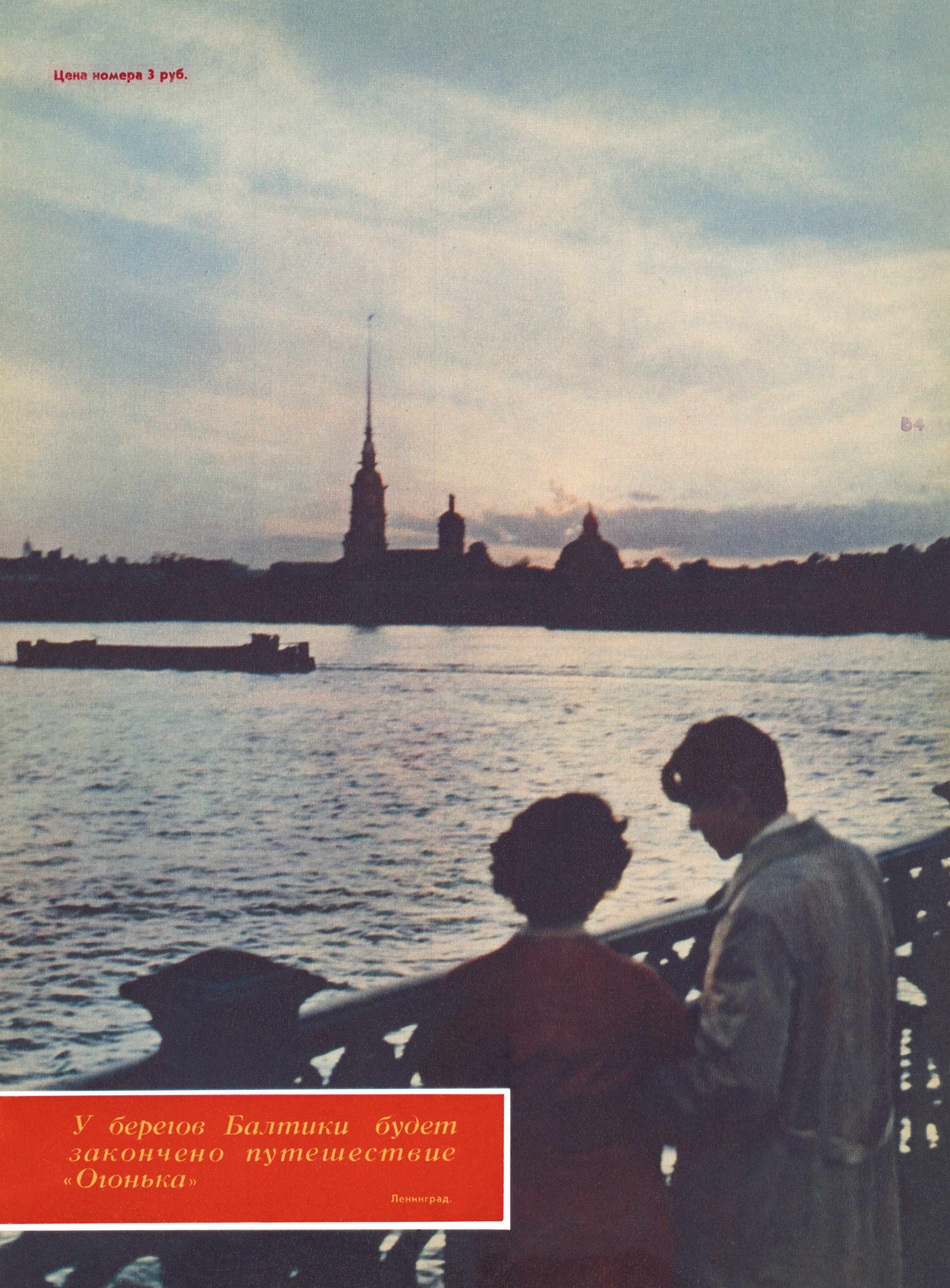
МАТЬ С РЕБЕНКОМ.

ПОД МОСТОМ.

ЖЕНСКАЯ ФИГУРА. Подготовительный рисунок для офорта «Прорыв» из цикла «Крестьянская война».

У берегов Балтики будет закончено путешествие «Огонька»

Ленинград.